

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

FREECONOMY.RU

ЖУРНАЛ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

↓
**КЛИМАТИЧЕСКИЕ
РИСКИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РОСТА**

CLIMATE RISKS
OF ECONOMIC
GROWTH

СТР. 40

→
**ЗАЧЕМ
КАПИТАЛУ НУЖНА
ИНКЛЮЗИВНОСТЬ?**

WHY DOES CAPITAL
NEED INCLUSION?

СТР. 40

↓
**БОЛЬШИЕ
ПРОБЛЕМЫ
СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА
(ВНЕЗАПНО?)**

BIG
PROBLEMS IN
AGRICULTURE
(SUDDENLY?)

СТР. 40

←
**ЧТО
НУЖНО ЗНАТЬ
О НАЦПРОЕКТАХ**

WHAT WE NEED
TO KNOW ABOUT
NATIONAL PROJECTS

СТР. 40

**ЭКОНОМИСТЫ ВСЕРЬЕЗ
ВЗЯЛИСЬ ЗА ТЕХНОЛОГИИ**

РОСТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОСНОВАН НА НАУКЕ

**КАК
ЖИВУТ РОССИЯНЕ
(В ЦИФРАХ РОССТАТ)**
How
the Russians Live
(according to Rosstat)
СТР. 94

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ «ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА» (FREEECONOMY.RU)

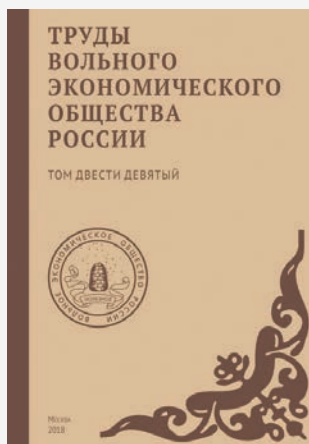
Индекс издания «Вольная экономика»
в КАТАЛОГЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ — 24513

Издание, рассчитанное на профессионалов в области экономики. Журналу удалось занять пустую нишу на медиарынке, стать авторитетным изданием для людей, от которых зависит принятие экономических решений в разных областях.

Журнал «Вольная экономика» доступен по подписке во всех отделениях почтовой связи Российской Федерации или онлайн на сайте: <http://vipishi.ru/>

Интервью, новости и аналитические статьи, опубликованные в печатной версии журнала, а также многие дополнительные материалы доступны на сайте freeeconomy.ru.

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» были включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

«Научные труды ВЭО России» представлены в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и научной электронной библиотеке elibrary.ru

Издание «Научные труды Вольного экономического общества России» доступно по подписке во всех отделениях почтовой связи Российской Федерации или онлайн на сайте: <http://vipishi.ru/>

Индекс издания «Научные труды Вольного экономического общества России» в КАТАЛОГЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ — 10920

SUBSCRIBE TO FREE ECONOMY (FREEECONOMY.RU)

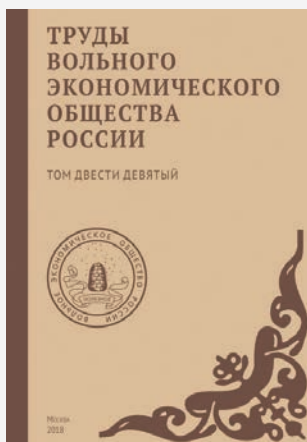
Free Economy's index
IN THE CATALOG OF THE RUSSIAN PRESS IS 24513

A special place in the media space. An authoritative magazine for authoritative people who make decisions in the economic sphere.

Free Economy is available by subscription at any Russian Federation
post office or online at <http://vipishi.ru>

**Interviews, news and analytics published in print version of the magazine
as well as numerous additional materials are available at
freeeconomy.ru**

PROCEEDINGS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

Since 2003, by decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of the Russian Federation The Proceedings of the Free Economic Society of Russia have been included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications tasked with publishing main scientific results of candidate's and doctoral dissertations.

The Proceedings of the Free Economic Society of Russia are represented within the Russian science citation index (RSCI) system and the science electronic library, elibrary.ru

The Proceedings of the Free Economic Society of Russia is available by subscription at any post office of the Russian Federation or online, at <http://vipishi.ru>

The index of The Proceedings of the Free Economic Society of Russia in the Catalog of the Russian Press is 10920

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Главный редактор

Сергей Дмитриевич БОДРУНОВ
Президент ВЭО России,
президент Международного
союза экономистов, директор Института
нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Журнал издается под патронажем
Международного комитета ВЭО России

Шеф-редактор Андрей Прокофьев
Арт-директор Егор Морозов
Корректор Наталья Медведенко
Над номером работали
Елена Березина, Леонид Кулешов,
Ольга Ремова, Алексей Савин,
Марина Тальская,
Надежда Толстоухова, Андрей Травин
Фото: Shutterstock, если не указано иное

Издатель и редакция
Общероссийская общественная
организация
«Вольное экономическое общество России»

Адрес: Москва, ул. Тверская, 22а

Редакционный директор

Маргарита Ратникова

Директор по развитию

Анна Бобина

Телефон: +7 (495) 609-07-60

Электронная почта: INFO@VEORUS.RU

№ 10 (апрель – июнь 2019)

Зарегистрировано в Роскомнадзоре 01.11.2017

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС 77-71537

Учредитель ООО «ИнвестКонсалт»

Подписано в печать 29.04.2019

Выход в свет 15.05.2019

Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии «ИСПО-принт»,

Адрес: Москва, ул. Щипок, 28

16+

Редакционный совет

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, советник
Президента Российской Федерации, академик РАН

Р. С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, научный
руководитель Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор

В. И. ГРИШИН

Член Президиума ВЭО России, ректор Российского
экономического университета
им. Г. В. Плеханова, д. э. н., профессор

А. А. САВИН

Заместитель главного редактора «Российской
газеты», заслуженный работник культуры РФ

А. Д. НЕКИПЕЛОВ

Вице-президент ВЭО России, директор
Московской школы экономики МГУ
им. М. В. Ломоносова, академик РАН

Д. Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России,
научный руководитель ВЭО России, руководитель
Научного совета ВЭО России, вице-президент
Международного союза экономистов,
научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при правительстве РФ»,
член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор

М. А. ЭСКИНДАРОВ

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве
РФ», академик Российской академии образования,
заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор

Ю. В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, научный
руководитель ЗАО «Издательский дом
“Экономическая газета”», заслуженный деятель
науки РФ, д. э. н., профессор

А. Н. КЛЕПАЧ

Член правления ВЭО России, заместитель предсе-
дателя правления Внешэкономбанка, заведующий
кафедрой макроэкономической политики и стра-
тегического управления экономического факуль-
тета МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный
экономист РФ

INFORMATION ON THE JOURNAL FREE ECONOMY

Chief Editor:

Sergei Dmitrievich Bodrunov, President of the VEO of Russia, president of the International Union of Economists, director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, expert of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

The magazine is published under the patronage of the International Committee of the VEO of Russia

Managing editor: Andrei Prokofiev

Art Director: Yegor Morozov

Corrector: Natalia Medvedenko

The issue was made with participation of: Alexey Savin, Andrey Travin, Olga Remova, Leonid Kuleshov, Marina Talskaya, Nadezhda Tolstoukhova, Elena Berezina

Photos: Shutterstock, if not stated otherwise

Publisher and editorial board:

All-Russian non-government organization Free Economic Society of Russia. Address: 22a Tverskaya Street, Moscow.

Editorial Director:

Margarita Ratnikova

Development Director:

Anna Bobina

Telephone: +7(495) 609

Email: Info@VEORUS.RU

#10 (April-June 2019)

Registered in Roskomnadzor 01.11.2017

Registration Certificate of a Medium of Mass

Communication: MI #FS77-71537

Founder: OOO Invest-Consult

Signed off for printing 29.04.2019

Released: 15.05.2019

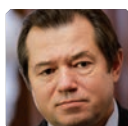
Print run: 3000

Printed at ISPO-print shop

Address: 28 Shchipok Street, Moscow

16+

Editorial Board

S.Yu. Glazyev

Vice President of the VEO of Russia, advisor to the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences

R.S. Grinberg

Vice President of the VEO of Russia, Research Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

V.I. Grishin

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Rector of the Plekhanov Russian Economic University, Doctor of Economics, Professor

A.A. Savin

Deputy Chief Editor of Rossiiskaya Gazeta, honored science worker of the Russian Federation

A.D. Nekipelov

Vice President of the VEO of Russia, director of the Moscow School of Economics of the the Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Sciences

D.E. Sorokin

Vice President of the VEO of Russia, head of the Academic Council of the VEO of Russia, Research Director of the Financial University under the RF Government, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

M.A. Eskindarov

Vice President of the VEO of Russia, Rector of the Financial University under the RF Government, Academician of the Russian Academy of Education, honored science worker of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

Yu.V. Yakutin

Vice President of the VEO of Russia, Research Director of the Economic Newspaper Publishing House, honored science worker of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

A.N. Klepach

Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Chairman of the Board of Directors of Vneshekonombank, Chief of Department of Macroeconomic Policy and Strategic Management of the Economic Faculty of the Lomonosov Moscow State University, honored economist of the Russian Federation.

УМНОЙ ЭКОНОМИКЕ НЕОБХОДИМО УМНОЕ ГОСУДАРСТВО

Уважаемые читатели!

Мировое сообщество — чуть ранее, и наше общество — относительно недавно, но все же! — обратили внимание на те качественные изменения в технологическом базисе экономики, о которых мы говорим многие годы. Приходит понимание того, что мы стоим в начале качественных трансформаций, которые формируют глобальные вызовы для будущего социально-экономического развития. От монотонно успокаивающих разговоров о постиндустриальном обществе, миражи которого заслоняли полисимейкерам и даже многим ученым пустыню деиндустриализации, постепенно началось движение к новой парадигме — реиндустриализации, восстановлению промышленности на качественно обновленной технологической основе. Впереди — переход на этой базе к новому этапу общественного устройства, новому индустриальному обществу следующего поколения.

Ситуация в российской экономике, мягко говоря, неоднозначна. Но, справедливости ради, отмечу — за последние пять лет многое в нашей стране удалось изменить к лучшему. Много сделано. Но — еще далеко не все. И внешний «контекст» тоже для нас не прост — произошли существенные изменения в геополитических и геоэкономических условиях существования нашей страны, ее экономики. И дело здесь не только в санкциях, контрсанкциях — на наших глазах изменяется сама конфигурация мирового полити-

ческого и экономического пространства. Россия оказывается в этой конфигурации перед жестким выбором — или стать одним из авторитетных игроков на этом новом поле, или оказаться в положении страны, зависимой от новых фаворитов и экономически, и политически.

Угроза второго пути была более чем реальна в конце прошлого века. К счастью, сегодня высокий уровень суверенитета России стал геополитической реальностью. Однако ее геоэкономический суверенитет пока под серьезным сомнением. Конечно, нам удалось осуществить прорывы в сфере оборонного производства, наметились позитивные сдвиги в аэрокосмической сфере (я, имея компетенцию в этой сфере деятельности, могу «засечь», что в последние годы здесь сделаны новые крупные шаги), в энергетике, строительстве, транспортной инфраструктуре, создании трубопроводных сетей, кораблестроении и т. д. Мы смогли реализовать мирового уровня проекты в спорте — я имею в виду Олимпийские игры 2014 года, недавний чемпионат мира по футболу — их невозможно было бы осуществить без приличной экономики.

Но у этой медали есть и другая сторона.

В нашей экономике вот уже 10 лет наблюдается по большому счету определенная тенденция к стагнации. Медленный, 1–2%-й рост перемежается спадами, относительно оптимистичная уточненная цифра Росстата о результатах 2018 года — рост ВВП на 2,3% — на самом деле нас недостаточно вдохновляет, ибо для

того, чтобы начать догонять, хотя бы по экстенсивным показателям, наших основных геополитических конкурентов, нам нужны цифры как минимум в два раза больше. Только в этом случае мы можем опередить по темпам роста мировую экономику.

Но это — часть проблемы. И я полагаю, возможно, не самая важная ее часть.

На самом деле России нужен сейчас не столько экстенсивный рост, сколько интенсивное развитие. О том, что рост ВВП сам по себе еще не отражает реальных качественных сдвигов в экономике, написано немало страниц. Этот тезис находит все большее понимание и в мировом сообществе, и у нас. Однако за годы обострения внешнеполитических проблем мы не смогли пока в полной мере решить задачу импортозамещения в сфере высокотехнологичного промышленного материального производства, у нас еще нет соответствующих мировому уровню массовых производственных мощностей, у нас дефицит соответствующих кадров, у нас все еще большие проблемы с развитием как академической, так и прикладной науки.

О чем говорят наши успехи и наши проблемы? Они говорят о том, что в стране есть и потенциал, и стремление решить стоящие перед нами задачи. И это очень важно. Однако выраженной четко стратегии, которая позволила бы использовать этот потенциал, пока нет.

О важнейших экономических проблемах России, о необходимости в их разрешении опираться на академическую науку будут говорить крупнейшие российские специалисты на открывающемся в мае т. г. Московском академическом форуме (МАЭФ).

Безусловно, в связи с этим стоит отметить — большая ответственность лежит на экономической науке. Мы должны помочь теоретически правильно сформулировать стратегические цели нашего развития (об этом обычно мало задумываются, ограничиваясь, как правило, постановкой количественных задач). Обоснование выверенных целей и дает наука, теория, позволяя не просто предугадать, а — обосновать направление будущего развития.

Исследования ученых Российской академии наук, экономистов ведущих научных институтов и университетов, экспертов Вольного экономического общества России показывают: такая цель в условиях современной технологической революции — это ускоренный технологический прогресс, ведущий к активному развитию экономики, общества и человека.

Пожалуй, в этом плане стоит позитивно оценить некоторые подвижки последнего времени. Сформированы Национальные проекты, сформулирована с участием РАН и одобрена Президентом Национальная технологическая инициатива. Кстати, о необходимости технологического развития глава государства неоднократно заявлял, в том числе в недавнем Послании Федеральному Собранию. Это — весьма правильные шаги в направлении подъема национальной технической базы.

Но до целостного стратегического плана социально-экономического развития, в основу которого будет положен именно научно-технический прогресс, пока далеко. Во всяком случае, он в явном виде не сформулирован.

В этом свете представляется целесообразным придание НТИ статуса Национального проекта. Премьер Д. Медведев уже заявил 4 апреля о выделении НТИ 6 млрд рублей. По нашим расчетам, этого недостаточно. В ранге президентского проекта у НТИ могли бы быть иные перспективы, да и с исполнителями был бы совершен-

но иной спрос. При этом РАН могла бы стать координатором такого проекта — ведь для его реализации должен существовать некий штаб, обладающий и определенными, в том числе — властными, полномочиями, и быть при этом в определенной мере меритократическим, обладающим высокими компетенциями.

Очень важно определиться с ресурсами. Для экономистов-практиков кажется едва ли не очевидным, что в данном случае речь должна идти в первую очередь о деньгах. Но это не так. Деньги как раз в России есть. Это убедительно доказал академик А. Г. Аганбегян в своей книге, презентация которой недавно состоялась в ВЭО России. Я говорю при этом не только о наших золотовалютных резервах, о профиците государственного бюджета. И даже не только о том, что около триллиона рублей бюджетных ассигнований прошлого года не было использовано — речь идет и о других резервах. К примеру, о том, что у нас до 30 триллионов рублей составляют накопления предприятий, свыше 40 триллионов — на руках у населения, до 20 триллионов, по некоторым оценкам, в теневой экономике. Все еще значительные объемы капитала вывозятся из страны.

То есть — дело не в финансовых источниках технологической интенсификации. Речь должна идти в первую очередь о других ресурсах — человеческих. И они у нас тоже есть: Россия занимает одно из первых мест в мире по доле так называемого креативного класса, если считать по методике известного американского социолога-креативиста Р. Флориды. Но эти ресурсы нашей экономикой нынешнего типа не востребованы в той мере, в которой необходимо для прорыва. Речь должна идти о системе мер, уже не раз предлагавшейся представителями секции экономики Российской академии наук, экспертами ВЭО. И первое — это отказ от монетаристско-ориентированной экономической теории и практики, уход от рыночного фундаментализма, с чем сегодня, пожалуй, уже солидарно большинство интеллектуалов. И, конечно, это — активная промышленная политика, стратегическое планирование, активизация инвестиционной деятельности, концентрация главных ресурсов в базовых сферах технологического прорыва, совершенствование государственного управления. Умной экономике нового этапа развития общества нужно умное государство.

Сергей Бодрунов

Главный редактор
журнала «Вольная экономика»

A SMART economy needs a SMART STATE

Dear readers:

The global community, a little earlier, and our society, quite recently but still, have noticed the qualitative changes in the technological base of economy which we've been discussing for years. It has become clear we are on the brink of a qualitative transformation that will create global challenges to the future of social and economic development. From monotonous and soothing talk of a post-industrial society, a mirage that has prevented policymakers and even scientists from discerning the devastating reality of de-industrialization, we are gradually moving towards a new paradigm, re-industrialization, a restoration of industry on a qualitatively updated technological basis. Ahead of us is a transition to a new stage of social order, a new industrial society of the next generation.

The situation in the Russian economy is ambiguous, to put it mildly. But, for the sake of justice, let me say that over the past five years much has changed for the better in our country. A lot has been done. But not everything, by far. The foreign "context" has not been easy for us either — there have been significant changes in the geopolitical and geo-economic conditions in which our country and its economy have to exist. And it is not only a matter of sanctions or countersanctions — the very configuration of the global political and economic arena is changing before our eyes. In this configuration, Russia is facing a tough choice: either to become one of the authoritative players in the new field, or to find itself in a position of a country dependent on the new favorites, both economically and politically.

The threat of the second scenario coming true was more than real at the end of the last century. Fortunately, today the high degree of Russia's sovereignty has become a geopolitical reality. However, its geo-economic sovereignty is still highly questionable. Of course, we've managed to achieve breakthroughs in defense production, and there have been positive changes in the aerospace industry (having a certain competence in this sphere, I can "detect" some new major steps that have been taken in recent years), in energy sector, construction, transport infrastructure, in the creation of pipeline networks, in shipbuilding, etc. We were able to implement world-class projects in sport — I mean the 2014 Olympic Games, the recent FIFA

World Cup — none of them could have been accomplished without a decent economy.

But this medal has the other side.

A certain tendency toward stagnation has been observed in our economy over the last 10 years. A slow (12%) growth is punctuated by recessions. The 2.3% GDP growth, a moderately optimistic figure recently updated by Rosstat, is not exactly inspiring, because in order to start catching up with our main geopolitical competitors, at least in terms of extensive indicators, we need at least twice better performance. Only that way can we get ahead of the world economy in terms of growth rate.

But it's only a part of the problem. And not the most important part of it, I believe.

In fact, what Russia needs now is not so much extensive growth as intensive development. The fact that GDP growth in itself does not yet reflect real qualitative changes in the economy has been discussed at length. Both the global community and people at home have been gradually coming to this realization. However, during the years after Russia's foreign policy problems became exacerbated, we have been unable to fully solve the problem of import substitution in the field of high-tech industrial material production, we still lack world-class mass production of knowledge-intensive equipment, we have a shortage of skilled personnel, we still have big issues with the development of scientific research, both fundamental and applied.

What do our successes and problems point at? They suggest that the country has both the potential and the desire to solve the tasks facing us. And it's very important. However, there is no clear strategy that would allow us to use this potential.

Russia's top experts will be discussing the country's most pressing economic problems and the need to rely on academic science in solving them at the Moscow Academic Forum (MAEF) to be held in May.

Of course, in this regard it should be noted that economic science will play a very important role. We need to lend a hand in producing a correct theoretical formulation of the strategic goals of our development (normally, it's not given much thought, and as a rule doesn't go beyond setting quantitative targets). Theoretical science will provide a substantiation for the verified goals as it allows us not only to

predict but also justify the trajectory of future development.

The studies undertaken by scientists of the Russian Academy of Sciences, economists from the top research institutes and universities, and experts from the Free Economic Society of Russia show that given the current technological revolution we should aim at rapid technological progress leading to a vigorous development of economy, society and people.

Perhaps, in this regard, we should give a positive evaluation to certain recent developments. The national projects have taken shape, and the National Technology Initiative has been formulated with the participation of the Russian Academy of Sciences and approved by the President. By the way, the head of state has repeatedly stated the need for technological development, particularly in his recent speech before the Federal Assembly. Those are correct steps in the direction of recovery of the nation's technological base.

But it's still a long way to go until a holistic strategic plan of socio-economic development takes shape based on scientific and technological progress. In any case, it has yet to be explicitly formulated.

In light of that, it would seem appropriate if the National Technology Initiative be promoted to a status of national project. Prime Minister D. Medvedev has already announced on April 4 the allocation of 6 billion rubles to the NTI. According to our calculations, it's not enough. Being regarded as a presidential project, the NTI could have different prospects, and those in charge of its implementation will bear much more responsibility. At the same time, the Russian Academy of Sciences could be put in charge of coordinating such a project — after all, its implementation will require some sort of executive staff with a certain degree of authority and competence, and sharing a meritocratic approach.

It is very important to take stock of the resources. For practical economists, it seems quite obvious that in this case it's money that should be the most important resource. But it's not so. Russia has money. It was convincingly proved by Academician. R. Aganbegyan in his book, presented recently held at the VEO Russia. And I mean not just our foreign exchange reserves, I also mean the surplus of the state budget. And not just a trillion rubles left over from last year's budget

allocations, I mean other reserves as well. For example, the enterprises have saved up to 30 trillion rubles, and the population has over 40 trillion. The shadow economy is worth up to 20 trillion, according to some estimates. The amounts of capital being siphoned out of the country are still significant.

The problem is not in finding sources for financing technological intensification. What's more important is human resources. And we have them too: Russia is one of the world's leaders in terms of the proportion of the so-called "creative class", if calculated based on the method proposed by the famous American urban studies theorist R. Florida. But our economy in its current state cannot absorb as much of those resources as is necessary for a breakthrough. We need a set of measures that have been repeatedly suggested by representatives of the economics section of the Russian Academy of Sciences and by the VEO experts. The first step should be the rejection of the monetarist economic theory and practice, and renunciation of market fundamentalism, a step which today would be looked favorably upon by most intellectuals. And, of course, it's an active industrial policy, strategic planning, intensification of investment activity, concentration of main resources in the basic areas of technological breakthrough, and improvement of state governance. A smart economy of the new stage of social development needs a smart state.

Sergey Bodrunov
Editor-in-chief
The Free Economy Journal

СОДЕР

12 ПОДЛАТАЕМ
И ПОЙДЕМ.
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ
ПО РОССТАТУ

14 RUSSIANS' QUALITY OF LIFE
STUDY BY ROSSTAT

16 ЧТО
НУЖНО ЗНАТЬ
О НАЦПРОЕКТАХ

26 WHAT YOU NEED TO KNOW
ABOUT THE NATIONAL PROJECTS

30 ЧЕМ ЗАЙМЕТСЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
ЦЕНТР
КОМПЕТЕНЦИЙ?

36 WHAT WILL THE FEDERAL CENTER OF
COMPETENCES DO?

40 ЭКОНОМИЧЕ-
СКИЕ ДРАЙВЕРЫ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКО-
ГО РОСТА.
СПЭК-2019

48 ECONOMIC DRIVERS OF TECHNOLOGICAL
DEVELOPMENT. DISCUSSION AT THE SAINT-
PETERSBURG ECONOMIC CONGRESS

54 ПЕРВЫЙ
МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

56 FIRST MOSCOW ACADEMICAL ECONOMIC
FORUMS. SCHOLARS IN SEARCH OF A NEW
DEVELOPMENT PARADIGM

58 ЭКСЛИБРИС «ВЭ»

60 NEW BOOKS IN OUR LIBRARY

62 ЧТО ДЕЛАТЬ
С РОССИЙСКИМ
СЕЛЬСКИМ
ХОЗЯЙСТВОМ?

70 WHAT IS TO BE DONE WITH RUSSIAN
AGRICULTURE

ЖАНИЕ

74 денежно-
ПРОМЫШЛЕННАЯ
ПОЛИТИКА ДЛЯ РЕ-
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

82 MONETARY-INDUSTRIAL POLICY TO
REINDUSTRIALIZE

86 ИНКЛЮЗИВНОСТЬ:
ТРЮК, ОКСЮМОРОН
ИЛИ СВЕТЛОЕ
БУДУЩЕЕ?

92 INCLUSIVE CAPITALISM: A TRICK, AN
OXYMORON OR A BRIGHT FUTURE?

96 КЛИМАТИЧЕСКИЕ
РИСКИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РОСТА

106 CLIMATE RISKS OF ECONOMIC GROWTH

112 В РОССИЙСКОЙ
АРКТИКЕ РАЗРЕШАТ
БУРИТЬ ВСЕМ

118 IN THE RUSSIAN ARCTIC, EVERYBODY WILL BE
ALLOWED TO DRILL

120 ВИТТЕ. ГЕНИЙ
ВОЗМОЖНОГО

126 WITTE, THE GENIUS OF THE POSSIBLE

130 КАЛЕНДАРЬ «ВЭ»:
ЭКОНОМИКА РОБИНЗОНА
КРУЗО, ХОЗЯЙСТВО
ВИКТОРИАНСКОЙ
ЭПОХИ, НОБЕЛЕВСКОЕ
НАСЛЕДИЕ РОССИИ

134 FREE ECONOMY'S CALENDAR

136 ЮБИЛЕИ,
НО НЕ ТОЛЬКО

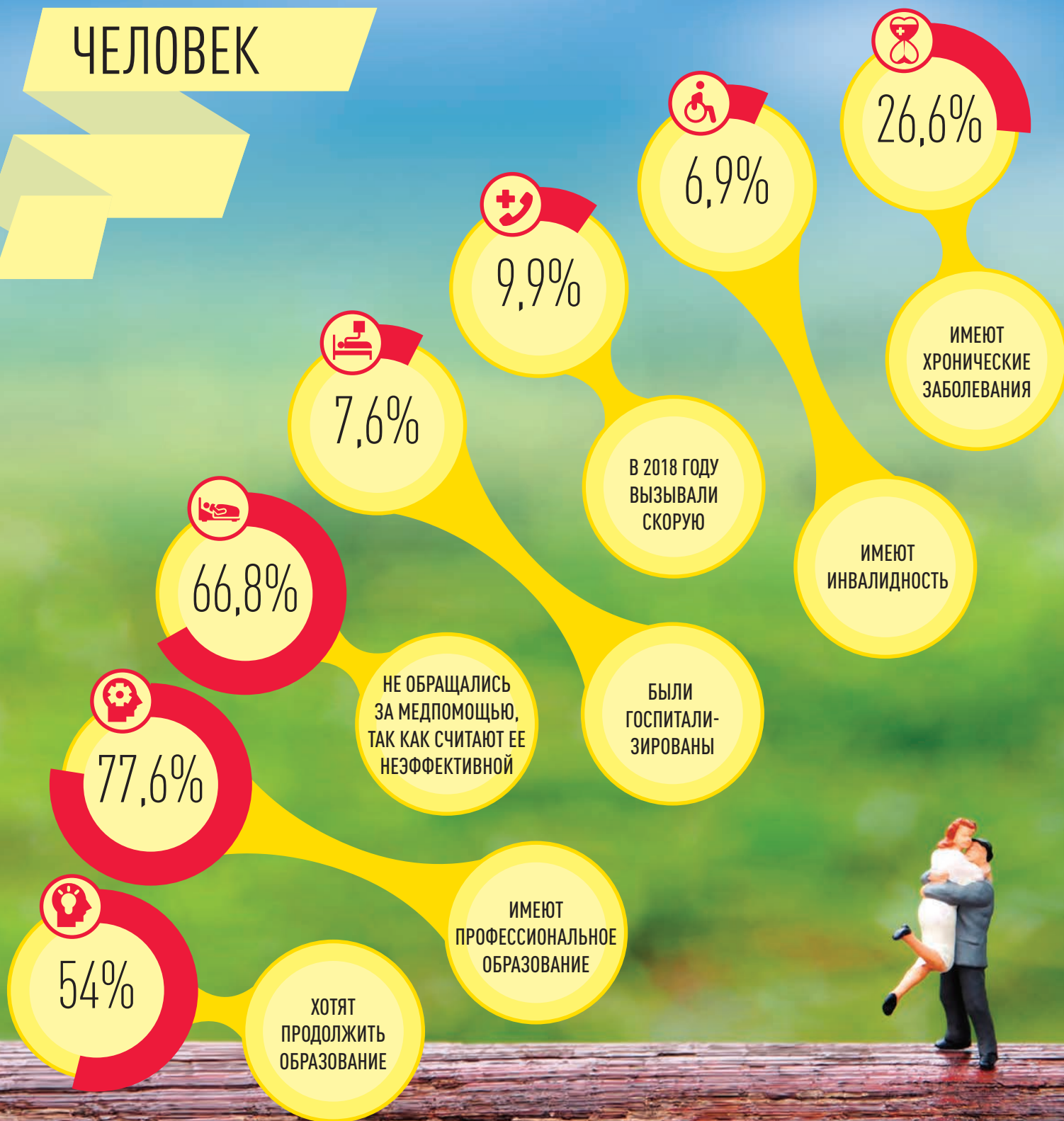
140 BIRTHDAYS... BUT NOT ONLY

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

ЧЕЛОВЕК

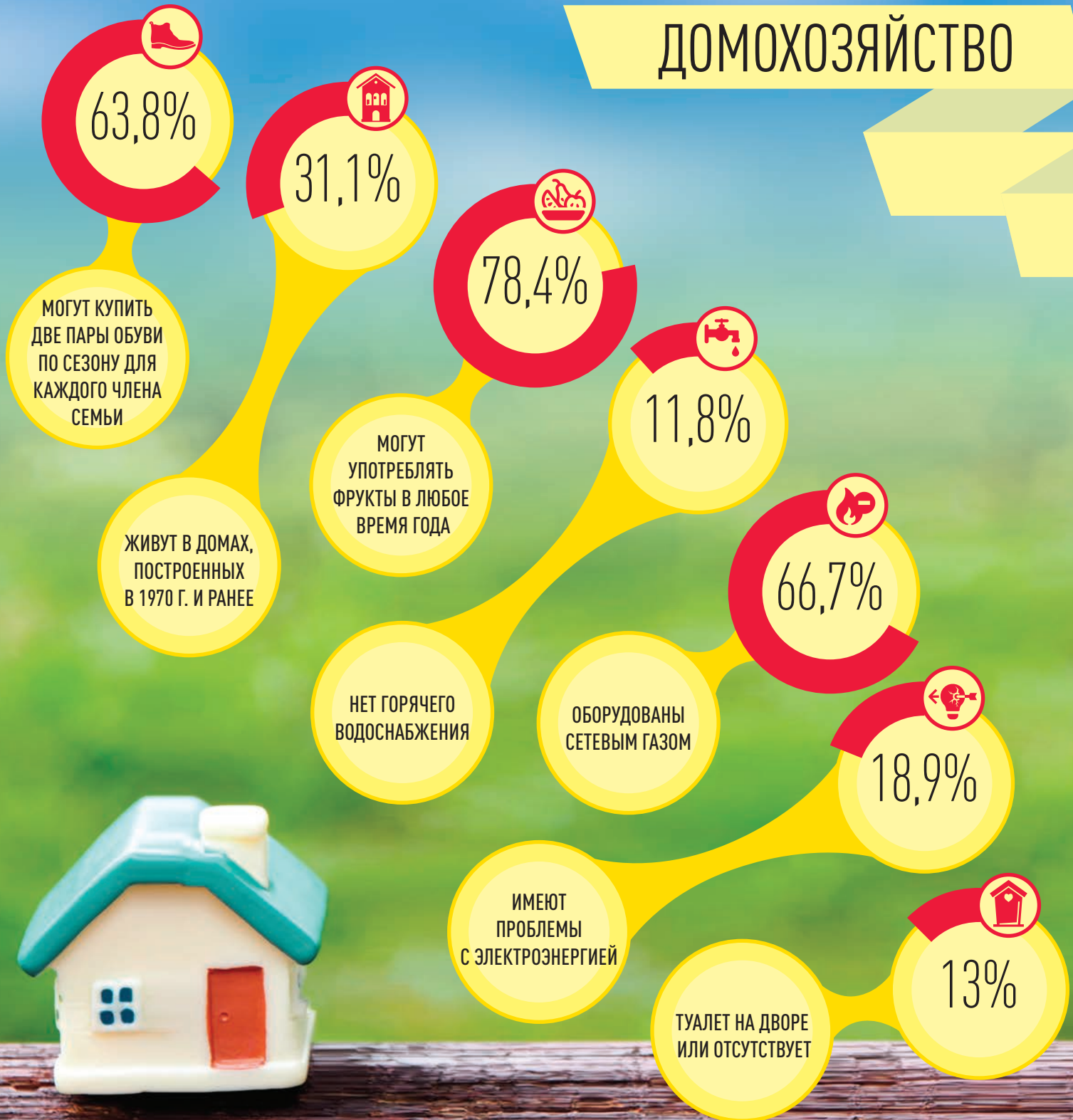

ЖИЗНИ РОССИЯН

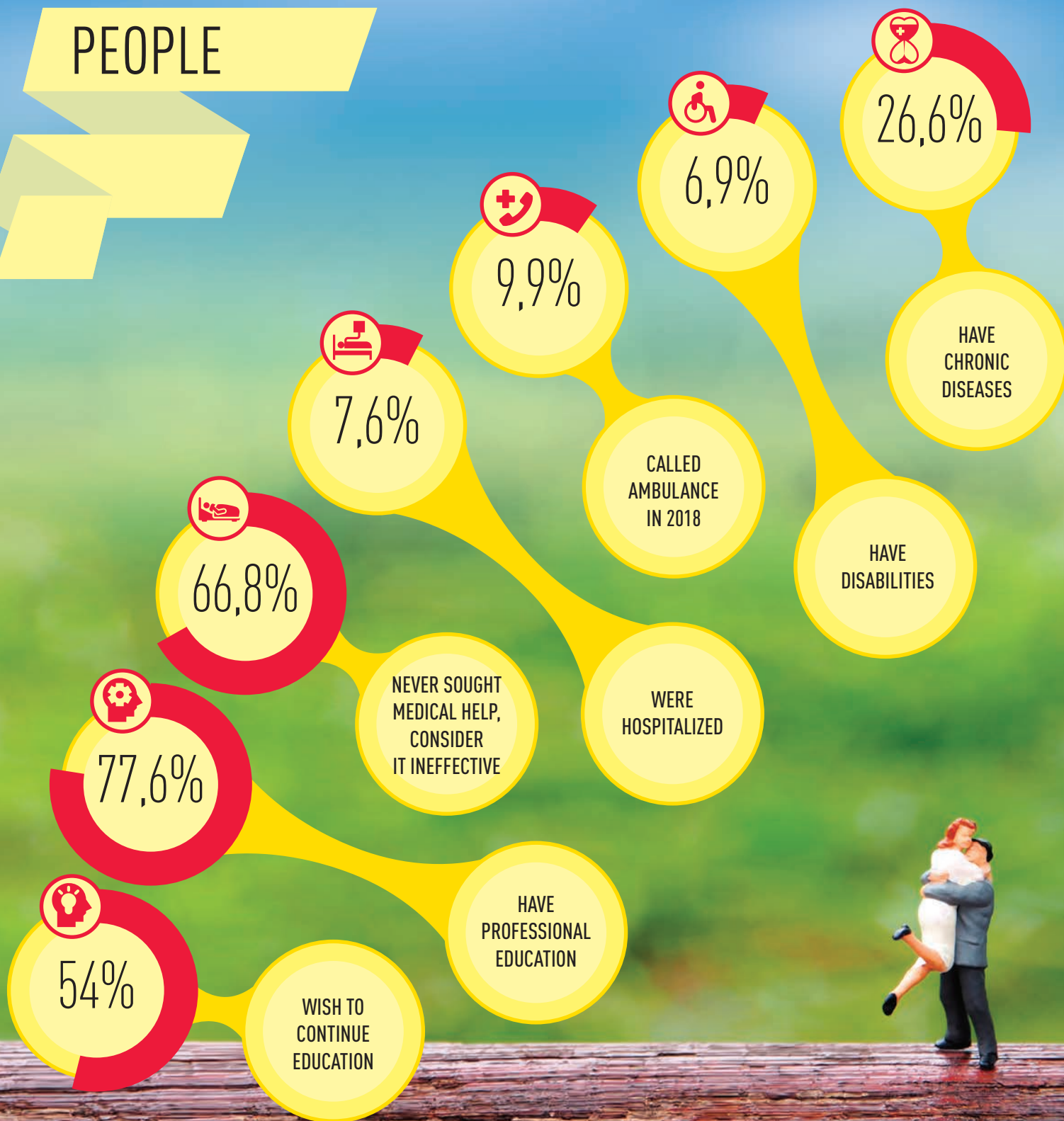
Исследование Росстата

ДОМОХОЗЯЙСТВО

QUALITY OF LIFE

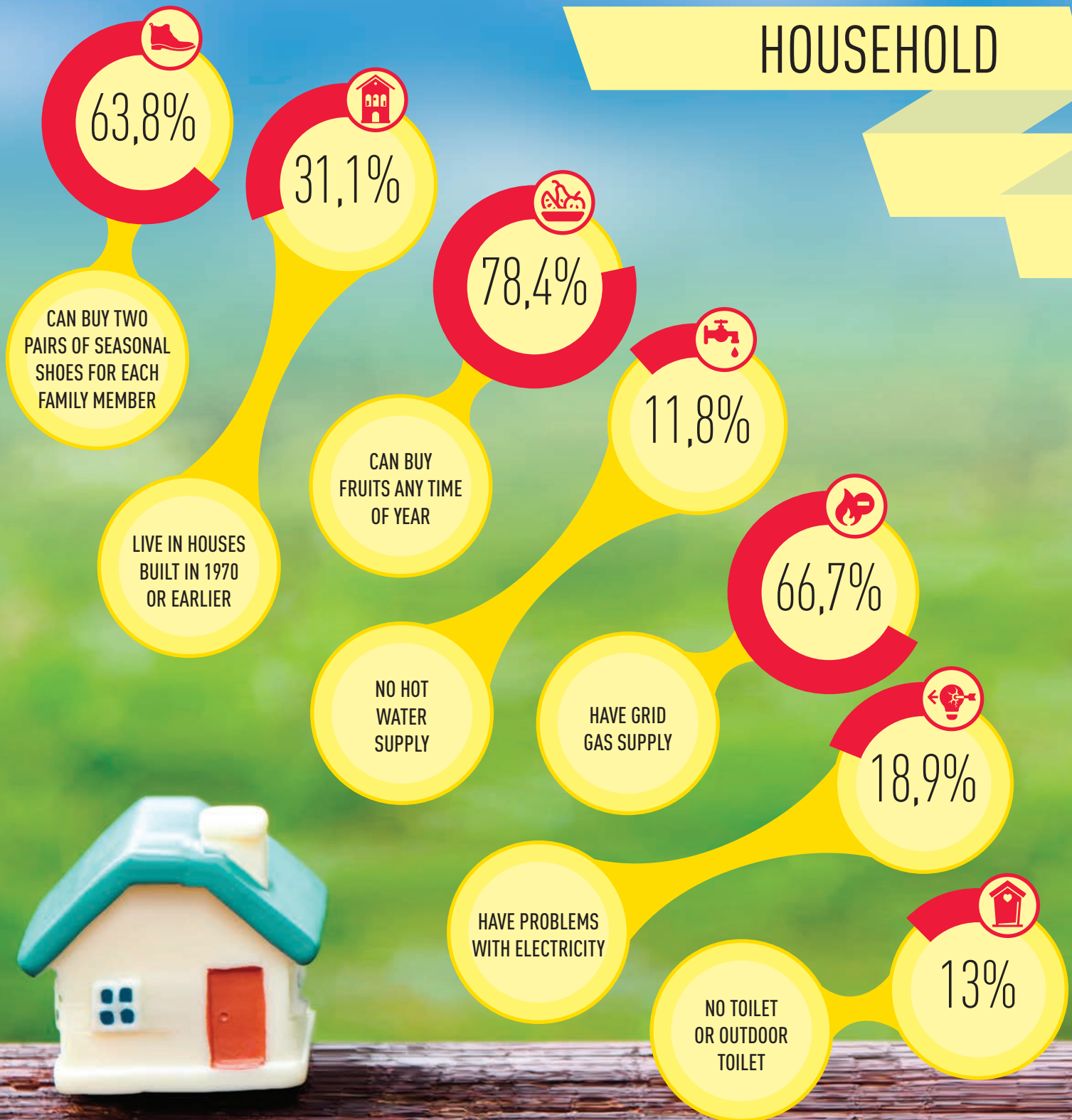
PEOPLE

e OF RUSSIANS

Study by Russian statistics service (Rosstat)

HOUSEHOLD

The background of the page is filled with 3D puzzle pieces. Some pieces are white, some are blue, and some are red. The pieces are scattered across the page, with some overlapping. The text is overlaid on these pieces.

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ О НАЦПРОЕКТАХ

Власти в очередной раз приступили к решению накопившихся проблем: с 2019 года запущены 12 нацпроектов, плюс — глобальный план модернизации инфраструктуры. Импульс формированию современного пакета нацпроектов был дан указом президента от 7 мая 2018 года («О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»). В этом же документе определены и направления для первоочередного приложения сил, которые, в общем, очевидны и неспециалистам.

See below for the English version of the article

Национальные проекты

See below for the English version of the article

«Национальные проекты — это один из путей к решению ... проблем, чтобы люди не терпели, что называется, до светлого будущего, а чувствовали результат каждый день... Нацпроекты — это единая матрица, в которую мы постарались вложить всю жизнь страны. Никогда за историю современной России не делалось ничего подобного». К сожалению, далеко не все эксперты готовы поддержать посыл заявления премьера.

Александр Широв,
заместитель директора ИНП РАН, д. э. н.

ЗАШТОПАТЬ ДЫРЫ?

Качество экономического роста последних лет не устраивает никого, тем более что арифметический прирост ВВП, близкий, впрочем, к единице, почему-то никак не влияет на повышение уровня жизни населения, доходы которого снижаются пятый год подряд. А потому явно требуется заштопать дыры в гуманитарной (демография, медицина, культура, наука, образование, экология) и экономической сферах (МСП, производительность труда, несырьевой экспорт). Очевидно, нужно объединить российские территории доступным сообщением. Дань времени — проект по цифровизации (в основном в области администрирования).

В своем выступлении на февральском инвестиционном форуме в Сочи премьер-министр Дмитрий Медведев оценил глобальный замысел так:

РЕГУЛЯРНЫЕ МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

не могли стать драйверами ускорения экономического роста, потому что в экономике много структурных дисбалансов.

В последние два года многие экономисты, как правительственные, так и неправительственные говорили о том, что нам требуются дополнительные действия в области экономической политики, которые смогли бы сначала вызвать некоторый начальный рост экономики, а потом обеспечить нам ускорение экономического роста. Проблема состояла в том, что регулярные меры экономической политики — денежно-кредитная политика, бюджетная политика и т. д., к сожалению, не могли быть инициаторами этого ускорения темпов экономического роста, потому что в экономике очень много структурных дисбалансов, технологических разрывов и так далее.

И многие говорили про идею национальных проектов, то есть таких проектов, которые бы связали между собой в общую макроэкономическую политику региональную политику, политику в отношении развития отдельных секторов

ОБЩИЕ ДАННЫЕ НАЦПРОЕКТОВ

СРОК РЕАЛИЗАЦИИ: ДО 31 ДЕКАБРЯ 2024 ГОДА

ДЕМОГРАФИЯ

Стоимость — 3105,2 млрд руб.
Куратор — зампред правительства Татьяна Голикова. Руководитель — министр труда и социальной защиты Максим Топилин.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет;
- увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7 на одну женщину;
- увеличение доли граждан,

ведущих здоровый образ жизни;

- увеличение до 55% доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом.

5 СОСТАВЛЯЮЩИХ:

- финансовая поддержка семей при рождении детей;
- содействие занятости женщин;
- старшее поколение;
- укрепление общественного здоровья;
- спорт — норма жизни.

НАУКА

Стоимость — 636 млрд руб.
Куратор — зампред правительства Татьяна Голикова. Руководитель — министр науки и высшего образования Михаил Котюков.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- присутствие России в числе пяти ведущих стран по научным исследованиям и разработкам в приоритетных отраслях;
- привлекательность работы в России для российских и зарубежных ведущих ученых

и молодых перспективных исследователей;

- опережающее по сравнению с ростом ВВП увеличение внутренних затрат на НИОКР.

3 СОСТАВЛЯЮЩИЕ:

- развитие научной и научно-производственной кооперации;
- развитие передовой инфраструктуры НИОКР;
- развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок.

экономики и в конечном счете привели бы к определенному результату. И мы увидели набор этих национальных проектов. В чем проблема.

Суммарно все эти проекты весят примерно 24 трлн рублей в период до 2024 года. Так вот, накопленный ВВП нашей страны за этот период превысит 750 трлн рублей. Соответственно, 24 трлн и 750 трлн — понятно, что вклад не может быть радикальным. К сожалению, мы должны констатировать, что тот набор программ, который сейчас есть, с одной стороны, исходит из предположения о том, что государственные ресурсы могут разогнать экономику, а, на мой взгляд, это неправильно, а с другой — он исходит из того, что этот ограниченный набор средств, который мы запускаем в эти национальные проекты, может что-то радикально изменить в экономике.

Так или иначе объем финансирования программ — крупнейший в новой России — 25,7 трлн рублей. Распределяться деньги будут следующим образом: 10,1 трлн вложат в развитие экономики, 9,9 трлн — в обустройство комфортной среды для жизни и 5,7 трлн — в человеческий капитал.

«ЗАБОЛТАТЬ» НЕ ДАДУТ?

С точки зрения администрирования новый проектный цикл выстроен более жестко. Курирование каждого проекта предусмотрено на уровне вице-премьера. Главным штабом управления проектами является федеральный Проектный офис, его аналоги созданы в профильных министерствах и в регионах — там их возглавляют руководители администраций, они же и отвечают персонально за реализацию нацпроектов на своем «участке».

БЕЗОПАСНЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ АВТОДОРОГИ

Стоимость проекта — 4779,7 млрд руб. Куратор — зампред правительства Максим Акимов. Руководитель — министр транспорта Евгений Дитрих.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- увеличение доли автодорог регионального значения, соответствующих нормативным требованиям, в их общей протяженности не менее чем до 50%;
- снижение доли автодорог федерального и регионального значения, работающих в режи-

ме перегрузки, в их общей протяженности на 10%;

- снижение количества мест концентрации ДТП на дорожной сети в два раза;
- снижение смертности в результате ДТП в 3,5 раза — до уровня, не превышающего четырех человек на 100 тыс. населения.

4 СОСТАВЛЯЮЩИЕ:

- дорожная сеть;
- общесистемные меры развития дорожного хозяйства;
- безопасность дорожного движения;
- автомобильные дороги Минобороны России.

ЖИЛЬЕ И ГОРОДСКАЯ СРЕДА

Стоимость проекта — 1066,2 млрд руб. Куратор — зампред правительства Виталий Мутко. Руководитель — министр строительства и ЖКХ Владимир Якушев.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- обеспечение доступным жильем семей со средним достатком, ипотечный кредит со ставкой менее 8%;
- увеличение объема строительства до 120 млн кв. м в год;
- повышение индекса качества городской среды на 30%, сокращение количества городов с неблагоприятной сре-

дой в два раза;

- создание механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды;
- обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда.

5 СОСТАВЛЯЮЩИХ:

- ипотека;
- совершенствование механизмов финансирования строительства;
- жилье;
- городская среда;
- сокращения непригодного жилищного фонда.

Проектный подход как метод комплексного преобразования для российского правительства не нов: в период 2008–2012 годов приоритетные «дыры» жизнеустройства пытались закрыть таким же способом. Но перечень основных «болевых точек» — здравоохранение, образование, обеспечение жильем — переключался и на новый этап.

Премьер-министр признал, что проектный метод — «плохой, но ничего лучшего у нас нет». Официально паспорта нацпроектов были утверждены еще в конце декабря. Однако вплоть до начала февраля шла активная работа по их «доводке» как содержательной (ряд позиций «гулял» — то дополнялся к списку задач, то исключался из него), так и финансовой. Можно предположить, что представленные в феврале цифры также не окажутся окончательными.

Основная финансовая нагрузка по обслуживанию нацпроектов придется на федеральный бюджет — 13,158 трлн рублей. Зафиксирована приоритетность выделения средств на эти цели. Эксперты отмечают, что стартовавший проектный цикл существенно ограничен «бюджетным правилом». Из свежих ресурсов поступления средств — повышение с 1 января НДС с 18 до 20%, а также экономия за счет повышения на пять лет пенсионного возраста.

сали расходы на 4,9 трлн руб. Это, по понятным причинам, вызывает недовольство местных властей, а также служит поводом для инициирования торга по предоставлению различных льгот.

Эксперты указывают на явную некорректность некоторых ориентиров. Часть из них очевидно занижена (видимо, для облегчения задачи последующего рапорта об исполнении), часть — нереалистично завышена.

ЖИЗНЬ ВЗАИМЫ У БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Андрей Коротаев,

ведущий научный сотрудник Международной лаборатории демографии и человеческого капитала НИУ ВШЭ и РАНХиГС

Есть ощущение, что нацпроект готовился в большой спешке, во всяком случае, без широкого обсуждения специалистами. Конфигурация его ключевых целевых показателей — роста рождаемости и увеличения продолжительности жизни — формирует весьма спорный тренд.

Значение целевого коэффициента по рождаемости (число детей на одну женщину) — 1,7 — пред-

Структура нацпроектов из нового пакета — набор реперных показателей с указанием крайних сроков (обычно в формате — «до 31 декабря») их достижения. Специалисты насчитали более 1300 таких показателей. Помимо них указаны и более глобальные целевые ориентиры, их несколько сотен.

Именно нуждами нацпроектов эксперты объясняют оперативность проведения пенсионной реформы.

Региональные бюджеты также будут привлечены к финансированию нацпроектов. На их долю распи-

ОБЩИЕ ДАННЫЕ НАЦПРОЕКТОВ

СРОК РЕАЛИЗАЦИИ: ДО 31 ДЕКАБРЯ 2024

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Стоимость проекта — 1725,8 млрд руб. Куратор — зампред правительства Татьяна Голикова. Руководитель — министр здравоохранения Вероника Скворцова.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- снижение смертности населения (на 100 тыс. человек): — трудоспособного возраста — от 484,5 до 350 случаев; — от болезней системы кровообращения — от 587,6 до 450 случаев;

— от новообразований, в том числе злокачественных, — от 200,6 до 185 случаев;

- снижение младенческой смертности от 5,6 до 4,5 случая на 1 тыс. родившихся детей;

- ликвидация кадрового дефицита в медицинских организациях, оказывающих первичную медико-санитарную помощь;

- обеспечение охвата всех граждан профилактическими медицинскими осмотрами не реже одного раза в год.

8 СОСТАВЛЯЮЩИХ:

- развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи;
- борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями;
- борьба с онкологическими заболеваниями;
- развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям;
- обеспечение медицинских организаций квалифицированными кадрами;

- развитие сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий;
- создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ);
- развитие экспорта медицинских услуг.

ставляется явно заниженным. Этот показатель даже заметно ниже того, что мы уже достигали в 2015 году (1,78), прежде чем вновь начался откат. Для обеспечения устойчивого прироста населения значение коэффициента должно быть выше 2 детей на одну женщину. А вот целевой показатель продолжительности жизни откровенно завышен: формально он будет рассчитан позже, но вряд ли сможет отличаться от установленного в пункте 16 майского указа президента — 78 лет. Получается, что положительный естественный прирост населения предполагается обеспечить за счет увеличения продолжительности жизни. Если столь экзотический тренд будет одобрен, то в случае не очень вероятного его успеха это будет фиксация жизни взаимы у будущих поколений: откладывание проблемы естественной убыли «на потом».

В качестве ориентира продолжительности жизни, насколько мне известно, был взят опыт Кубы, где планка 78 лет была достигнута много лет назад. Но надо учитывать, что в этой не самой богатой стране доля госрасходов на здравоохранение в ВВП в три раза выше, чем в России. Завышенную планку, если она у нас будет установлена, есть смысл рассматривать как стимул для лоббирования увеличения расходов на здравоохранение, развертывания антиалкогольных и антитабачных мер. И это, безусловно, даст положительный эффект.

Со стимулированием рождаемости тоже непросто. Тут, наверное, прежде всего речь может идти о жилищных мерах. В мировой практике такого рода опыт дал неоднозначные результаты. Но в России, как выяснилось, эти меры неплохо работают. Так, инструмент материнского капитала хорошо сработал в сельской местности, потому что там на эту сумму можно реально улучшить жилищные условия, например,

МСП И ПОДДЕРЖКА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ

Стоимость проекта — 481,5 млрд руб.
Куратор — первый зампред правительства Антон Силуанов. Руководитель — министр экономического развития Максим Орешкин.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- увеличение численности занятых в сфере МСП до 25 млн человек;
- увеличение доли МСП в ВВП до 32,5%;
- увеличение доли экспорта субъектов МСП в общем

объеме несырьевого экспорта до 10%.

5 СОСТАВЛЯЮЩИХ:

- улучшение условий ведения предпринимательской деятельности;
- расширение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию;
- акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства;
- создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации;
- популяризация предпринимательства — 8,5 млрд руб.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ПОДДЕРЖКА ЗАНЯТОСТИ

Стоимость проекта — 52,1 млрд руб.
Куратор — первый зампред правительства Антон Силуанов. Руководитель — министр экономического развития Максим Орешкин.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5% в год;
- увеличение количества привлеченных к участию в реализации национального проекта субъектов РФ с 16 до 85;

- увеличение количества средних и крупных предприятий базовых несырьевых отраслей экономики, вовлеченных в реализацию национального проекта со 100 предприятий в 2018 г. до 10 тысяч.

3 СОСТАВЛЯЮЩИЕ:

- системные меры по повышению производительности труда;
- адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях;
- поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда.

купить дом. Уже хуже этот инструмент сработал в райцентрах, еще хуже — в областных центрах. В миллионниках совсем плохо, а в Москве и Питере практически не сработал.

Но у нас есть очень удачный опыт Сахалина: за несколько лет регион, отстававший по показателю рождаемости от среднероссийских значений, смог выйти в лидеры — 2,16 детей на женщину в 2016 году. Там в первую очередь были задействованы именно жилищные меры, которые оказались эффективными и в достаточно больших населенных пунктах типа Южно-Сахалинска. Меры весьма неслабые. Уже при рождении первого ребенка — сниженная до 3,5% ставка по ипотеке, плюс еще 500 тыс. рублей на первый взнос по ипотеке. При рождении второго — уже миллион. А при появлении третьего ребенка — практически бесплатная ипотека плюс погашение половины долга в пределах двух миллионов рублей. В качестве дополнительных мер молодым семьям предоставлялись подъемные в размере 55 тыс. рублей при рождении первого ребенка (110 тыс. — для студенческих семей). Ощутимая поддержка оказывается и многодетным семьям. Меры, конечно, дорогие. Но та же Москва могла бы себе позволить нечто подобное.

КОЭФФИЦИЕНТ РОЖДАЕМОСТИ — 1,7 НА ОДНУ ЖЕНЩИНУ — ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ЯВНО ЗАНИЖЕННЫМ

ОБЩИЕ ДАННЫЕ НАЦПРОЕКТОВ

СРОК РЕАЛИЗАЦИИ: **ДО 31 ДЕКАБРЯ 2024 ГОДА**

ЭКОЛОГИЯ

Стоимость проекта — 4041 млрд руб. Куратор — зампред правительства Алексей Гордеев. Руководитель — министр природных ресурсов и экологии Дмитрий Кобылкин.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- эффективное обращение с отходами, ликвидация всех выявленных на 1 января 2018 г. несанкционированных свалок в границах городов;
- снижение уровня загрязне-

- ния воздуха в крупных промышленных центрах, в том числе уменьшение не менее чем на 20% объема выбросов загрязняющих веществ;
- повышение качества питьевой воды;
 - экологическое оздоровление водных объектов, включая реку Волгу и озера Байкал и Телецкое;
 - создание не менее 24 новых особо охраняемых природных территорий;
 - обеспечение баланса выбы-

тия и воспроизводства лесов в соотношении 100% к 2024 г.

11 СОСТАВЛЯЮЩИХ:

- чистая страна;
- комплексная система обращения с ТКО;

- инфраструктура для обращения с отходами I–II классов опасности;
- чистый воздух;
- чистая вода;
- оздоровление Волги;
- сохранение озера Байкал;
- сохранение уникальных водных объектов;
- сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма;
- сохранение лесов;
- внедрение наилучших доступных технологий.

**ПРОЕКТ
«ЖИЛЬЕ» НА
НОЯБРЬСКОМ
ГОССОВЕТЕ**

был определен как невыполнимый, критике подверглась и идея нацпроектов в целом.

Теоретически финансовым ресурсом стимулирования рождаемости остается, скажем, повышение акцизов на табак. Если увеличить его до уровня Болгарии или Румынии, в масштабах России речь может идти о сумме примерно триллион рублей дополнительных доходов бюджета — их бы как раз хватило на новые эффективные меры поддержки рождаемости «сахалинского» типа, да и смертность бы они заметно понизили. Но этот маневр нужно было осуществлять раньше. После пенсионной реформы лимит подобных непопулярных мер на долгое время исчерпан.

НЕВЫПОЛНИМЫЕ НАЦПРОЕКТЫ?

Критической оценке подвергаются не только отдельные показатели, но и целые проекты. Так, в частности, проект «Жилье» участниками ноябрьского Госсовета был определен как невыполнимый. Критика досталась и идее в целом. По оценке главы Счетной палаты Алексея Кудрина, задачи предыдущего пакета нацпроектов были исполнены лишь на 70%.

В ходе январского Гайдаровского форума он подверг сомнению сам формат нацпроектов: «В “Основных направлениях деятельности правительства” сказано, что каждой национальной цели будет посвящен отдельный план действий, который будет расписан детально. Таким образом, у нас еще один формат документа появляется — Планы выполнения национальных целей, и они будут шире, чем нацпроекты». Главная содержательная претензия состоит в том, что нацпроекты не обеспечивают выполнение национальных целей. Например, по его мнению, весьма показательным отсутствием в списке нацпроектов такого направления, как борьба с бедностью. Много вопросов к проекту развития малого и среднего предпринимательства.

ОБРАЗОВАНИЕ

Стоимость проекта — 784,5 млрд руб. Куратор — зампред правительства Татьяна Голикова. Руководитель — министр просвещения Ольга Васильева.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- глобальная конкурентоспособность образования, входение в 10 ведущих стран по качеству образования;
- воспитание гармонично развитой и ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций.

10 СОСТАВЛЯЮЩИХ:

- современная школа;
- успех каждого ребенка;
- поддержка семей, имеющих детей;
- цифровая образовательная среда;
- учитель будущего;
- молодые профессионалы (повышение конкурентоспособности профессионального образования);
- новые возможности для каждого;
- социальная активность;
- экспорт образования;
- социальные лифты для каждого.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Стоимость проекта — 1634,9 млрд руб. Куратор — зампред правительства Максим Акимов. Руководитель — министр цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Константин Носков.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики не менее чем в три раза по сравнению с 2017 г.;
- создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, доступной для всех

организаций и домохозяйств;

- использование преимущественно отечественного программного обеспечения государственными органами, органами местного самоуправления и организациями.

6 СОСТАВЛЯЮЩИХ:

- нормативное регулирование цифровой среды;
- информационная инфраструктура;
- кадры для цифровой экономики;
- информационная безопасность;
- цифровые технологии;
- цифровое государственное управление.

ДОЛЯ МСП В ВВП РОССИИ БЕЗ УЧЁТА ГОСУДАРСТВЕННОГО И ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА, ПО МЕТОДИКЕ ОЭСР, УЖЕ СОСТАВЛЯЕТ 39 ПРОЦЕНТОВ

СТИМУЛ К «ОБЕЛЕНИЮ»

Вера Баринава,

заведующая Лабораторией исследований проблем предпринимательства Института прикладных экономических исследований (ИПЭИ) РАНХиГС

Для адекватной оценки степени достижимости показателей нацпроекта необходимо иметь полный доступ к методологии их расчета. К сожалению, ни для показателя по экспорту, ни для доли МСП в ВВП методология не выложена в открытый доступ, соответственно, можно лишь экспертно оценить степень возможности их достижения.

На основании анализа мероприятий нацпроекта по МСП и других нацпроектов, которые могут

оказать влияние на сферу МСП, достижение этих показателей возможно частично. Скорее всего, целевые показатели не будут достигнуты в полном объеме. Кроме того, говоря о показателе доли МСП в ВВП, важно понимать, что этот показатель сильно зависит от структуры экономики в целом.

Вместе с тем разница в методике расчетов позволяет варьировать итоговый результат, приближая его к целевому значению. По нашим исследованиям 2018 года (есть в печати. — Ред.), доля МСП в ВВП России без учета государственного и финансового сектора, следуя методике экспертов ОЭСР, уже сейчас составляет около 39%.

Что касается целевого показателя по численности занятых, он более реален и, скорее всего, будет достигнут при условии грамотного проведения политики легализации, прежде всего, самозанятых, которая должна не подталкивать уход предпринимателей в тень, а, напротив, с помощью стимулов способствовать «обелению» и официальному оформлению работников. Также необходимы мероприятия по популяризации предпринимательства среди населения и по смягчению контрольно-надзорной деятельности в отношении бизнеса.

Эксперты также отмечают высокую коррупциогенность ряда позиций из пакета нацпроектов.

ОБЩИЕ ДАННЫЕ НАЦПРОЕКТОВ

СРОК РЕАЛИЗАЦИИ: **ДО 31 ДЕКАБРЯ 2024 ГОДА**

ПЛАН МОДЕРНИЗАЦИИ И РАСШИРЕНИЯ МАГИСТРАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Стоимость проекта — 6348,1 млрд руб. Куратор — зампред правительства Максим Акимов. Руководитель — министр транспорта Евгений Дитрих.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- развитие коридоров «Запад — Восток» и «Север — Юг» для перевозки грузов;

- повышение уровня экономической связанности территории страны путем расширения и модернизации железнодорожной, авиационной, автодорожной, морской и речной инфраструктуры.

9 СОСТАВЛЯЮЩИХ:

- Европа — Западный Китай;
- морские порты России;
- Северный морской путь;
- железнодорожный транспорт и транзит;
- транспортно-логистические центры;

- коммуникации между центрами экономического роста;
- развитие региональных аэропортов и маршрутов;
- высокоскоростное железнодорожное сообщение;
- внутренние водные пути.

ОБЪЁМ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРОГРАММ

— крупнейший в новой России и составляет 25,7 трлн рублей: 10,1 трлн — в развитие экономики, 9,9 трлн — в обустройство комфортной среды и 5,7 трлн — в человеческий капитал.

Реализация масштабных преобразований невозможна без участия бизнеса. По оценке главы правительства, уже проработаны 250 предложений от предпринимателей на общую сумму 12 трлн рублей. Запуск большинства нацпроектов состоялся 1 января этого года (несколько начаты осенью 2018 года). Дата окончания у всех одинакова — 31 декабря 2024 года. В течение первого года реализации проектов, 2019-го, по большинству из них запланирована работа по подготовке нормативной и методической базы.

Автор: Марина Тальская

Основная финансовая нагрузка по обслуживанию нацпроектов ляжет на федеральный бюджет — 13,158 трлн руб. Зафиксирована приоритетность выделения средств на эти цели. Эксперты отмечают, что стартовавший «проектный цикл» существенно ограничен бюджетным правилом.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КООПЕРАЦИЯ И ЭКСПОРТ

Стоимость проекта — 956,8 млрд руб. Куратор — первый зампред правительства Антон Силуанов. Руководитель — министр промышленности и торговли Денис Мантуров.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- достижение объема экспорта несырьевых неэнергетических товаров в размере \$250 млрд в год, в том числе продукции машиностроения — \$60 млрд в год;
- достижение объема

экспорта продукции АПК в размере \$45 млрд в год;

- достижение объема экспорта оказываемых услуг в размере \$100 млрд в год;
- прирост доли экспорта продукции обрабатывающей промышленности, сельскохозяйственной продукции и услуг в ВВП страны на 20%;
- формирование эффективной системы разделения труда и производственной кооперации в рамках Евразийского экономического союза в целях увеличения объема торговли и накопленных взаимных инвестиций не менее чем в полтора раза.

5 СОСТАВЛЯЮЩИХ:

- промышленный экспорт;
- экспорт продукции АПК;
- логистика международной торговли;
- экспорт услуг;
- системные меры развития международной кооперации и экспорта.

КУЛЬТУРА

Стоимость проекта — 113,5 млрд руб. Куратор — зампред правительства Ольга Голодец. Руководитель — министр культуры Владимир Мединский.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- увеличение на 15% числа посещений организаций культуры;
- увеличение числа обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры в пять раз.

3 СОСТАВЛЯЮЩИЕ:

- культурная среда;
- творческие люди;
- цифровая культура.

WHAT
YOU
NEED TO
KNOW
ABOUT THE NATIONAL
PROJECTS

Once again the authorities set about solving the accumulated problems: 12 national projects have been launched in 2019, plus a global infrastructure modernization plan. The presidential decree of May 7, 2018 ("On the National Targets and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation until 2024") triggered the creation of the current package of national projects.

The document also defined priority application areas which are generally obvious even to the layman.

PATCHING THE GAPS?

The quality of economic growth in recent years does not suit anyone, especially since for some reason the arithmetic increase in GDP (which as a matter of fact is close to unity) does not affect the increase in the living standard of the population whose incomes have been declining for the fifth consecutive year. Therefore, it is clearly necessary to patch the gaps in the humanitarian (demography, medicine, culture, science, education, ecology) and economic (small and medium-sized businesses, labor productivity, non-oil exports) spheres. Obviously, it is necessary to unite Russian territories through an accessible message. And it's high time for a digitalization project to be launched (mainly in the area of administration).

In his speech at the February investment forum in Sochi, Prime Minister Dmitry Medvedev described the global plan as follows: "The national projects are one of the ways to solve ... problems, so that instead of having to wait for some kind of bright future, as the saying goes, people would immediately feel the results... The national projects form a single matrix which is supposed to encompass the entire life of the country. Never has anything like this been done in the history of modern Russia." Unfortunately, not all experts are ready to support the Premier's statement.

Alexander Shirov,
Deputy Director of the Institute of
Economic Forecasting of the Russian
Academy of Sciences, Doctor of Economics

Over the past two years, many economists, both independent and working for the government, have said that we need to take additional steps

in improving the economic policy, which would then be able to first trigger initial economic growth and then to accelerate it. The problem is that, unfortunately, regular economic policy measures — monetary policy, fiscal policy, etc., — cannot trigger such acceleration because the economy has a lot of structural imbalances, technological gaps and so on.

Many people discussed the idea of national projects, i.e. projects that would combine regional policies into a common macroeconomic regional policy, a policy related to the development of individual

sectors of the economy, which would ultimately lead to a certain result. And we have seen a bunch of such national projects. But there's a catch.

In total, all those projects will cost approximately 24 trillion rubles until 2024. At the same time, the country's accumulated GDP for that period will exceed 750 trillion rubles. If you compare 24 trillion and 750 trillion it becomes clear that such a contribution will not be radical. Unfortunately, we must admit that, on the one hand, the current set of programs is based on the assumption that the government resources are sufficient for accelerating the economy, which is wrong in my opinion; on the other hand, it is assumed that the limited funds we will invest in those national projects will bring about some radical changes to the economy.

Anyway, the amount of funding for the programs will be the largest for the new Russia: 25.7 trillion rubles. The money will be distributed as follows: 10.1 trillion will be invested in the development of the economy, 9.9 trillion in the creation of a comfortable living environment, and 5.7 trillion in human capital.

WILL THEY BE REAL?

From the point of view of administration, the new project cycle appears to be more rigid. Each project will be supervised by a Deputy Prime Minister. The Federal Project Office will be the project management headquarters, with similar offices to be established in the corresponding ministries and in the regions, where they will be headed by chiefs of regional administrations who will be personally responsible for the implementation of the national projects in their "bailiwicks".

The project-oriented approach as a method of complex transformation is not new to the Russian government: between 2008 and 2012, similar attempts were made to close the "gaps" that needed closing as a matter of priority. But the list of key «sore spots» — health, education, housing — remains the same.

The Prime Minister acknowledged that the project-oriented method is "bad, but we don't have anything better." Officially, the data sheets for the national projects were approved in late December. However, finishing touches were being added to them until early February, both conceptual (some of the tasks kept disappearing from the list and reappearing again) and financial. It can be assumed that the figures presented in February will not be final either.

The main financial burden of supporting the national projects will fall on the federal budget: 13.158 trillion rubles. The allocation of project funds has been prioritized. Experts note that the launched project cycle is significantly limited by the "budget rule". The new sources of funding include the January 1 increase of the VAT rate from 18% to 20% and the savings from the five-year increase in the retirement age. Experts have explained the urgency of the pension reform by the needs of the national projects.

Regional budgets will also be used to finance the national projects. Their share of expenditure will constitute 4.9 trillion rubles. Local authorities are not happy with the situation for obvious reasons, and they will be using it as a bargaining chip for claiming various benefits.

THE NEW PACKAGE OF NATIONAL PROJECTS IS STRUCTURED AS A SET OF REFERENCE TARGETS WITH SPECIFIED DEADLINES (USUALLY IN THE FORM OF "COMPLETE BY DECEMBER 31"). EXPERTS COUNTED MORE THAN 1,300 SUCH TARGETS. IN ADDITION, THERE ARE GLOBAL TARGETS, SEVERAL HUNDRED OF THEM.

Experts have pointed at the obvious incorrectness of some of the reference targets. Some of them are obviously understated (apparently, to facilitate the task of reporting on their successful implementation), and some are unrealistically overstated.

LIFE BORROWED FROM FUTURE GENERATIONS

Andrei Korotaev,
Lead Researcher at the International
Laboratory of Demographics and Human
Capital, HSE and RANEP

There is a feeling that the national project was prepared in a hurry, and certainly without being extensively discussed by experts. The configuration of its key targets — growth of birth rate and increase in life expectancy — forms a very controversial trend.

The target fertility rate (the number of children per woman), 1.7, seems to be understated. This figure is even noticeably lower than what we had already achieved in 2015 (1.78) before the pullback began. To ensure sustainable population growth, the coefficient should be higher than 2.0 children per woman. But the target life expectancy is frankly overstated: formally, it will be calculated later, but it will hardly differ from the one stated in section 1(b) of the May presidential decree, which is 78 years. Thus, we are supposed to achieve a natural population growth by increasing life expectancy. If such an exotic trend is approved, then in the event of its success (which is not very likely) it will reflect borrowing life from future generations: a postponement of the problem of natural loss “for later”.

As far as I know, the experience of Cuba was used as a guideline for life expectancy. In Cuba, the 78-year target was reached years ago. But we must bear in mind that in Cuba, which is not the world's richest country by far, the share of government health care spending in GDP is three times higher than in Russia. It is reasonable to consider an overstated target (as soon as it has been set) as an incentive for lobbying an increase in health expenditures and the deployment of anti-alcohol and anti-tobacco measures. And it will certainly give a positive effect.

Stimulating birth rate is not easy either. First of all, it would mean taking measures to solve the housing problem. In world practice, this kind of experience has yielded mixed results. But in Russia, as it turned out, those measures work well. For instance, the maternity capital worked well in rural areas, because the sum is sufficient for actually improving the housing conditions, for buying a house for example. It works not so well in district centers, even worse — in regional centers. It works really bad in million-plus cities, while in Moscow and St. Petersburg it doesn't work at all.

But we have a very successful experience in Sakhalin: within several years, the region that was lagging behind in terms of birth

rate compared to the average values for Russia, was able to take the lead, 2.16 children per woman in 2016. First of all, it was due to housing measures that turned out to be effective in fairly large population centers such as Yuzhno-Sakhalinsk. The measures were quite substantial. After the birth of the first child the mortgage rate was reduced to 3.5%, plus another 500,000 rubles were provided as the initial mortgage payment. After the birth of a second child, already a million rubles. And with a third child, mortgage became practically interest-free and half of the debt, up to two million rubles, was extinguished. As an additional measure, young families were paid an allowance of 55,000 rubles after the birth of their first child (110,000 for university students). Substantial support was also provided to large families. Of course, the measures were expensive. But big cities such as Moscow could also afford something like that.

Theoretically, the money needed for stimulating birth rate can still be taken from increasing the excise tax on tobacco. If we increase it to the level of Bulgaria or Romania and scale it up to the size of Russia, we can get nearly a trillion rubles in extra revenues, and it would be enough for implementing new and effective measures to support the birth rate of the “Sakhalin” type, and for significantly reducing mortality rate. But that maneuver should have been carried out much earlier. After the pension reform, the window of opportunity for such unpopular measures has closed for a long time.

IMPOSSIBLE national projects?

Not only individual targets, but also entire projects are being subjected to scrutiny. In particular, the housing project was defined as “impossible” by the participants of the November session of the State Council. The overall idea was also criticized. According to Alexei Kudrin, Head of the Accounting Chamber, only 70% of the targets set by the previous package of national projects have been reached.

During the Gaidar Forum in January, he questioned the format of the national projects: “The Main Ares of Government Activities state that a separate and detailed action plan will be assigned to each national target. Thus, we will have yet another document format — plans for meeting national targets which will be broader than the national projects.” The key point is that the national projects do not require meeting the national targets. For example, in Kudrin’s opinion, the absence of such area as “combating poverty” from the list of national projects is quite symptomatic. There are also many unaddressed issues in the small and medium business development project.

AN INCENTIVE TO “WHITEWASH”

Vera Barinova,

Head of the Laboratory for the Study of Entrepreneurship Problems at the Institute of Applied Economic Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

To adequately assess the degree of attainability of the targets set by a national project it is necessary to have full access to the methodology of their calculation.

Unfortunately, such methodology has not been disclosed either for the exports target, or for the share of SMEs in GDP; accordingly, one can only approximate, as an expert, the extent to which such targets can be met.

Based on the analysis of the activities connected with the SME project and other national projects that may affect SMEs, those targets can be partially met. Most likely, the targets will not be fully met. Besides, speaking of the share of SMEs in GDP, it is important to understand that this target is highly dependent on the overall structure of the economy.

At the same time, the difference in the calculation methods provides an opportunity for altering the final result in order to bring it closer to the target value. According to our 2018 research (available in print. — Ed.), the share of SMEs in Russia’s GDP, excluding the public and financial sectors, is already near 39% if one follows the methodology of OECD experts.

As for the employment target, it is more realistic and is likely to be met subject to proper implementation of the policy of legalization of self-employed businessmen, which instead of pushing entrepreneurs back into the shadows, should use incentives to promote the “whitewashing” and the official registration of workers. We also need measures to promote entrepreneurship among the population and to mitigate regulatory and supervisory activities of the state in relation to businesses.

Experts also point out high corruption risks associated with a number of positions contained in the national projects package. Implementation of large-scale transformations is impossible without the participation of businesses. According to the Prime Minister, 250 proposals from entrepreneurs for a total amount of 12 trillion rubles have already been reviewed. The majority of the national projects were launched on January 1, 2019 (some were launched in the fall of 2018). The completion date is the same for every project, December 31, 2024. During the first year of project implementation, 2019, a regulatory and methodological basis should be prepared for the majority of the projects.

Written by Marina Talskaya

ЧЕМ ЗАЙМЁТСЯ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР КОМПЕТЕНЦИЙ?

Нацпроект «Производительность труда и поддержка занятости» предусматривает, что начиная с 2024 года производительность труда в базовых несырьевых отраслях российской экономики должна расти не менее чем на 5% в год, а программами по повышению производительности к этому времени должны быть охвачены не менее 10 тысяч российских крупных и средних предприятий. До 2024 года в соответствии с целями нацпроекта производительность труда должна вырасти в общей сложности на 21%. Главным результатом реализации проекта должен стать рост ВВП на 3 триллиона рублей к 2024 году. Одним из ключевых исполнителей будет Федеральный центр компетенций.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА КАК НАЦПРОЕКТ

В декабре 2018 года на заседании президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам был утвержден паспорт нацпроекта «Производительность труда и поддержка занятости». В нем выделили три направления, три федеральных проекта: «Системные меры по повышению производительности труда», «Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда» и «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях». За первый из них отвечает Минэкономразвития, за второй — Минтруд, за третий — специально созданная структура — Федеральный центр компетенций.

See below for the English version of the article

Национальные проекты

Системные меры предполагают изменение самого подхода государства к поддержке предприятий. Речь идет о снижении административных барьеров, стимулировании предприятий к повышению производительности труда за счет предоставления им льготных займов и налоговых преференций, переобучении управленческих кадров и о международном взаимодействии со странами, где производительность труда выше. Меры по поддержке занятости включают в себя формирование системы подготовки кадров в сфере повышения производительности, а также повышение эффективности работы центров занятости населения по всей стране.

АКЦЕНТ СДЕЛАН НА РОСТЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

В ПРОГРАММЕ АДРЕСНОЙ ПОДДЕРЖКИ

повышения производительности могут участвовать предприятия обрабатывающей промышленности, АПК, транспорта и строительства с выручкой от 400 млн до 30 млрд руб.

Но основная работа будет проведена в рамках федерального проекта «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях». Это видно и по количеству задач, возложенных на Федеральный центр компетенций, и по объему финансирования направления. Так, если на системные меры поддержки занятости бюджет планирует потратить в течение шести лет 5,5 млрд рублей, на повышение эффективности рынка труда — чуть меньше 12,7 млрд, то на адресную поддержку предприятий уйдет 28,3 млрд рублей. Еще 5,6 млрд в течение шести лет ФЦК должен будет заработать самостоятельно за счет оказания консалтинговых услуг по повышению производительности крупным предприятиям, не получившим права на бесплатное участие в программе.

ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ЭКОНОМНОЙ

По сути, речь идет о повсеместном внедрении в промышленное производство «бережливых» технологий. Интересно, что генеральным директором ФЦК стал Николай Соломон, до этого 10 лет прора-

ЧТО В МИРЕ С ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), производительность труда на российских предприятиях оказалась самой низкой среди европейских стран в 2018 году. Производительность труда на одного работника в России равна 26,5 доллара. (Показатель рассчитывается как ВВП в расчете на час отработанного времени.) Ниже в расчетах ОЭСР эффективность только у работников из Южной Африки и Мексики (24,5 и 21,6 доллара в час соответственно), а лидерами уже на протяжении ряда лет являются Ирландия, Люксембург и Норвегия. Там на одного трудящегося приходится 99,5, 98,5 и 83,1 доллара ВВП в час. Согласно исследованию по производительности труда, которое провел Аналитический центр при правительстве РФ, за 10 лет, с 2005 по 2015 год, производительность труда выросла в России на 19,8%, в то время как в странах Евросоюза рост составил 9,3%. Но, несмотря на сравнительно высокие темпы роста, шансов догнать по производительности страны «Большой семерки» у России не было: в 2015 году средний уровень производительности труда там составлял 54,85 доллара в час, в то время как в России он едва превысил 23 доллара.

ботавший заместителем генерального директора ГК «Росатом» и лично курировавший развертывание Производственной системы Росатома, конечной целью которой как раз являлось сокращение временных затрат на операции и повышение производительности труда на всех предприятиях ГК, а в особенности — на атомных станциях.

Сегодня в ФЦК работает 150 человек, до конца года штат будет увеличен до 350. Специалисты ездят по предприятиям, уже изъявившим желание вступить в программу повышения производительности труда, и консультируют генеральных директоров, рассказывая о том, что можно было бы изменить, чтобы повысить эффективность производственных процессов. Кроме того, они обучают коллег в регионах, которые впоследствии будут вести аналогичную работу на базе региональных центров компетенций.

В 2018 году услугами ФЦК смогли воспользоваться более 100 предприятий в 16 регионах страны. На середину марта 2019 года число участников превысило полторы сотни, еще около 600 изъявили желание присоединиться к проекту в ближайшее время. По планам, на конец 2019 года общее число компаний, занимающихся повышением производительности под руководством федерального или региональных центров компетенций, должно превысить 900 в 36 регионах. К 2024 году будет создано 65 региональных центров компетенций, которые так же, как региональный центр, будут

заниматься повышением производительности труда на предприятиях в зоне своей ответственности и получать на это финансирование из бюджетов субъектов федерации.

Сейчас в программе адресной поддержки повышения производительности труда могут поучаствовать предприятия из четырех отраслей — обрабатывающих производств, сельского хозяйства, транспорта и строительной сферы с выручкой от 400 млн до 30 млрд рублей в год. До конца года в их число должны попасть предприятия сферы ЖКХ, такое решение уже принято Правительством. Предполагается, что в будущем федеральный проект затронет также сферы образования и медицины. ФЦК уже реализует пилотный проект в одной из московских школ.

Начали С ГЛАВНОГО!

Пока акцент сделан на росте производительности труда на промышленных предприятиях. Там эффект от внедрения «бережливых» технологий заметнее всего и проще, чем в других секторах поддается оценке. По словам Николая Соломона, больше всего в участии в проекте заинтересованы средние предприятия, работающие на конкурентных рынках. Они действительно используют любую возможность повысить свою конкурентоспособность при минимуме затрат. Менее всего мотивированы предприятия госсектора и военно-промышленного комплекса. Их руководство очень трудно убедить хоть на йоту поменять существовавшие годами производственные процессы, и мотивации для этого у них нет, ведь живут они не за счет рыночной прибыли, а за счет выполнения плана с последующим покрытием издержек за счет государства.

Недавно первый вице-премьер Антон Силуанов, который является куратором всего нацпроекта, дал поручение включить в число предприятий — участников федерального проекта по адресной поддержке госкорпорации и компании с госучастием. «Это делается для того, чтобы повысить производительность труда в регионах. Почти в каждом из них есть вертикально интегрированные компании с госучастием, повлиять на которые губернаторы на своем уровне не могут», — прокомментировал Николай Соломон.

КАК РАБОТАЮТ СПЕЦИАЛИСТЫ ФЦК

Что делает специалист по повышению производительности, выезжающий на предприятие? Он

ПОЧЕМУ В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ ТАКАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ?

Это очень просто: показатель рассчитывается как ВВП в расчете на час отработанного времени. А Ирландия установила самые низкие корпоративные налоги в ЕС — 12,5%. Это низко даже по сравнению с решением Трампа о снижении налога до 21% для релокации американских компаний. В итоге больше тысячи крупных американских глобальных компаний перенесли операции в Ирландию, включая Google, Apple, Facebook, PayPal, Microsoft, Yahoo, eBay, AOL, Twitter, Intel,

Pfizer, Boston Scientific, Johnson & Johnson и т. д. Они дают 90% экспорта, но занимают всего 10% рабочей силы. В итоге получается огромная цифра производительности. Правда, серьезные экономисты над ирландской экономикой в лучшем случае подшучивают. Нобелевский лауреат Пол Кругман назвал ее «лепреконской экономикой», после того как свои интеллектуальные активы после очередного налогового послабления туда перенесли десятки мультинациональных кор-

пораций и ВВП страны поднялся на 26% за год. Еще один нобелевский лауреат, Джозеф Стиглиц, считает, что Ирландия своим налоговым демпингом просто ворует прибыли у других стран. Другие специалисты считают, что Ирландия ворует сама у себя и у своих граждан, рано или поздно налоги придется поднять, и тогда поток компаний может легко отправиться в другое место и привести страну к экономическому краху.

буквально стоит с секундомером у станка и смотрит, какой процент времени работник и оборудование простаивают, вместо того чтобы работать, и почему так происходит. Как правило, причина бывает очень проста, а эффект от ее устранения — колоссальный. Вот пример: на тульском заводе по производству аэрозолей удалось достигнуть 30-процентного роста производительности только за счет двух простых усовершенствований. Специалисты ФЦК заметили, что на производственной линии 20 минут в течение каждого часа тратится на замену бака с жидкостями для аэрозолей — это 160 минут простоя в смену. Исключить временные издержки удалось только за счет того, что к конвейеру подвели трубы, по которым жидкость поставляется непрерывно. Второе новшество на том же заводе заключалось в том, что сократилось время на переналадку конвейера на выпуск другой продукции с 58 до 8 минут.

мума. Производить детали нужно по принципу «Макдоналдса» — ровно столько, сколько нужно потребителю здесь и сейчас, а не впрок, забивая склады, а потом не зная, куда девать запасы», — говорит Николай Соломон.

За счет внедрения принципов «бережливого» производства длину производственного цикла на предприятии получается сократить примерно вдвое, настолько же уменьшаются складские запасы, а следовательно, и расходы на их содержание. После внедрения «бережливых» технологий некоторые предприятия даже отказываются от своих инвестиционных программ: они понимают, что можно гораздо эффективнее использовать уже имеющееся оборудование и другие ресурсы и не тратить на новые. Часто высвобождаются рабочие руки, благодаря этому компании могут открывать новые производственные участки и не платить за услуги неэффективных посредников и поставщиков.

БЕРЕЖЛИВОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПОЗВОЛЯЕТ СОКРАТИТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦИКЛ ВДВОЕ

Николай Соломон,
генеральный директор Федерального центра компетенций

Есть еще одна интересная методика сокращения временных и трудовых затрат на производстве — «диаграмма спагетти». Специалист, проходя на предприятие, рисует схему перемещения детали по цехам. Как правило, получаются чрезвычайно запутанные «тропинки», напоминающие спагетти в тарелке. Порой, лишь распрямив их, удается в разы сократить простои оборудования и временные затраты на изготовление единицы продукции.

«Производство должно быть непрерывным, время на переналадку оборудования, как на заводе компании «Тойота», должно сокращаться до мини-

— Многие руководители предприятий, особенно с советским прошлым, отказываются от реализации программ по повышению производительности только потому, что боятся «социального напряжения» из-за высвобождения рабочей силы. Им не нужно, чтобы четыре станка обслуживал один оператор вместо двух, они говорят, что им хватает денег и так, а рисковать спокойствием они не хотят. Но далеко не всегда повышение производительности влечет сокращение персонала:

можно просто найти более разумное применение освободившимся рабочим рукам.

Насколько результативны будут усилия всех задействованных в реализации нацпроекта структур, пока предугадать сложно, хотя некоторые расчеты все же есть. Так, рост производительности труда на предприятиях — участниках программы адресной поддержки по прогнозам составит от 2 до 31 процента. Первый, пессимистичный, сценарий возможен в том случае, если в проект попадут более мелкие предприятия, лишь 30 процентов из которых выполнят поставленные перед ними цели по росту производительности труда в 10–30 процентов накопленным итогом в первые три года реализации нацпроекта и далее по пять процентов в год. Второй, оптимистичный, сценарий станет реальностью в том случае, если в проекте будут участвовать более крупные предприятия и 95 процентов из них достигнут целевых показателей.

Автор: Надежда Толстоухова

ИЗНОС ОСНОВНЫХ ФОНДОВ

Георгий Остапкович,

директор Центра конъюнктурных исследований НИУ ВШЭ

Адам Смит приводил известный пример в своем бестселлере «Богатство народов» — про производство булавок: один человек может за день сделать 20 булавок, но 20 человек, если разбить на 18 функций эту булавку, сделают 48 тысяч этих булавок, то есть в 240 раз больше. Организация труда очень важна для производительности. Кроме того, я считаю одним из основных факторов нашего отставания очень высокий износ основных фондов. У нас износ основных фондов в целом по экономике где-то порядка 48,5%. А в самой инновационной, в самой производительной отрасли, где работают наиболее квалифицированные кадры, в промышленности — износ больше 50%.

Добыча — лидер по износу основных фондов в стране (57%). Обрабатывающая промышленность — 50%. Более того, в обработке где-то 25–30% оборудования работает с истекшим уже по нормативам сроком. На этом оборудовании поднимать производительность труда крайне затруднительно. Так что низкая производительность — это не из-за того, что у нас люди мало работают.

WHAT WILL THE FEDERAL CENTER OF COMPETENCES DO?

The national project called "Labor productivity and employment support" stipulates that beginning from 2024 labor productivity in the basic non-oil sectors of the Russian economy will grow by no less than five percent per year, and by that time programs to increase productivity will cover at least ten thousand Russian large and medium-sized enterprises. Until 2024, in accordance with the national project's targets, labor productivity should increase by a total of 21 percent.

The main result of the project should be a 3 trillion ruble growth of GDP by 2024. One of the key organizations responsible for the project implementation will be the Federal Center of Competences.

LABOR PRODUCTIVITY as a national PROJECT

In December 2018, the session of the presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects approved the data sheet for the national project “Labor Productivity and Employment Support”. It envisages that, starting from 2024, labor productivity in the basic non-oil sectors of the Russian economy will grow by no less than five percent per year, and by that time programs to increase productivity will cover at least ten thousand Russian large and medium-sized enterprises. Until 2024, in accordance with the national project targets, labor productivity should increase by a total of 21 percent. The main result of the project should be a 3 trillion ruble growth of GDP by 2024.

The national project identifies three areas, three federal projects: “Systemic measures to increase labor productivity”, “Supporting employment and

increasing the efficiency of the labor market to ensure labor productivity growth” and “Targeted support for increasing labor productivity in enterprises.” The Ministry of Economic Development is responsible for the first of them, the Ministry of Labor for the second, and the Federal Center of Competences, a specially created organization, for the third.

Systemic measures imply a change in the government’s approach to supporting enterprises. We are talking about lowering administrative barriers, encouraging enterprises to increase labor productivity by providing them with credit and tax preferences, retraining management personnel, and promoting international cooperation with countries where labor productivity is higher. Measures to support employment will include establishing a training system in the sphere of productivity enhancement, and increasing the efficiency of the employment centers throughout the country.

But most of the work will be carried out as part of the federal project “Targeted support for increasing labor productivity in enterprises”. It’s evident by the sheer number of tasks assigned to the Federal Center of Competences and by the amount of funding supplied. Thus, although the government plans to spend 5.5 billion rubles on systemic measures for supporting employment over a period of six years and a little less than 12.7 billion on increasing the efficiency of the labor market, it will spend as much as 28.3 billion rubles on targeted support of enterprises. The FCC will have to earn another 5.6 billion over the six year period through the provision of consultancy services aimed at productivity enhancement at large enterprises that have not been entitled to participate in the program for free.

THE economy MUST BE economical!

In fact, the task is to widely introduce “lean” technologies in industrial production. Interestingly,

GLOBAL LABOR PRODUCTIVITY

According to the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), labor productivity in Russian enterprises was the lowest among the European countries in 2018. Labor productivity per worker in Russia is 26.5 dollars. (The indicator is calculated based on GDP per hour worked). According to the OECD calculations, only workers in South Africa and Mexico have lower labor productivity (\$24.5 and \$21.6 per hour, respectively), while Ireland, Luxembourg and Norway have been in the top positions for years. In those countries, productivity per worker is \$99.5, \$98.5, and \$83.1 of GDP per hour, respectively. According to a study on labor productivity performed by the Analytical Center under the Government of the Russian Federation, labor productivity grew by 19.8 percent in Russia over the 10 years from 2005 to 2015, while in the European Union countries it grew by a mere 9.3 percent. But, despite the relatively high growth rates, Russia didn’t stand a chance to catch up with the Big Seven: in 2015, the EU’s average labor productivity was \$54.85 per hour, while in Russia it barely exceeded \$23.

WHY IS THERE SUCH LABOR PRODUCTIVITY IN NORTHERN IRELAND?

It's very simple: the indicator is calculated as GDP per hour worked. And Ireland has the lowest corporate tax in the EU, which is 12.5 percent. It's low even compared to Trump's decision to lower the tax to 21% to enable US companies to reshore. As a result, more than a thousand large US global companies moved their operations to Ireland, including Google, Apple, Facebook, PayPal, Microsoft, Yahoo,

eBay, AOL, Twitter, Intel, Pfizer, Boston Scientific, Johnson & Johnson, etc. They account for 90% of exports, but employ only 10% of the workforce. The result is a huge performance figure. Serious economists, at best, make jokes about the Irish economy. The Nobel laureate Paul Krugman called it a "leprechaun economy" after dozens of multinational corporations moved their intellectual assets following yet

another tax break, and the country's GDP gained 26% within one year. Another Nobel laureate, Joseph Stiglitz, believes that Ireland simply steals profits from other countries using tax dumping. Other experts believe Ireland has been stealing from itself and its citizens. Sooner or later the taxes will have to be raised, and then the companies will simply move on causing economic collapse in the country.

Nikolai Solomon became General Director of the FCC, having worked for ten years as Deputy Director General of Rosatom and having personally supervised the deployment of the Rosatom Production System, whose ultimate goal was to reduce the time being spent on operations and to increase productivity at all Rosatom enterprises, particularly at nuclear power plants.

Today, the FCC employs a staff of 150, which will be upped to 350 by the end of the year. Experts travel to enterprises that have already expressed their wish to join the productivity enhancement program, and advise general directors on what could be changed to improve the efficiency of production processes. Besides, they train their colleagues in the regions, who will subsequently perform similar work based out of regional centers of competences.

In 2018, the FCC's services were available to over 100 enterprises in 16 regions of the country. By mid-March 2019, the number of participating enterprises exceeded one hundred and fifty, another 600 expressed their wish to join the project in the near future. According to plans, by the end of 2019 the total number of companies engaged in productivity enhancement under the guidance of the federal or regional centers of competences should exceed 900 in 36 regions. By 2024, 65 regional centers of competences will be established, which, like the federal center, will be dealing with labor productivity enhancement in enterprises within their area of responsibility and will receive funding from the regional budgets.

Currently, enterprises in four industries: manufacturing, agriculture, transport and construction, with revenues ranging from 400 million to 30 billion rubles a year, are allowed to take part in the program of targeted support for increasing labor productivity. By the end of the year, enterprises in the housing and utilities sector should join them, as the government has already decided. In future, the federal project is also expected to encompass education and medicine. The FCC is already implementing a pilot project in one of the Moscow schools.

FIRST THINGS FIRST!

The focus is on the growth of labor productivity in industrial enterprises. There, the effect from the introduction of "lean" technologies is the most noticeable and much easier to assess than in the other sectors. According to Nikolai Solomon, medium-sized enterprises operating in competitive markets are the most interested in participating in the project. They really use every opportunity to enhance their competitiveness at the lowest possible cost. Enterprises of the public sector and the military-industrial complex are the least motivated. Their management is very difficult to convince to make even a slightest change to the production processes that had existed for years, and they lack motivation to do so, because, rather than making profit in the marketplace they just fulfil the plan and have their costs covered by the state.

Recently, First Deputy Prime Minister Anton Siluanov, who is in charge of supervising the entire national project, directed that state corporations and companies with state participation should join the enterprises participating in the federal project on targeted support. "This should be done in order to increase labor productivity in the regions. Almost every region has vertically integrated companies with state participation outside the governors' scope of influence," Nikolay Solomon commented.

HOW DO FCC SPECIALISTS WORK?

What does a productivity enhancement specialist do during a site visit? He literally stands at the machine with a stopwatch to measure idle time on the part of the worker and the equipment, and to

understand why downtimes occur. As a rule, the reason is very simple, and the effect of eliminating it is tremendous. Here is an example: at the Tula aerosol manufacturing plant, it was possible to achieve a 30% productivity boost by introducing two simple improvements. The FCC specialists noticed that workers on the production line spend 20 minutes of every hour on replacing the tank with aerosol liquids — 160 minutes of downtime per shift. It was possible to eliminate the idle time by bringing the pipes closer to the conveyor to ensure continuous supply of liquids. The second innovation at that plant was about reducing the time needed for adapting the conveyor to the production of a different product from 58 to 8 minutes.

There is another interesting method of reducing time and labor costs in production called “Spaghetti Diagram”. A specialist, visiting an enterprise, draws a chart showing how parts move from workshop to workshop. As a rule, the resulting “paths” are extremely intricate, like spaghetti on a plate. Sometimes, by straightening those paths it is possible to reduce several times the downtime of equipment and the time spent on manufacturing a unit of product.

“Production should be continuous, the time required for equipment adaptation should be reduced to a minimum, like at the Toyota plants. It is necessary to produce parts according to the McDonald’s principle — just as much as the consumer needs here and now, not at some point in the future, without clogging warehouses with unsold products and then not knowing what to do with them,” Nikolay Solomon says.

Due to the introduction of the principles of “lean” production, the duration of the enterprise’s production cycle, as well as its inventory and, consequently, the maintenance costs, can be reduced approximately by half. After the introduction of “lean” techniques some companies have even given up their investment programs: they understand they can make much more efficient use of their existing facilities and resources without spending money on the new ones. Manpower often becomes redundant enabling companies to open new production sites without having to pay for the services of inefficient intermediaries and suppliers.

“Many business managers, especially those with a “Soviet” past, refuse to implement productivity improvement programs only because they are afraid of “social tension” due to labor redundancy. They don’t want four machines to be serviced by a single operator instead of two, they say they have enough money anyway, and they don’t want to jeopardize their peace of mind. But an increase in productivity doesn’t always lead to a personnel reduction: one can simply find a more rational use of the freed

working hands,” Nikolay Solomon comments.

How effective will be the efforts of all the organizations involved in the implementation of the national project is difficult to predict, although some calculations have surfaced. Thus, the increase of labor productivity in enterprises participating in the targeted support program is expected to be 2 to 31 percent. The first, worst-case, scenario is possible if smaller enterprises will join the project, of which only 30 percent will meet their labor productivity enhancement targets of 10-15-30 percent cumulatively over the first three years of the national project implementation and five percent a year thereafter. The second, best-case, scenario will become a reality if larger enterprises will participate in the project, and 95 percent of them will meet the targets.

Written by Nadezhda Tolstoukhova

WORKERS ON THE PRODUCTION LINE

spend 20 minutes of every hour on replacing the tank with aerosol liquids — 160 minutes of downtime per shift.

DEPRECIATION OF FIXED ASSETS

Georgiy Ostapkovich,

Director, Center for Market Studies, National Research University, Higher School of Economics

In his best-selling book “The Wealth of Nations” Adam Smith gave a famous example about pin production: one person can make 20 pins in a day, but 20 people, if they divide the pin into 18 functions, will make 48 thousand of these pins, that is, 240 times more. Thus, the organization of labor is essential for productivity.

In addition, I believe one of the main reasons why we lag behind is the very high depreciation of fixed assets. In our economy as a whole, depreciation of fixed assets is about 48.5%. And in the most innovative and most productive sector which employs personnel with the highest skills — industrial production — depreciation exceeds 50%. Depreciation of fixed assets in mining is the highest in the country (57%), and it’s 50% in the manufacturing industry.

Moreover, about 25-30% of the equipment in the processing sector continues to operate past its design life. It would be extremely difficult to enhance productivity using such equipment. So, the low productivity is not due to the fact that our people do not work enough.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДРАЙВЕРЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

обсудили участники Санкт-Петербургского
экономического конгресса СПЭК-2019

Ведущие экономисты России с участием авторитетных зарубежных экспертов, представителей властей и бизнеса определили направления технологического развития страны для создания модели экономики прорыва.

Текст: Константин Маркелов, Фото: Ирина Минина

ТЕХНОЛОГИИ ПРОРЫВА

Сегодня темой прорывного развития озабочены и гражданское общество, и бизнес, и политические структуры России. Тема технологического прорыва звучит на всех уровнях, запущен проект «Национальная технологическая инициатива», однако до самого прорыва пока, как полагает большинство экспертов, далеко. Экономисты активно включились в обсуждение и готовы взять на себя ответственность давать рекомендации о верных путях развития, которые не заведут в тупик.

Академик Виктор Ивантер выразил эту мысль более жестко: «Простите, но как только реформатор — так к чертовой матери. Вместо реформ и реформаторов нужны люди, которые объясняют, что нужно конкретно делать, умеют что-то сделать. Мне кажется, если мы с вами, вместо того чтобы рассказывать о проблемах, могли бы говорить об успехах, которые можно тиражировать, а такие успехи у нас есть, понять и объяснить, почему же на фоне тех безобразий, которые мы с вами в экономике отмечаем, мост построили, военно-промышленный комплекс реанимировали, сельское хозяйство.

See below for the English version of the article

В ЯДРЕ НОВОГО Уклада

темпы роста достигают 35, а подчас 70–80% в год, а на периферии внедрения этих технологий — рост 10–15% в несущих отраслях.

Вот такое у меня есть предложение, если оно будет принято, мне кажется, мы с вами очень эффективно это время проведем».

Всё мировое сообщество, не только Россия, стоит в начале качественных трансформаций, которые формируют глобальные вызовы для будущего социально-экономического развития, постепенно началось движение к новой парадигме, реиндустриализации, восстановлению промышленности на качественно обновленной технологической основе. Но этот переход для нас, учитывая реальные темпы, несмотря на призывы верхнего эшелона власти, пока еще остается больше областью слов, а не дел, областью разговоров, считает профессор Бодрунов, директор ИНИР им. С. Ю. Витте и президент Вольного экономического общества России.

«Эти проблемы имеют совершенно другой масштаб, более глубокий масштаб. Это сейчас только начинает осознаваться. Мы в Институте имени Витте в диалоге с учеными Российской академии наук работаем над этими вопросами уже более 20 лет. В отличие от господствующих в настоящее время, не слишком концептуализированных, а часто даже и не систематизированных разнообразных исследований, мы предлагаем теоретическое осмысление этих трендов и считаем, что в основе всех изменений лежит рост знаниеемкости материального производства. Необходимы для такого знаниеинтенсивного прогресса интеграция производства, науки и образования, курс, основанный на высоких технологиях реиндустриализации, что создает возможность опережающей, в случае получения своих надлежащих знаний, а не догоняющей траектории развития российской экономики», — отметил Бодрунов.

7 ШАГОВ АКАДЕМИКА АГАНБЕГЯНА

➡ ПЕРВЫЙ ШАГ

Перейти к форсированным инвестициям и вложениям в человеческий капитал. Одновременно нужны средства для того, чтобы поднять покупательский спрос.

➡ ВТОРОЙ ШАГ

Мобилизация значительных средств. Какие это средства? У нас почти 104 трлн валовой внутренней продукт, почти 18 трлн инвестиций. Нам нужно в год 2 трлн, чтобы на 10% их поднять, и нужно 1,5 трлн, чтобы на 10% поднять экономику знаний. Минимум в год нам нужно хотя бы триллиона 2, чтобы компенсировать снижение реальных доходов.

➡ ТРЕТИЙ ШАГ

Снизить ключевую ставку Центрального банка за три года хотя бы до 4–5%. Пока она не снижена, за счет бюджета финансировать низкую ставку для технологического обновления действующего производства, четырехпроцентную — для новых мощностей высокотехнологических отраслей, четырехпроцентную — для инфраструктуры.

➡ ЧЕТВЕРТЫЙ ШАГ

Нужно перейти к стимулированию инвестиций и экономического роста, ввести налоговую паузу, когда проводится техническое обновление, строятся новые мощности и так далее.

➡ ПЯТЫЙ ШАГ

Нужны крупные структурные преобразования для того, чтобы устранить препятствия для экономического роста, и стимулировать регионы, частные компании к экономическому росту. Для этого необходимо провести крупные мероприятия в области собственности, восстановить конкурентную среду, нужны естественные монополии, придется увеличить долю частной собственности хотя бы до 50%.

➡ ШЕСТОЙ ШАГ

Провести коренные изменения в банковской, бюджетной политике.

➡ СЕДЬМОЙ ШАГ

Провести серьезные социальные реформы, которые мы проводим в неправильном направлении. Речь идет о пенсионном деле, о реформировании здравоохранения, о переходе на рыночные отношения в жилищно-коммунальной сфере.

ПОЛИТИКА не нацелена на Будущее

По мнению академика Глазьева, большая проблема российской экономики в том, что методология форсайта, или предвидения будущего, техноло-

гического, институционального, социального, которое нужно для успешного социально-экономического развития, никак не связана с реальной экономической политикой. И с этим связана особенно огромная долина смерти в России — гибель новых технологических идей в процессе перемещения знаний от фундаментальных исследований к коммерциализации. Передовые страны выходят в стадию нового технологического уклада, который будет генерировать новую длинную волну развития, и в эту фазу нам из-за этой долины смерти будет особенно сложно попасть, хотя именно технологическая революция может обеспечить стране скачок в экономическом развитии, ведь в ядре этого нового уклада темпы роста достигают 35%, а подчас и 70–80% в год, а на периферии внедрение этих технологий тоже дает опережающий рост — 10–15% в несущих отраслях.

«У нас есть некоторое финансирование фундаментальных исследований, пусть небольшое, относительно других стран, пока еще заметное. Есть примеры коммерциализации в основном импортных технологий, надо признать, немножко и своих, но наши технологии не могут пройти сквозь эту долину смерти в силу того, что отсутствуют механизмы государственной поддержки. И, соответственно, то, что мы уже создали, мы так и воспроизводим, а преодолеть технологический скачок, между технологическими укладами, создать мощный иницирующий импульс для формирования нового ядра экономического роста у нас не хватает инструментов экономической политики. Мы их просто не используем», — отметил Глазьев.

Академик Абел Аганбегян считает, что для изменения экономической ситуации в России нужны коренные меры, и это очевидно демонстрирует 2019 год — один из худших по социально-экономическому развитию. Мэтр российской экономики сформулировал семь шагов, которые необходимо сделать, чтобы кардинальным образом переломить ситуацию. (См. список на странице слева.)

НОВАЯ СТРУКТУРА ПРЕДПРИЯТИЯ

Георгий Клейнер,

заместитель научного руководителя ЦИМИ РАН, член-корреспондент РАН

Несомненно, что должна быть организована федеральная программа по реформированию предприятий. Рассчитывать на то, что они сами подстроятся, нет никаких оснований. Должен быть расширен спектр организационно-правовых форм предприятий. Тот спектр, который есть сегодня, явно не соответствует взаимоотношениям между собственниками, менеджерами, работниками и специалистами. К этому должны быть привлечены формы, связанные с созданием самоуправляемых предприятий, так называемых коллективных форм. Из чего состоит внутренняя часть фирмы? Это сектор инновационных проектов, сектор

организационных структур, сектор информационно-коммуникационных инфраструктур и сектор логистических и инновационных процессов. И вот эти четыре сектора сейчас не имеют своего отражения в структуре управления предприятия. Я предлагаю создать на предприятиях четыре офиса: проектный, процессный, объектный или организационный и инфраструктурный или средней. Эти четыре офиса должны как обручи-почти стягивать отдельные фрагменты деятельности предприятия, отдельные сегменты, отдельные направления, образовывая из предприятия целостную, сбалансированную и эффективную систему в гармонизированной внешней среде.

тоит в том, что нужно решать все климатические проблемы путем максимального снижения выбросов парниковых газов, прежде всего углекислого газа, и тогда наступит счастье. Главным образом для этого предлагается экономический механизм в виде взимания так называемого углеродного налога, который стыдливо именуется углеродным сбором. В частности, в последнем проекте Минэкономразвития, которое выпустило законопроект регулирования выбросов парниковых газов, это именно так и выглядит. Вопрос простой — решает ли этот переход к низкоуглеродной экономике проблему стабилизации климата, которая определена международным сообществом в 1,5 градуса до 100 года? Второе — помогает ли это обеспечить устойчивость развития экономики и безопасности. Ответ на оба эти вопроса отрицательный, есть соответствующие расчеты самих международных экспертов».

При этом, по мнению Порфирьева, игнорируются не менее, а скорее, и более важные механизмы решения климатической проблемы, в частности — необходимость адаптации, которая важна вне зависимости от того, будет ли и в какой мере решена задача выбросов.

БУДУЩЕЕ ПОКРЫТО МРАКОМ

Член Совета Федерации, доктор экономических наук Сергей Калашников обратил внимание на то, что сейчас в своих прогнозах эксперты исходят из свойственной нашему мышлению последовательной логики события: возникли новые достижения науки, они порождают новый технологический уклад, новый технологический уклад ведет за собой новую экономику. Но, по его мнению, сейчас прекрасно видно, что никакой линейности здесь нет, есть одновременное возникновение самых разных явлений в самых разных сферах. Калашников считает, что уже сейчас существуют определенные элементы, которые, безусловно, вырастут в сложные системы, по которым мы можем судить о контурах будущего, но, к сожалению, знать об этом на данном этапе не дано, и, скорее, с возникновением этих систем мы поймем, какие проблемы вынуждены будем решать. (См. список на странице справа.)

НОВЫЕ МОДЕЛИ

По мнению Виктора Иванова, члена-корреспондента РАН, действующая модель социально-экономического развития подошла к своему пределу — стоит вопрос о том, какие модели будут у нас в перспективе.

«Мы сейчас перешли к активной фазе формирования новой среды обитания, перешли к активной среде обитания. Вопрос о том, как это будет проис-

ТЕХНОЛОГИИ И ЭКОЛОГИЯ

Технологическое развитие нельзя рассматривать в отрыве от экологического. Это очевидно. Мы сейчас являемся свидетелями слишком многих бед, причинами которых стало именно технологическое развитие минувших эпох. Сейчас особенно много на международном уровне говорят о климатической политике и климатических проблемах. Однако, по мнению академика, директора ИНП РАН Бориса Порфирьева, если эта тема не будет с должным вниманием анализироваться со всех сторон, то она может превратиться в фактор со знаком минус для экономического роста, учитывая те конкретные действия, которые сейчас пытаются предпринять наши партнеры. Порфирьев напомнил о строках в преамбуле Парижского соглашения, говорящих о том, что стороны могут страдать не только от изменения климата, но также от воздействия мер, принимаемых в целях реагирования на него.

«Что нам предлагают сегодня в качестве лекарства, которым активно начинают пользоваться наши экономические власти. Это так называемая низкоуглеродная экономика, смысл которой сос-

СЕЙЧАС СУЩЕСТВУЮТ ЭЛЕМЕНТЫ,

которые вырастут в определенные сложные системы, но, к сожалению, знать точно о них на данном этапе нам не дано.

КОНТУРЫ БУДУЩИХ ПРОБЛЕМ

(по С. КАЛАШНИКОВУ)

➡ ПЕРВОЕ

Изменился характер труда: от обработки материи мы переходим к обработке информации, и это сразу тянет за собой полное изменение и места, и роли, и сути человеческого труда. В любом случае труд становится сетевым, лично окрашенным, творческим трудом. На сегодняшний день человек, как творец определенных продуктов, становится индивидуально занятым, где весь цикл производства может существовать от начала и до конца в рамках одной личности или кооперации с рядом личностей.

➡ ВТОРОЕ

Условия жизни творческого человека — это иные условия. Появляется новый характер экономики, который зиждется на широком распространении сферы услуг, и особого класса услуг — социальных услуг. Коллеги, когда вы приходите к врачу, вы не имеете заданных параметров качества той услуги, которую вам окажут, врач тоже не имеет. В условиях, когда нет заданного качества, вся система ценообразования услуги начинает трещать по швам.

➡ ТРЕТЬЕ

Новый труд, новые социальные условия требуют новой организации общества. Что лежит на поверхности — это старение населения, а второе, более страшное — массовая безработица. Завтра в связи с роботизацией, информатизацией и пр. мы столкнемся с тем, что огромные, миллионные массы окажутся не у дел. Самый яркий пример, наибольшая занятость у нас — это профессия водителя. Мы уже видим, что это профессия вчерашнего дня.

➡ ЧЕТВЕРТОЕ

Следствие всего этого — расслоение общества, хотим мы этого или нет. Насколько мы с нашими установками XX века готовы к жесткой стратификации общества со всеми вытекающими отсюда последствиями? Нужно ли говорить о тех политических рисках, которые ведет за собой жесткая стратификация?

➡ ПЯТОЕ

Еще один пример — неэффективность старых механизмов социальной защиты. Социальное страхование приказало долго жить. Замена горизонтального распределения вертикальным, массовые неиндивидуализированные страховые случаи, невозможность разделить субъективные и объективные риски страхования делают социальное страхование во всех сферах в современных условиях неэффективным. В результате — дефицит основных социальных механизмов, пенсионных систем, здравоохранения, образования.

➡ ШЕСТОЕ

Совершенно по-другому должна трактоваться роль государства. Нравится нам это или не нравится, но государство становится тем большим братом, над которым мы в течение конца XX века усиленно смеялись. Без повышения роли государства не только в экономике, но прежде всего в социальной сфере, мы никуда не денемся, потому что должен быть субъект управления в новой неопределенной социальной ситуации.

➡ НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

В этих условиях минимальные социальные стандарты как способ противостояния бедности уже не работают, нам нужно переходить на средние социальные стандарты — это завтрашний день. Новое образование — сочетания алгоритмического образования Яна Амоса Коменского и классического образования. Необходимо будет пересмотреть основные понятия справедливости и равенства. На сегодняшний день понятие равенства, соответствующее равенству условий или равенству возможностей, требует серьезного пересмотра.

ходить. Когда мы получаем новые технологии, мы не знаем, как они будут использоваться. У нас сначала происходит рассеяние, а потом — фокусировка. Вопрос — где эта фокусировка произойдет? Если она произойдет в положительной зоне, то мы получим гуманитарно-технологический переход, если в отрицательном — катастрофу и деградацию. И проблема в том, как нам этот процесс регулировать. Таким образом, мы практически приходим к понятию “гуманитарно-технологическая революция”, где у нас на первый план выходит повышение качества жизни на основе новых технологий», — подытожил свой доклад Виктор Иванов.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Не осталась без внимания и цифровизация, к которой призывают, о которой говорят, но про которую точно не известно, что это такое. Как отметила директор Института экономики РАН Елена Ленчук, общепринятого определения цифровой экономики как в научной литературе, так и в программах пока не существует. Причем сама цифровая экономика как объект управления, более того — как объект стратегического управления, в принципе

ЗА РУБЕЖОМ ПОД DIGITAL ECONOMY ИМЕЮТ В ВИДУ ПРЕЖДЕ ВСЕГО СОЕДИНЕНИЕ IT С БИО-, КОГНИТИВНЫМИ, ФИЗИЧЕСКИМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ И Т. Д.

ЭКОНОМИКА «УСПЕШНЫХ ПСИХОПАТОВ»

Яков Миркин,
заведующий отделом международных рынков капиталов ИМЭМО им.
Е. М. Примакова РАН, д. э. н., профессор

В США есть концепция того, что называется «успешный психопат». Это как бы нормальный человек с деспотическими чертами характера, победитель. Это главы корпораций, президенты. Если вдуматься, то модель коллективного поведения управляющего класса вполне ложится в эту концепцию успешного социопата. А какая экономика строится из этой модели коллективного поведения? Во-первых, это экономика не благосостояния — это экономика баррелей, мегаватт. В ее основе — человек вороватый, нарушающий, манипулируемый, обрабатываемый. В итоге получается экономика наказания, которая полна нагромождений правил, экономика вертикали, сверхконцентрации, экономика огосударствления, стягивания в центр, и, в конце концов, это очень странная экономика, где рост полностью полагается на бюджет. Вот с кем бы вы сегодня из промышленников ни поговорили, речь идет не о внешних инвестициях, не о кредите, который дорог и малодоступен, речь идет о предпочтениях из бюджета. Если вдуматься, это просто сумасшедшая модель роста, заранее обреченная на неудачу, потому что бюджет должен выдержать и пушки, и масло, и резервирование в огромном объеме, и инвестиции, и оборону, и социальные расходы.

пока не определена. Вместе с тем за рубежом под Digital Economy имеют в виду прежде всего соединение информационно-коммуникационных технологий с био-, когнитивными, физическими технологиями.

«Сегодня за рубежом идет масштабная цифровая трансформация, глобальный размер цифрового сектора составляет до 15% мирового ВВП. Есть оценки, что к 2035 году объем ее вырастет до 16 трлн долларов. В этом секторе капитализация компаний превышает капитализацию энергетических компаний, телекоммуникационных гигантов, и на это нельзя не обращать внимание. Россия, конечно, отстает от лидеров развития цифровой экономики по многим показателям. Мы отстаем, по разным оценкам, на 5–8 лет. Интересно в этой связи взглянуть на глобальный индекс цифровизации. Россия сегодня занимает 42-е место, уступая даже Казахстану», — отметила Елена Ленчук.

По мнению ученого, без запуска процесса цифровизации, без освоения технологий те целевые установки, которые предусмотрены майским указом № 204, с установками кратного повышения производительности труда, наращивания несырьевого экспорта или роста инновационно-активных

предприятий, практически невыполнимы. И следует задать себе вопрос, достаточно ли мер нацпроекта «Цифровая экономика», для того чтобы превратить цифровизацию в драйвер экономического роста экономики. Сегодня в России 70% используемого программного обеспечения — иностранное, катастрофическое отставание в микроэлектронике. Поэтому, по мнению Ленчук, у нас формирование цифровой экономики предполагает прежде всего общую технологическую модернизацию всех сфер и возможно лишь при формировании инновационной модели развития и внедрении передовых производственных технологий нового технологического уклада.

Тему цифровизации продолжил и развил известный аналитик из Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования Дмитрий Белоусов. По его мнению, более важно то, что цифровизация создает новые условия для всех основных производственных факторов: «С одной стороны, вы можете снять проклятие привязки к традиционным поставщикам, с другой — вы можете работать непосредственно на мировой рынок, включаться непосредственно в глобальную сеть обмена товаров». Вклад развития сектора IT в ВВП может дать 0,4% прироста, а это 10% того, на что мы сейчас реально можем рассчитывать.

«Решение о развитии цифровой экономики должно быть и решением о стимулировании экономического роста, иначе мы просто не сможем занять тех людей, которых будет высвобождать сам процесс цифровизации; и решением о развитии массовых отраслей, иначе у нас цифровизация превратится в историю развития отдельных фирм, которые работают на зарубежные рынки поверх нашей экономики; и решением о повышении территориальной, профессиональной и так далее мобильности населения. Это та проблема, от которой мы убегаем. Цифровизация порождает долгосрочные социальные и политические проблемы, которые пока не осмыслены нормально. Только сейчас мы начинаем понимать, что цифровизация сама по себе дает возможность развития малолетних производств. Сейчас уже строится Амурский газохимический комплекс, огромное предприятие мирового значения, там заняты 1200 человек — это уровень не очень крупного завода в Советском Союзе. А рядом с зонами интенсивного роста возникают зоны упадка», — предупредил эксперт.

У НАС ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВОЗМОЖНА ЛИШЬ

при формировании инновационной модели развития и внедрении передовых производственных технологий нового технологического уклада.

ПАРАДОКС НИОКР

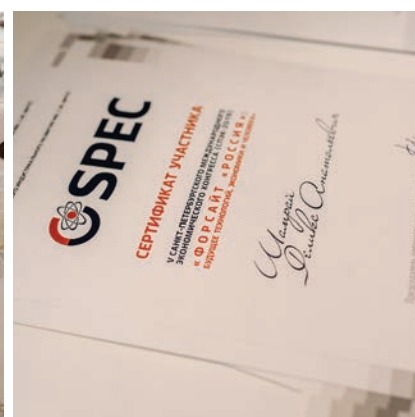
Виктор Рязанов, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ обратил внимание на то, что, несмотря на рост расходов на НИОКР и рост в разы новых технологий — и нанотехнологий, и компьютерных и биотехнологий, — производительность труда продолжает падать и прогнозы далеко не благополучные.

«Возникает вопрос, почему тот период, а он достаточно большой, развертывания НИОКР, новой промышленной революции на дал впечатляющих результатов? Мне думается, что здесь вполне уместно вспомнить Маркса и поговорить о его законе соответствия производительных сил уровню развития и характеру развития производственных отношений. Именно здесь как раз лежат главные ограничения, которые мешают научным разработкам, новым технологиям успешно реализовать себя в экономике. Действительно, если перевести это на более конкретный разговор, то речь идет о том, что модель экономики спекулятивного направления, естественно, не позволяет обеспечить разворот необходимых финансовых ресурсов для поддержки и распространения новых технологий», — считает ученый.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

Завершая пленарное заседания СПЭК-2019, член-корреспондент РАН Дмитрий Сорокин, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ и научный руководитель ВЭО России напомнил, что, как бы мы ни называли складывающиеся тренды — продолжением стагнации или выходом из кризиса, — пока по официальным итогам 2018 года объем инвестиций у нас меньше уровня 2012 года в реальном выражении, обрабатывающая промышленность в условиях импортозамещения оказалась на уровне 2012 года, объем строительных работ — ниже уровня 2010 года, реально располагаемые доходы населения — меньше уровня 2010 года.

«Я хорошо помню статью в “Российской газете”, колонку, которую блестяще, на мой взгляд, ведет Виктор Викторович Ивантер. Он четко и ясно написал месяцев пять назад о том, что предлагаемые прогнозы и планы нашего развития не обеспечивают выполнение указа президента об обеспечении прорывного технологического и социально-экономического развития. Очень не хочется, чтобы все эти рассуждения, обсуждения и дискуссии свелись к тому, чтоб мы говорили об ошибках, которые допускают власть предержащие, политики и так далее. Хотелось бы, чтобы мы искали фундаментальные ответы на вопросы, искали то, о чем говорили сейчас последние выступающие, о закономерностях нашего бытия. Это для науки интереснее», — заключил экономист.

НАРОД НЕ ПОНИМАЕТ ТАКУЮ ЭКОНОМИКУ

Виталий Третьяков,

декан высшей школы телевидения МГУ, профессор

Отсутствие возможности здравомыслящим взглядом понять то, что происходит в нашей экономике, раздражает людей. Следствие со всей очевидностью — это, конечно, запрос на социальную справедливость. Скромненькие попытки указать на эту проблему и ее нивелировать кажутся скорее циничными, лицемерными и ханжескими. Все больше и больше при росте популярности фигуры Сталина простыми людьми ставится вопрос о справедливости в нашей экономике сегодня. Когда люди, которые более всего критикуют советскую экономику, советский строй, советский режим, и особенно сталинский режим, извлекают лично для себя максимум прибыли как раз из того, что построено с помощью в том числе и этих рабов ГУЛАГа, как их называют, возникает вопрос: «А справедливо ли вообще, что вы владеете этим?» Это массовое ощущение, и оно нарастает — желание этой глобальной справедливости общенационального масштаба, ощущение, что все в экономике построено не так, все построено под интересы совсем узкой группы людей, не какого-то среднего класса, не какого-то даже правящего класса, а узкой группы внутри этого правящего класса. Понимание, куда мы идем, отсутствует полностью, отсутствует и в академической среде. Тот же самый вопрос стоит у людей. Они не понимают, что им делать в этой экономике.

ECONOMIC DRIVERS OF TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

discussion at the Saint Petersburg Economic Congress, SPEC-2019

Russia's leading economists, with the participation of reputable foreign experts, government officials and businessmen, defined the areas of the country's technological development in order to create a model of breakthrough economy.

Written by Konstantin Markelov, Photographs by Irina Minina

BREAKTHROUGH TECHNOLOGIES

Today, the country's civil society, businesses and politicians are concerned about breakthrough development. Technological breakthrough is being discussed at all levels, the National Technology Initiative project has been launched, however most experts believe it's still a long way to go until breakthrough. Economists are actively involved in the discussions and are ready to assume the responsibility to advise on the proper development trajectory that will not lead into a dead end.

Academician Viktor Ivanter uses a strong expression to drive the idea home: "Excuse me, but all "reformers" might as well go to hell. Instead of reforms and reformers, we need people who can explain what exactly needs to be done and how to do it. It seems to me that if instead of discussing our problems we talked about our successes that can

AGANBEGYAN'S SEVEN STEPS

➤ FIRST STEP

Transition to forced investment and invest in human capital. At the same time, create mechanisms to increase consumer demand.

➤ SECOND STEP

Mobilize considerable funds. What funds can be used? We have a gross domestic product worth almost 104 trillion rubles, and almost 18 trillion rubles in investments. We need 2 trillion a year to increase them by 10%, and we need 1.5 trillion to advance the knowledge-based economy by 10%. We need at least a couple trillion rubles a year to compensate for the decline in real incomes

➤ THIRD STEP

Lower the key rate of the Central Bank to at least 4-5% over 3 years. So long as it's not reduced, finance a lower rate from the budget to ensure technological upgrade of the existing production facilities, four percent for new high-tech industries, four percent for infrastructure.

➤ FOURTH STEP

Switch to stimulating investment and economic growth, introduce a tax break for technological upgrades and construction of new facilities, etc.

➤ FIFTH STEP

Major structural changes are needed in order to remove obstacles to economic growth and stimulate economic growth in the regions and at private companies. To that end, major transformations are needed in the field of property ownership: competitive environment should be restored, we need natural monopolies, we need to increase the share of private property to at least 50%.

➤ SIXTH STEP

Make fundamental changes in the banking and budget policies.

➤ SEVENTH STEP

Carry out serious social reforms which we've been carrying out the wrong way. This includes pension, health care, housing and utilities infrastructure.

be replicated, and we've had those, and we could understand and explain how, with all the bad stuff that's been happening in the economy, we've still managed to build the bridge and to revive the military-industrial complex and agriculture. That's the proposal I have, and if it is accepted, I trust we will spend our time in a most effective manner."

The entire global, not just Russia, is poised at the beginning of qualitative transformations that create global challenges for the future socio-economic development; a gradual transition has begun towards a new paradigm, towards re-industrialization and revival of industry on a qualitatively upgraded technological base. But given its actual pace, the transition, despite the appeals from on high, is still more words than deeds, a subject of discussions, says Professor Bodrunov, Director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development and President of the Free Economic Society of Russia

"Those problems are on a completely different scale, one that's more profound. We are just beginning to realize it. We at the Witte Institute have been working on those issues in tandem with scientists from the Russian Academy of Sciences for more than 20 years. In contrast to the various studies that are popular today, although they are not sufficiently conceptualized and oftentimes not even systematized, we offer a theoretical understanding of those trends, and we believe that the basis of all changes is the growth of knowledge-intensity of material production. Such knowledge-intensive progress needs integration of production, science and education, a trajectory based on high tech reindustrialization which creates a possibility of advanced (in the case of deriving our own proper knowledge) rather than catch-up development of the Russian economy", Bodrunov says.

NOT a FUTURE-ORIENTED POLICY

According to Academician Glazyev, a big issue of the Russian economy is that the methodology of foresight, or prediction of technological, institutional or social future, which is necessary for successful socio-economic development, is not in any way related to the actual economic policy. And hence the existence of an especially huge valley of death in Russia, the death of new technological ideas in the process of transition of knowledge from fundamental research to commercialization. The advanced countries are entering the phase of a new technological mode, which will generate a new long wave of development, and it will be especially difficult for us to enter that phase because of the valley of death, although to make a leap forward in its economic development the country will need a technological

revolution, because the new mode implies a growth rate of 35%, and sometimes 70-80% per year, while the introduction of such technologies on the periphery will also result in an outpacing growth of 10-15% in the key industries.

“We’ve had some funding for fundamental research, albeit small if compared to other countries, but still noticeable. There are examples of commercialization of mostly imported technologies, and admittedly some of ours, but our technologies are unable to pass through the valley of death because there are no state support mechanisms. And so, we are stuck in reproducing what we have already created, and we lack proper economic policy tools to overcome the technological gap between the technological modes and to create a powerful drivers for economic growth. We simply do not use such tools,” says Glazuev.

Academician Abel Aganbegyan believes that drastic measures are needed to change the economic situation in Russia, and it became quite obvious in 2019 — one of the worst years in terms of socio-economic development. The grandmaster of Russian economics formulated seven steps that need to be taken in order to radically change the situation.

TECHNOLOGIES and ECOLOGY

Technological development cannot be viewed in isolation from the environment. It is obvious. We have seen too many disasters caused by the technological development of the past eras. Nowadays, there’s much talk in the global community about a climate policy and climate issues. However, according to academician Boris Porfiriev, Director of the Institute of Applied Physics, Russian Academy of Sciences, if this topic is not carefully analyzed from all sides, it can turn into a negative factor for economic growth, considering what our partners are currently trying against us. Porfiriev recalls the words in the preamble of the Paris Agreement to the effect that the Parties may be affected not only by climate change, but also by the impacts of the measures taken in response to it.

“What are we being offered today as a medicine which has been extensively used for a while by the our economic authorities? The so-called low-carbon economy which implies that as soon as we have solved all our climate problems by minimizing greenhouse gas emissions, primarily carbon dioxide, we will start living happily ever after. To this end, an economic mechanism is proposed in the form of imposition of the so-called carbon tax, which is shamefacedly referred to as carbon fee. In particular, that is exactly what it looks like in the latest project of the Ministry of Economic Development which authored the draft laws regulating greenhouse gas emissions. The question is simple: will the transition to a low-carbon economy solve the climate stabilization problem, the problem of keeping the temperature change

OUTLINES OF FUTURE PROBLEMS (ACCORDING TO S. KALASHNIKOV)

FIRST

The nature of labor has changed: we are switching from processing stuff to processing information, and it immediately entails a complete transformation of the importance, role and nature of human labor. In any case, labor becomes network-based, personalized and creative. Today, a person as the creator of certain products becomes self-employed, and the entire production cycle can be run from beginning to end by a single individual or by a group of cooperating individuals.

SECOND

A creative person has different living conditions. A new type of economy is emerging, based on the proliferation of a service sector, and the emergence of a special class of services, social services. Colleagues, when you see a doctor, you do not have any defined set of parameters describing the quality of service you expect to receive, and neither does the doctor. When no quality parameters are assumed, the entire services pricing system starts to crack at the seams.

THIRD

New labor, new social conditions require a new organization of society. What lies on the surface is the aging of the population and, what’s more terrifying, mass unemployment. Considering the processes of robotization, computerization and so forth, tomorrow we will face the problem of millions losing their jobs. The most vivid example is the huge amount of people employed as car drivers. We already see that’s a job of yesterday.

FOURTH

It all leads to a stratification of society, whether we like it or not. With our 20th century notions, how well are we prepared for a deep stratification of society and everything that goes with it? Do we need to remind ourselves of the political risks caused by deep stratification?

FIFTH

Another example, the ineffectiveness of the old mechanisms of social protection. The social security system has been destroyed. The replacement of horizontal distribution with vertical, massive non-individualized contingencies, the inability to separate subjective and objective risks of insurance has rendered social insurance ineffective in all areas. As a result, there is a lack of basic social mechanisms, pension systems, health care, and education.

SIXTH

The role of the state should be interpreted in a completely different way. Like it or not, the state has become the big brother we had been laughing so hard at by the end of the 20th century. We are not going anywhere without increasing the role of the state, and not only in the economy but primarily in the social sphere, because we need stronger controls in the new uncertain social situation.

CONCLUSIONS

In the existing circumstances, minimum social standards no longer work as a means of fighting poverty; for future use we need to switch to average social standards.

A new education system is a combination of algorithmic education of Jan Amos Comenius and classical education.

It will be necessary to revise the basic concepts of justice and equality. Currently, the concept of equality, which translates to the equality of conditions or opportunities, needs serious revision.

below 1.5 degrees until 2100 as proposed by the international community? The second question is whether it will help to ensure the sustainability of economic development and economic safety. The answer to both of these questions is negative, and it is backed up by corresponding calculations made by international experts.”

At the same time, according to Porfiryev, other no less important mechanisms for solving the climate problem are being ignored, in particular, the need for adaptation, which is important regardless of whether and to what extent the problem of emissions will be solved.

FUTURE IS UNCERTAIN

According to Sergey Kalashnikov, a member of the Federation Council, Doctor of Economics, any forecasts currently proceed from the sequential logic that is characteristic of our thinking: new scientific achievements have been made, a new technological mode has emerged, and this new technological mode will give rise to a new economy. But Kalashnikov is convinced that linear logic does not apply in this case. What we really see is several different events occurring simultaneously in different areas. Kalashnikov believes there are already certain elements that over time are certain to grow into complex systems, by which we could judge the contours of the future, but, unfortunately, no certain knowledge is available at this stage, and only after those systems have taken shape will we understand what problems will require solution.

NEW MODELS

According to Viktor Ivanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, the existing model of socio-economic development has reached its limits. The question is what model we will use in the future.

“We have now come to an active phase of formation of a new environment. We’ve now switched to an active environment. The question is how it will happen. When we invent new technologies, we don’t know how they will be used. First we zoom out, then focus. The question is what we will focus on. If the focus lands on a positive zone, we will get a humanitarian and technological transition. If it lands on a negative zone we will end up with a catastrophe and degradation. How can we control the process? We’ve now practically come to the concept of humanitarian and technological revolution which prioritizes improvement of the quality of life based on new technologies,” Viktor Ivanov says.

DIGITAL economy

Attention was also paid to digitalization which is much talked about but is not well understood. Elena Lenchuk, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, says no generally accepted definition exists of digital economy so far, either in scientific literature or in the programs. Moreover, in principle, digital economy as a controlled entity, or even a strategically controlled entity, has yet to be defined. However, foreign economists define “digital economy” as a combination of information and communication technologies with bio-, cognitive, and physical technologies.

“Today, a large-scale digital transformation is taking place abroad, the size of the global digital sector today is up to 15% of the global GDP. According to estimates, it will grow in size to \$23 trillion by 2035. In that sector, companies’ capitalization exceeds that of energy companies, telecommunications giants, and we cannot ignore this fact. Russia, of course, lags behind the digital economy leaders in many respects. According to various estimates, we are 5-8 years behind. In this regard, it is interesting to look up the global digitalization index. At this point, Russia ranks 42nd, even behind Kazakhstan,” says Elena Lenchuk.

NEW ENTERPRISE STRUCTURE

Georgiy Kleiner,

Deputy Research Director of the Central Institute of Economics and Mathematics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

There’s no doubt a federal program for reforming the enterprise should be established. There’s no reason to expect that enterprises will adapt on their own. The range of legal forms of the enterprise should be expanded. The current range is obviously too narrow to encompass all relationships among owners, managers, employees and specialists. Certain formats, the so-called collective forms, should be added to include establishment of self-managed enterprises. What does a company’s interior consist of? A sector of innovative projects, a sector of organizational structures, a sector of information and communication infrastructures, and a logistics and innovation sector. Those 4 sectors are currently not reflected in the management structure of the enterprise. I propose to create 4 offices in enterprises: a project office, a processing office, an organizational office, and an infrastructural or environmental office. Like barrel hoops, those 4 offices should draw together separate fragments, separate segments, separate areas of an enterprise’s activity, shaping the enterprise into a complete, balanced and effective system in a friendly external environment.

According to the scholar, without launching the digitization process, without developing technologies, the targets set by the May decree, No. 204, which provide for a several times increase in productivity, growth of non-commodity exports and development of innovatively active enterprises, will be practically unreachable. And one should ask oneself whether the measures prescribed by the Digital Economy national project are sufficient to turn digitalization into a driver of economic growth. Today, 70% of the software used in Russia is foreign made, and there's a disastrous lag in microelectronics. Therefore, according to Lenchuk, the creation of a digital economy in our country first of all implies an overall general technological modernization of all areas and is only possible with the creation of an innovative development model and the introduction of advanced production technologies of a new technological mode.

Dmitry Belousov, a prominent analyst from the Center for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting, followed up on

the topic of digitalization. In his opinion, it's more important that digitization creates new conditions for all major production factors: on one hand, one can lift the curse of being tied to the customary suppliers, on the other hand, one can work directly for the global market becoming directly involved in the global commodity exchange network. The contribution of the IT sector in GDP may account for a 0.4% growth, which is 10% of what we can realistically count on today.

“A decision on developing a digital economy should also be a decision on stimulating economic growth, otherwise we simply won't be able to provide jobs for those people who will become unemployed as a result of digitalization; and also a decision on developing mass industry, otherwise digitalization will become the story of individual firms operating in foreign markets over and above our economy; and also a decision on increasing territorial, professional, and other mobility. That's the problem we are running away from. Digitalization generates long-term social and political challenges that have yet to be properly understood. Only now are we beginning to understand that digitalization makes it possible to develop minimum-manned production. For instance, the Amur Gas Chemical Complex, a huge global facility which is currently under construction, will employ 1,200 people, a staff of a medium-sized plant in the Soviet Union. And near zones of intensive growth zones of decline are likely to emerge,” the expert warns.

ECONOMY OF “SUCCESSFUL PSYCHOPATHS”

Yakov Mirkin,

Head of the Department of International Capital Markets at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

In the US, there is a concept of the so-called “successful psychopath.” It's sort of a normal person with despotic character traits, a winner. Such people are heads of corporations or presidents. If you think about it, the model of collective behavior of the managing class fits entirely into the successful sociopath concept. And what kind of economy is built around this model of collective behavior? First of all, it's not a welfare economy, it's an economy of barrels and megawatts. It's based on the thieving, dishonest, manipulated, indoctrinated individual. The result is an economy of punishment, full of rules, an economy of vertical power, of super-concentration, of nationalization, a centripetal economy, and, in the end, a weird economy where growth is entirely supported by the budget. Any industrialist who you might happen to talk to at this point in time will not be talking about foreign investments or loans, which are expensive and inaccessible; he will be talking about budget preferences. If you think about it, it's just a crazy growth model, doomed to failure in advance, because it makes the budget responsible for everything: war and peace, huge reserves and investment, defense and social spending.

R&D PARADOX

Viktor Ryazanov, Head of the Economic Theory Department at the St. Petersburg State University drew attention to the fact that despite the increase in research and development spending and the several times growth of the new technologies — nanotechnology, computer technology, and biotechnology — labor productivity continues to fall, and the forecasts are far from being optimistic.

“The question is why the period, as large as it was, of the development of R&D and the new industrial revolution did not yield any impressive results? I think that it's quite appropriate to remember Marx and his law of correspondence of productive forces to the level and the character of development of production relations. Therein lie the main limitations that prevent research projects and new technologies from being successfully implemented in the economy. Indeed, if we take a closer look, we will see that, naturally, a speculative economic model cannot ensure that sufficient financial resources will be rerouted for supporting and distributing new technologies.” the scholar said.

FUNDAMENTAL ANSWERS

Concluding the SPECT-2019 plenary session, Dmitry Sorokin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Research Director of the Financial University under the Government of the Russian Federation, and Research Director of the VEO of Russia, reminded the audience that however they described the emerging trends — continued stagnation or recovery from the crisis — so far according to the 2018 official results the volume of investments is lower in real terms than in 2012, the processing industry in the conditions of import substitution ended up on the 2012 level, the volume of construction work is below the 2010 level, and real disposable incomes of the population are the same as in 2010.

“I remember all too well an article in Rossiiskaya Gazeta, a column brilliantly written by Viktor Ivanter. And he clearly stated some 5 months ago that the development projections and plans that had been submitted did not envisage the fulfillment of the presidential decree on ensuring a breakthrough development, either technological or socio-economic. I wouldn't really want all those discussions, deliberations and debates to boil down to a talk about the mistakes made by the government, the politicians, and so on. I would like us to look for fundamental answers to the questions, to look into the patterns of our existence in search of what the recent speakers were referring to. It would be better for science that way.”

UNPOPULAR ECONOMY

Vitaly Tretyakov,

Dean of the Higher School of Television of the Moscow State University, Professor

The inability to get a common-sense understanding of what is happening in our economy annoys people. Hence, the obvious demand for social justice. Meek attempts to put the problem in a spotlight and mitigate it seem rather cynical, hypocritical and sanctimonious. As Stalin's popularity grows, ordinary people are questioning the equity in our today's economy. When people who bash the Soviet economy, the Soviet system, the Soviet regime, and especially the Stalinist regime the most personally extract the maximum profit for themselves from what was built by the so-called “gulag slaves”, one cannot help asking: “Is it even fair you own it?” It's a popular sentiment and it's growing, a cry out for universal justice on the national scale, a feeling that the economy has not been built properly, that everything is being done in the interests of a very small group of people, not a middle class, not even the ruling class, but a tiny group within the ruling class. There's no clue as to where we're going, there's little understanding even in the academic circles. People keep asking the same question. They do not understand their place in the economy.

TO LOOK FOR FUNDAMENTAL
ANSWERS INTO THE PATTERNS OF
OUR EXISTENCE IN SEARCH OF WHAT
OUR SPEAKERS WERE REFERRING
TO — THAT WAY WOULD BE
BETTER FOR SCIENCE.

ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ академический ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Учёные в поисках новой парадигмы развития

Тема форума — «Перспективы социально-экономического развития и роль науки: академический дискурс». В числе целей, которые ставят перед собой организаторы, — поиск ответа на вопрос, как экономическая наука должна участвовать в создании модели экономического развития России.

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

Идея форума выкристаллизовалась на встрече президента РАН академика Александра Сергеева и президента ВЭО России профессора Сергея Бодрунова — они и стали соорганизаторами новой академической площадки. Но в чем ее новизна и чем она будет отличаться от уже работающих экономических форумов? Как отметил Сергей Бодрунов: «МАЭФ — это, прежде всего, научная интеллектуальная площадка, предназначенная для формирования парадигмы современной экономической науки и для разработки научного фундамента долгосрочного экономического развития России. И именно эта площадка, надеюсь, станет основной в этом отношении». Существующие форумы со словом «экономический» в названии — в основном инвестиционные, носят прикладной, практический характер и являются скорее площадками для переговоров, заключения контрактов, обсуждения текущих практических проблем. Голос академического сообщества экономистов там практически не слышен.

Говоря о МАЭФе, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института

экономики РАН Руслан Гринберг признался, что в научном сообществе «есть тоска по общей большой теории». «Одно время казалось, что мы все разошлись по квартирам, каждый занимается своим делом, произошла фрагментация знания: и у физиков, и у химиков, и у математиков это есть, и у представителей гуманитарных наук тоже. Теперь хочется выяснить, все-таки куда идет мир, можно ли его спасти?» — подчеркнул Руслан Гринберг.

В российском экспертном сообществе идут острые дебаты по поводу экономической модели, которая реализуется в Российской Федерации, и сегодня уже сформировались некоторые векторы, которые либо объединяют, либо, наоборот, разъединяют ученых. Как отметил зампред Комитета Совета Федерации ФСРФ по экономической политике Сергей Калашников, МАЭФ в этом смысле отчасти является альтернативой Гайдаровскому форуму, так как не будет ограничиваться участием ученых с либеральными или неолиберальными взглядами. «Гайдаровский форум — яркая площадка, которая консолидирует то, что называется либеральным подходом Российской Федерации, хотя на самом деле, как показал последний форум, к классическим либеральным идеям этот набор представлений не имеет никакого отношения, он, скорее, является аккумулятором всех тех идей, которые провозглашались последние 25 лет, и отражает специфическое понимание того, что такое экономическая свобода, каковы должны быть отношения между Россией и Америкой и солидарным Западом,

и самое главное — что нужно делать России? МАЭФ — это определенная антитеза, потому что на него собираются в том числе люди, которые называют себя государственниками, которые во главу угла ставят не монетарную систему, а развитие реального производства, реальной экономики, в том числе и наиболее современных экономических программ, которые отражают четвертую научно-техническую революцию», — говорит сенатор.

Парадокс, но именно этот, казалось бы, консервативный подход сейчас представляется наиболее передовым. Российское финансово-кредитное лобби предпочитает не замечать тренды, которые несет шестой научно-технологический уклад. А на МАЭФ соберется большое число экономистов, которые считают, что в основе всего лежит реальное производство, и они говорят, как меняется и финансовая сфера под воздействием научно-технического прогресса, не отвергают новые формы финансирования, стимулирования и мотивации в новых условиях.

Организаторы форума сообщили «ВЭ», что на МАЭФ обязательно пойдет речь о стратегическом планировании в РФ. Один из вопросов, который будет

ИЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА РЕЗОЛЮЦИИ МАЭФ

«Принимая доказываемый самой жизнью тезис — технологическая революция обуславливает объективно необходимые тренды экономического развития, — можно сделать простой, но принципиально важный вывод: экономические институты, “правила игры” и экономическая политика должны соответствовать вызовам этой революции. И это — не только институты рынка.

За последние два десятилетия в России существенно изменились институты и направления политики почти во всех сферах, кроме экономической, где до настоящего времени сохраняются институты и политика, основы которых сложились еще в прошлом веке. В то же время в мире усиливается понимание того, что главным трендом развития последних десятилетий стал рост качества жизни. Этот тренд обуславливает ряд следствий:

цели развития — научно-технологическое и социальное развитие; измерителями достижений экономики должны стать прогресс человеческих качеств и экономики, а не только экстенсивный рост ВВП;

государство должно быть представителем интересов общества и устанавливать правила для рынков, а не наоборот;

соотношение между общественным и частным секторами экономики, рынком и общественным регулированием должно определяться стратегическими задачами технологического и социального прогресса, обеспечения национальной безопасности;

условие социального прогресса — баланс между равенством и справедливым вознаграждением; от государства требуется обеспечить механизмы, гарантирующие социальную справедливость».

Что касается масштаба форума, то в МАЭФ примут участие более полутора тысяч человек, среди них — ведущие ученые и эксперты России и мира, молодые исследователи, представители федеральных органов законодательной и исполнительной власти, администраций субъектов РФ, представители образовательного сообщества России, деловых

кругов, международных и российских общественных организаций. На форум уже зарегистрированы ученые из 53 субъектов РФ, а также из Австрии, Азербайджана, Аргентины, Армении, Беларуси, Великобритании, Германии, Греции, Индии, Ирландии, Италии, Казахстана, Канады, Киргизии, Китая, Кубы, Нидерландов, Сирии, Словении, Таиланда, Франции, Швейцарии, США и Японии.

МАЭФ

— это, прежде всего, научная интеллектуальная площадка, предназначенная для формирования парадигмы современной экономической науки и для разработки научного фундамента долгосрочного экономического развития России.

звучать, — является ли майский указ 2018 года, состоящий из 13 нацпроектов, заменой стратегическому планированию и концепции социально-экономического развития России? То есть можем ли мы сказать, что, если мы выполним эти 13 направлений, у нас сразу изменится экономическая система, или нет? Юрий Ковалев, ученый секретарь Секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, обозначил еще один вектор дискуссии: «Россия — это очень специфическая страна, это отдельная цивилизация. Как говорил в свое время Лев Гумилев, это суперэтнос. И реформирование экономики как самоценность — этого для России мало. К ней простые мерки экономики — давайте мы сейчас повысим уровень жизни, и все будет хорошо — не до конца применимы. Обязательно нужно говорить о смысле, о стратегической цели. А тут неизбежен переход к категории “глобальный проект”. Нужна стратегическая цель, нужен образ будущего, поэтому я бы хотел, чтобы этот блок вопросов обязательно возник в ходе Форума».

В пленарных сессиях и панельных дискуссиях примут участие представители практически всех направлений в российской экономической науке, крупные фигуры из федерального и регионального правительств. С отдельной лекцией выступит нобелевский лауреат по экономике, учение которого очень актуально на фоне технологического перелома, Жан Тироль.

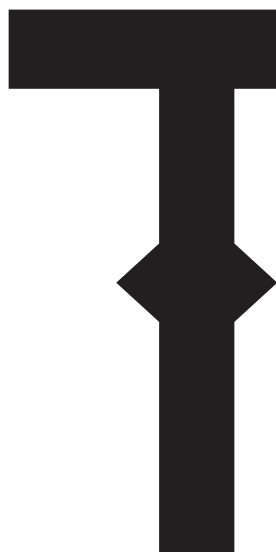
«Пора дать осмысленный ответ на вопрос, что может дать экономическая наука для формирования модели экономического развития России, адекватной вызовам современного мира», — заключил Сергей Бодрунов.

«Пора дать осмысленный ответ на вопрос, что может дать экономическая наука для формирования модели экономического развития России, адекватной вызовам современного мира», — заключил Сергей Бодрунов.

FIRST MOSCOW ACADEMIC ECONOMIC FORUM

Scholars in search of a new development paradigm

Forum theme: «Prospects of socio-economic development and the role of science: academic discourse».
The objectives set by the organizers include looking for an answer to the question of how economic science should participate in creating a model of Russia's economic development.

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM | МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

The idea of the forum crystallized during the meeting of President of the Russian Academy of Sciences Academician Alexander Sergeyev and President of the VEO of Russia Professor Sergey Bodrunov — they co-founded the new academic platform. But in what way is it new and how will it differ from the already existing economic forums? Sergey Bodrunov says: «First of all, MAEF is a scientific intellectual platform designed to shape a modern economics paradigm and develop a scientific foundation for the long-term economic development of Russia. I hope this venue will play the leading role in this regard». The majority of the existing forums with the word «economic» in their titles are related to investments, applied research, and practical matters; they can better serve as venues for conducting negotiations, making contracts, and discussing current practical problems. The academic community of economists can barely make themselves heard there.

Speaking of MAEF, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Research Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences Ruslan Grinberg admits that in the scientific community «there is a longing for a general big theory». «Once it seemed we'd spilt up, each of us doing his own thing, and knowledge becoming fragmented: it's true for physicists, chemists, and mathematicians, and for humanitarians too. Now we'd like to know where the world is going, and can it be saved?» Ruslan Greenberg says.

There are heated debates among the Russian expert community over the economic model which is being implemented in the Russian Federation. By now, some trends have already emerged that either unite or divide the scholars. As Deputy Chairman of the RF Federation Council Committee on Economic Policy Sergey Kalashnikov says, MAEF, in this sense, is a partial alternative to the Gaidar Forum since it will not be limited to the participation of scholars with liberal or neoliberal views. «The Gaidar Forum is a robust platform that consolidates what is called the Russian Federation's liberal approach, although, as the recent forum has shown, that approach has nothing to do with classical liberal ideas, it rather accumulates all the ideas that have been proclaimed over the last 25 years, and

reflects a specific understanding of what economic freedom is, what kind of relations should be maintained between Russia and America (and other Western countries), and, most importantly, what Russia should do. MAEF is an antithesis of sorts, particularly because it gathers people who call themselves etatists, who, instead of the monetary system, prioritize the development of actual production and real economy, including the leading-edge economic programs which reflect the fourth scientific and technical revolution», the senator says.

Paradoxically, it is this seemingly conservative approach that's now considered the most advanced. The Russian financial lobby prefers not to notice the trends that are being brought about by the sixth scientific and technological mode. Meanwhile MAEF will gather a large number of economists who believe that real production is the basis of everything; they will be discussing how the financial sector has changed under the influence of technological progress without rejecting the new forms of financing, incentives and motivation in the new environment.

FROM A PRELIMINARY DRAFT OF THE MAEF RESOLUTION

«By accepting the well-proven thesis that a technological revolution objectively gives rise to necessary trends of economic development it is possible to make a simple but fundamentally important conclusion: the economic institutions, "the rules of the game," and the economic policy should meet the challenges of that revolution. And it does not only concern market institutions.

Over the past two decades, Russia has significantly changed its institutions and policies in almost all areas, except for the economic sphere where the institutions and policies, whose foundations were laid down in the previous century, are still intact. At the same time, the world is becoming increasingly aware of the fact that in recent decades the growth in the quality of life has been the main development trend. That trend has

several implications:

development goals — scientific, technological and social development; economic achievements should be measured by human and economic progress, not just by the extensive growth of GDP;

it's the state that should represent the interests of society and establish rules for markets, not vice versa;

relationships between the public and the private sectors of the economy, between the marketplace and the public regulators should be determined by the strategic goals of ensuring technological and social progress and national security;

social progress is conditioned on a balance between equality and fair pay; the state needs to provide a mechanism to ensure social justice».

vision of the future. So, I'd like to see this set of questions addressed in the course of the Forum».

As regards the scope of the forum, MAEF will be attended by over a thousand people, including Russia's and the world's leading scholars and experts, young researchers, members of the federal legislature and government, members of

The forum organizers told Free Economy MAEF would certainly address the issue of strategic planning in the Russian Federation. One of the questions that will be asked is whether the May 2018 decree consisting of 13 national projects is a replacement for the concept of strategic planning and socio-economic development of Russia. Or, in other words, can we say that if we excelled in those 13 areas, the economic system would immediately change?

Yury Kovalev, Academic Secretary of the Section of Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology and Law of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, has identified another vector of discussion: «Russia is a very specific country, it's a separate civilization. As Lev Gumilev once put it, it is a super-ethnos. And reforming the economy is in itself not enough for Russia. You cannot fully apply to it simple economic standards, just like in "let's raise the standard of living, and everything will be fine". You need an understanding, a strategic goal. So, a transition to the "global project" category is inevitable. You need a strategic goal, you need a

MAEF

is a scientific intellectual platform designed to shape a modern economics paradigm and develop a scientific foundation for the long-term economic development of Russia.

regional administrations, educators, businessmen, representatives of international and Russian non-government organizations. Scholars from 53 Russian Federation entities, as well as from Austria, Argentina, Azerbaijan, Armenia, Belarus, Great Britain, Germany, Greece, India, Ireland, Italy, Kazakhstan, Canada, Kyrgyzstan, China, Cuba, the Netherlands, Syria, Slovenia, Thailand, France, Switzerland, USA, and Japan have already registered for the forum.

The plenary sessions and panel discussions will be attended by representatives of almost all Russian economic schools, prominent figures from the federal and regional governments. A separate lecture will be given by Jean Tirole, a Nobel laureate in Economic Sciences, whose teachings are especially relevant at the time of a technological breakthrough.

«It is time to give a meaningful answer to the question of how economic science can assist us in creating a model of economic development in Russia that will meet the challenges of the modern world», Sergey Bodrunov concludes.

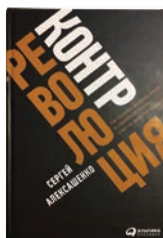
НОВИНКИ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

ЭКСЛИБРИС

АРКАДИЙ ДУБНОВ. «ПОЧЕМУ РАСПАЛСЯ СССР. ВСПОМИНАЮТ РУКОВОДИТЕЛИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК»

Почему распался СССР, был ли этот процесс неизбежным, единственно возможным или спровоцированным конкретными силами — вопрос, который занимает умы уже не одного поколения. Остроумно и парадоксально на эту тему было написано задолго до событий 1991 года: «По-видимому, если бы футурология существовала в императорском Риме, где, как известно, строились уже шестизэтажные здания и существовали детские вертушки, приводимые в движение паром, футурологи V века предсказали бы на ближайшее столетие строительство двадцатизэтажных зданий и промышленное применение паровых машин. Однако, как мы уже знаем, в VI веке на форуме паслись козы». («Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года?», Андрей Амальрик, 1969 г.). Книга Аркадия Дубова представляет собой 14 масштабных интервью о распаде Советского Союза с политическими деятелями, которые в этот момент были руководителями новых независимых государств. Среди них Аскар Акаев, Леонид Кравчук, Витаутас Ландсбергис, Станислав Шушкевич, Мирча Снегур, Геннадий Бурбулис, Акежан Кажегельдин, Арнольд Рюйтель, Ивар Годманис, Иса Гамбар, Тенгиз Сигуа, Назар Суюнов, Вазген Манукян и Акбаршо Искандаров. Автору повезло, что спустя четверть века почти всех действующих лиц они нашли в здравии и, главное, готовых на длинный и содержательный разговор. Нет никаких сомнений, что все эти годы они много думали и размышляли о произошедшем и с точки зрения своих политических убеждений, и с точки зрения своих политических убеждений, и с точки зрения своих политических убеждений, которые происходили с их странами. Автор в предисловии надеется, что эта книга поможет взглянуть на события почти тридцатилетней давности без сослагательных фантазий, развенчать миф о счастливой стране-монолите, взглянуть по-новому или впервые на особые обстоятельства этого щедрого на события времени, пролить свет на многие политические процессы, предшествовавшие распаду, разобраться в том, был ли этот распад предreshен.

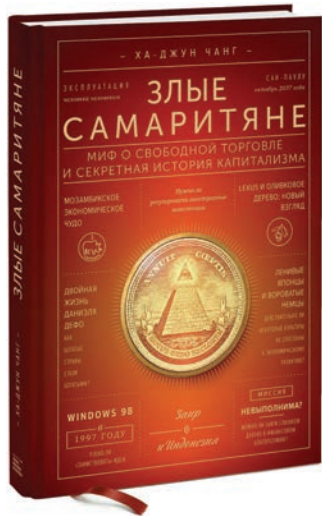
СЕРГЕЙ АЛЕКСАШЕНКО. «КОНТРЕВОЛЮЦИЯ. КАК СТРОИЛАСЬ ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И КАК ЭТО ВЛИЯЕТ НА ЭКОНОМИКУ»

Автор книги был активным участником «великой русской революции» начала 1990-х, когда тоталитарное государство с плановой экономикой трансформировалось в государство с рыночной экономикой. С 1989 по 1998 год Сергей Алексащенко проработал в различных государственных структурах (заместителем министра финансов РФ и первым заместителем председателя правления Центрального банка России) и своими руками делал ту экономику, которая сложилась к 2000 годам. А потом что-то пошло не так. К 2013-му развитие российской экономики практически остановилось. И это не жалобы отставника, а факт. В причинах этого явления и разбирается автор. Почему российская экономика после бурного роста застряла в стагнации, из которой уже много лет не видно выхода? Как из демократической страны Россия превратилась в изгоя, пугающего соседей и ссорящегося с партнерами? Книга «Контрреволюция» рассказывает о тех решениях власти, которые сильно повлияли на Россию, затормозили структурные изменения в экономике и в конечном итоге подорвали экономический рост.

СВЯТОСЛАВ РЫБАС. СИ ЦЗИНЬПИН

Имя Святослава Рыбаса хорошо известно любителям серии «Жизнь замечательных людей». В ней выходили его биографии Сталина, Столыпина, Громыко и других деятелей русской и советской истории XX века. И вот перед нами первая в России широкоохватная биография китайского лидера — председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина. Книга, вышедшая в серии «ЖЗЛ: Биография продолжается» включает в себя не только архивные документы и материалы, но также самые злободневные публикации, дискуссии, споры. Си Цзиньпин представлен на фоне мировых исторических и современных политических и экономических событий и конфликтов. Значительное внимание уделено китайско-советским-российским взаимоотношениям, борьбе Китая за мировое лидерство и мировые рынки, финансовым войнам. Среди героев книги — Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Иосиф Сталин, многие современные политические деятели.

**ХА-ДЖУН ЧАНГ.
«ЗЛЫЕ САМАРИТЯНЕ. МИФ О СВОБОДНОЙ
ТОРГОВЛЕ И СЕКРЕТНАЯ ИСТОРИЯ КАПИТАЛИЗМА»**

Ха-Джун Чанг — профессор Кембриджского университета, преподает экономику на профильном факультете. Автор нескольких экономических бестселлеров. В обзоре «Вольной экономики» мы уже рассказывали о его предыдущей книге «Как устроена экономика». Главный вопрос «Злых самаритян»: что нужно делать стране, чтобы преуспеть? Согласно постулатам современной неolibеральной экономики, нужно соответствовать требованиям свободного рынка: руководствоваться принципами твердой валюты (низкая инфляция), небольшого государственного аппарата, частной инициативы, свободной торговли и дружелюбного отношения к зарубежным инвестициям. Но многие процветающие ныне страны не чуждались протекционизма и субсидирования, защищаясь от зарубежных инвесторов, отказываясь признавать патенты или отклонялись от ортодоксальной неolibеральной политики в отношении законов о зарубежных инвестициях, государственного управления и политических институтов. Ха-Джун

Чанг подготовил исторический экскурс и анализ современного мира, а также предложил прогноз на будущее. Он развеивает многие мифы. Великобритания и США — это не родина свободной торговли; более того, долгое время это были самые протекционистские страны в мире. Не все государства преуспели исключительно благодаря протекционизму и субсидиям, но мало кто обошелся без этого. Развивающиеся страны редко сознательно выбирали путь свободной торговли — часто это было результатом требований извне, часто даже подкрепленных военной мощью. Большинству таких стран свободная торговля не принесла ничего хорошего; гораздо лучше они справлялись при помощи протекционизма и субсидирования. Лучшее работает экономика в странах, которые открывали свою экономику постепенно и выборочно. Принципы неolibерализма — свободный рынок и свободная торговля — призывают пожертвовать равенством ради роста, но в результате не достигается ни то ни другое; за последние 25 лет, когда открылись границы и появился свободный рынок, рост на деле замедлился.

**МАНМИЛЛАН ДЖОНАТАН.
«КОНЕЦ БАНКОВСКОГО ДЕЛА. ДЕНЬГИ
И КРЕДИТ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»**

Почему возникли банки и как их появление способствовало промышленной революции и индустриализации? Чем занимается теневой банковский сектор? Как устроена работа банка, можно ли ему доверять и есть ли у него будущее? Что такое цифровая революция и как она повлияла на современную финансовую систему? Почему возник финансовый кризис 2007–2008 годов и какие уроки можно из него извлечь? Можно ли существовать без банков? Правда ли, что грядет конец эпохи банковского дела, и что будет потом? Эта книга будет одинаково интересна и финансистам, и социологам, и просто тем, кто хочет разобраться в том, как устроена современная экономика, какую роль играют в ней банки и почему сейчас настало время масштабных изменений.

**МАККЛОСКИ ДЕЙДРА.
«БУРЖУАЗНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ.
ЭТИКА ДЛЯ ВЕКА КОММЕРЦИИ»**

Не только в России ненавидят буржуев, презирают капиталистов вообще и бизнесменов в частности. Полтора столетия люди Европы презирали буржуазию. И полтора тысячелетия философы и теологи Европы презирали рынок. Буржуазная жизнь, капитализм — все они были признаны и все еще признаются ответственными за всё, от финансовой до моральной несостоятельности, от мировых войн до бездуховности. Противостоит этим столетиям необоснованных предположений и непроверенных мыслей книга Дейдры Маккроски, которая предлагает радикальный взгляд: капитализм хорош для нас. Обзор этической мысли и экономических реальностей — от Платона до Барбары Эренрейх — переворачивает все стереотипы, которые мы имели относительно того, что значит быть буржуазным. Можете ли вы быть добродетельным и буржуазным? Улучшают ли рынки этику? Сделал ли нас капитализм лучше так же, как богаче? Да, да и да — утверждает Маккроски, которая противостоит столетиям критики капитализма с помощью ее эрудиции и знаний.

EXLIBRIS

ARKADY DUBNOV. WHY THE USSR FELL APART? THE LEADERS OF THE UNION REPUBLICS REMEMBER

Why did the USSR fall apart, was this process inevitable, was it the only possible outcome or was it provoked by certain forces? It is the question that has occupied the minds of more than one generation. A witty and paradoxical answer was given long before the events of 1991: “Evidently, if “futurology” had existed in Imperial Rome, where, as we are told, people were already erecting six-story buildings and children’s merry-go-rounds were driven by steam, the fifth-century “futurologists” would have predicted for the following century the construction of twenty-story buildings and the industrial utilization of steam power. As we now know, however, in the sixth century goats were grazing in the Forum.” (“Will the Soviet Union Survive until 1984?” Andrei Amalrik, 1969). Arkady Dubnov’s book consists of 14 lengthy interviews about the collapse of the Soviet Union with politicians who at that point were the leaders of the new independent states. They include Askar Akayev, Leonid Kravchuk, Vytautas Landsbergis, Stanislav Shushkevich, Mircea Snegur, Gennady Burbulis, Akezhan Kazhegeldin, Arnold Ruutel, Ivar Godmanis, Isa Gambar, Tengiz Sigua, Nazar Suyunov, Vazgen Manukyan and Akbarsho Iskandarov. The author was lucky to find almost all of the interviewees in good health and, most importantly, prepared for a long and meaningful conversation after a quarter of a century. There is no doubt that throughout all those years they thought a lot about what happened both in terms of their political beliefs and in terms of observing those transformations that took place in their countries. In the preface

the author expresses hope that the book will help the reader see the events of nearly thirty years ago as they really happened, debunk the myth of a happy monolith country, provide a new insight into the special circumstances which existed at the time, shed some light on many a political process which preceded the collapse, and answer the question of whether the collapse was predetermined

SERGEY ALEKSASHENKO. COUNTERREVOLUTION. HOW THE VERTICAL POWER WAS CONSTRUCTED IN MODERN RUSSIA AND HOW IT AFFECTS THE ECONOMY

The author of the book was an active participant of the “Great Russian Revolution” of the early 1990s, when the totalitarian state with planned economy was transformed into a state with market economy. From 1989 till 1998, Sergey Aleksashenko worked in various state agencies (Deputy Minister of Finance of the Russian Federation and First Deputy Chairman of the Board of the Central Bank of Russia) and built the economy that took shape by the 2000s with his own hands. And then something went wrong. By 2013, the development of the Russian economy almost stopped. And that is not a complaint of a retiree, that is a fact. The author tries to understand the reasons for this phenomenon. Why after a period of rapid growth has the Russian economy become stagnant, with no way out of that stagnation in sight? How did Russia turn from a democratic country into a pariah who frightens its neighbors and quarrels with its partners? The book Counterrevolution tells us about those decisions of the authorities which greatly

influenced Russia, slowed down the structural changes in the economy and ultimately undercut its economic growth.

SVYATOSLAV RYBAS. XI JINPING

The name of Svyatoslav Rybas is well known among the fans of the Remarkable People series. His biographies of Stalin, Stolypin, Gromyko and other figures of the Russian and Soviet history of the 20th century were published as part of the series. And here we have before us Russia’s first wide-ranging biography of the Chinese leader, Chairman of the People’s Republic of China Xi Jinping. In addition to archival documents and materials the book, which came out as part of the RP: Biography Continues series, includes the most relevant publications, discussions and debates. Xi Jinping is presented against the backdrop of global historical and contemporary political and economic events and conflicts. Considerable attention has been given to the Sino-Soviet-Russian relations and China’s struggle for global leadership, world markets, and financial wars. Among the heroes of the book are Mao Zedong, Deng Xiaoping, Joseph Stalin, and many contemporary political figures.

JONATHAN MCMILLAN.
**THE END OF BANKING. MONEY, CREDIT,
 AND THE DIGITAL REVOLUTION**

Why did banks arise and how did their appearance contribute to the industrial revolution and industrialization? What is the shadow banking sector about? How does banking work, can you trust it, and does it have a future? What is the digital revolution and how has it affected the modern financial system? Why did the 2007–2008 financial crisis happen, and what lessons can be drawn from it? Is it possible to live without banks? Is it true that the end of the banking era is coming, and what will happen next? This book will be equally interesting to both financiers and sociologists, and also to those who want to understand the workings of modern economy and the role banks in it, and why the time is ripe for large-scale changes.

HA-JOON CHANG.
**BAD SAMARITANS. THE MYTH OF FREE
 TRADE AND THE SECRET HISTORY OF
 CAPITALISM**

Ha-Joon Chang is a Professor at the Cambridge University who teaches economics. He is the author of several economic bestsellers. In the *Free Economy* we have already reviewed his previous book, *Economics: The User's Guide*. The main question of *Bad Samaritans* is what a country needs to do in order to succeed? According to the postulates of the modern neoliberal economics, it is necessary to comply with the requirements of the free market: follow the principles of hard currency (low

inflation), small government apparatus, private initiative, free trade, and friendly attitude towards foreign investment. But many of the countries that are prosperous today did not shy away from protectionism and subsidies while defending themselves against foreign investors, refused to recognize patents, or deviated from orthodox neo-liberal policies with regard to foreign investment laws, state-owned enterprises, macroeconomic management and political institutions. Ha-Joon Chang has prepared a historical excursion and an analysis of the modern world, and has also offered a forecast for the future. He dispels many myths. Great Britain and the United States are not the birthplace of free trade; moreover, for a long time they were the most protectionist states in the world. Not all states succeeded solely because of protectionism and subsidies, but few succeeded without them. Developing countries rarely made deliberate choices in favor of free trade: they were often the result of demands that came from the outside, oftentimes backed up by military might. Most of these countries did not benefit from free trade; they did much better with protectionism and subsidies. The economy works best in countries that opened their economies gradually and selectively. The principles of neoliberalism — free market and free trade — call for sacrificing equality for the sake of growth, but in the end, neither is achieved. Over the course of the past twenty-five years, as the borders opened and free markets appeared, the growth has actually slowed down.

DEIRDRE N. MCCLOSKEY.
**THE BOURGEOIS VIRTUES: ETHICS FOR AN
 AGE OF COMMERCE**

Russia is not the only country that hates the bourgeoisie and scorns capitalists in general and businessmen in particular. For a century and a half, the people of Europe have scorned the bourgeoisie. And for a millennium and a half, the philosophers and theologians of Europe have scorned the marketplace. The bourgeois life, capitalism—all have been, and still are, framed as being responsible for everything from financial to moral poverty, world wars, and spiritual desuetude. Countering these centuries of assumptions and unexamined thinking is Deirdre McCloskey's book, a magnum opus that offers a radical view: capitalism is good for us. McCloskey's survey of ethical thought and economic realities—from Plato to Barbara Ehrenreich—overturns every assumption we have about being bourgeois. Can you be virtuous and bourgeois? Do markets improve ethics? Has capitalism made us better as well as richer? Yes, yes, and yes, argues McCloskey, who takes on centuries of capitalism's critics with her erudition and sheer scope of knowledge.

ЧТО ДЕЛАТЬ С РОССИЙСКИМ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ?

Памятка руководителю

Основные макроэкономические характеристики положения сельского хозяйства высоки. В 2017 году доля отрасли в ВВП — 4,36%. В последние шесть лет она растет. В любом докладе об успехах отрасль входит в топ-5.

Но так ли успешен наш агропром?

Александр Петриков,

директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова, академик РАН, член Президиума ВЭО России

По материалам двадцатой экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России «О приоритетных направлениях социально-экономического развития АПК России: от роста к качеству роста»

See below for the English version of the article

Вести с полей

See below for the English version of the article

емых земель, 50% чернозема планеты, 20% пресной воды, 10% мирового производства минеральных удобрений. И только около 2% населения мира.

Мы должны эффективно использовать этот потенциал и для решения мировой продовольственной проблемы в интересах России. Сейчас доля страны в мировом ВВП, создаваемом в сельском хозяйстве, — всего около 2%, что гораздо ниже удельного веса в производственном потенциале. Это говорит и о недостаточной эффективности сектора, и о наших резервах.

УСПЕХИ И ПРОБЛЕМЫ

Экономический рост в сельском хозяйстве наблюдается ежегодно с 1999 года, кроме засушливых 2010, 2012 и 2018 годов. По предварительной оценке, это 99,4%. В 2017 году завершился этап восстановительного роста в сельском хозяйстве. Валовая продукция впервые за постреформенный период превысила 1990 год примерно на 2%. Импортзамещение на внутреннем рынке в основном завершено по главным продуктам. И поставлены очень амбициозные задачи по наращиванию экспорта. Это всё известно и об этом не стоит подробно говорить в очередной раз. Гораздо конструктивнее поговорить о проблемах, которые сопровождают этот экономический рост, и мы укажем на главные из них.

ОСНОВНЫЕ БОЛЕЗНИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

- Прежде всего, это крайняя неравномерность роста в отраслях: в растениеводстве уровень 1990 года превышен на 42%, а в животноводстве он еще ниже дореформенного уровня на 28%.
- Объемы сельскохозяйственного производства очень существенно колеблются по годам, что видно на примере динамики валовых сборов зерновых и зернобобовых культур. Колебания достигают 20% и более, что намного выше, чем в развитых странах. Это обуславливает существенную волатильность агропродовольственного рынка и доходов сельхозпроизводителей. И эта нестабильность больше говорит о зрелости отрасли, чем сами темпы.
- Сельское хозяйство нерационально размещено по регионам страны, в частности, растениеводство,

Недостаточная ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Было бы стратегической ошибкой сводить роль сельского хозяйства в экономике только к производству продовольствия и сырья для промышленности и на этой основе оценивать его вклад в ВВП, как это, к сожалению, делает большинство экономистов и как это прописано в недавно принятой Стратегии пространственного развития России до 2030 года, в которой выделены 14 приоритетных агропромышленных регионов по тому критерию, что они формируют 2% ВВП страны. Про развитие сельского хозяйства в остальных регионах ни слова не говорится.

По нашему мнению, народно-хозяйственное значение отрасли гораздо шире. Сельское хозяйство — это не только производство продукции и сырья для промышленности и биоэнергетики.

Это, во-первых, продовольственная независимость страны как условие национальной безопасности. Это создание рабочих мест в смежных отраслях — более 20 отраслей экономики создают рабочие места благодаря сельскому хозяйству. Но в первую очередь речь идет о сохранении сельского населения, сельского образа жизни, о вкладе сельского хозяйства в формирование культурного ландшафта, обеспечение социального контроля на сельских территориях. Пока эти моменты никак не оцениваются. И поэтому роль сельского хозяйства принижается.

При оценке этой роли нельзя забывать о международном аспекте. Россия обладает крупнейшим сельскохозяйственным потенциалом: это 9% обрабатыва-

**В РАСТЕНИЕВОДСТВЕ
УРОВЕНЬ 1990 ГОДА
ПРЕВЫШЕН НА
42%,
А В ЖИВОТНОВОДСТВЕ
ОН НИЖЕ НА 28%.**

что приводит к большим колебаниям урожайности основных сельскохозяйственных культур, продукция выращивается в регионах с низким биоклиматическим потенциалом, что, естественно, сказывается на себестоимости.

- Экономический рост сосредоточен в основном в узкой группе сельскохозяйственных производителей. Это крупные сельскохозяйственные организации и крестьянско-фермерские хозяйства, отличающиеся высоким уровнем технической оснащенности и использующие передовые технологии. Остальные предприятия и хозяйства нуждаются в модернизации. Скажем, с 2009 по 2014 год доля крупных организаций с прибылью свыше 100 млн рублей существенно возросла, но снизилась доля мелких хозяйств в валовой продукции. О концентрации производства можно говорить по результатам всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года в ее сравнении с переписью 2006 года. Цифры показывают, что продолжается концентрация посевных площадей в крупных хозяйствах с площадью посевов свыше 10 тысяч гектар. И если в 2006 году это было 19,5% всех посевов, то в 2016-м уже почти 36%. В то время как доля в общей численности этих организаций составляет около 3%.
- Существенная зависимость нашего сельского хозяйства от импорта технологий, что создает научно-технологические риски для продовольственной безопасности страны. Стоимость заключенных соглашений по импорту технологий (в основном это покупка лицензий) в 10 раз превышает стоимость соглашений по экспорту.
- Рост в сельском хозяйстве не приводит к замедлению продовольственной инфляции. Именно по этой причине мы видим, что продовольственная инфляция больше, чем общая инфляция с 2012 по 2015 год, только в 2016–2017 гг. было обратное соотношение, а в 2018-м все возвратилось на круги своя. Этот фактор, а также снижение реальных доходов населения приводит к тому, что в России очень существенный удельный вес расходов на питание, потребительских расходов семей, а в семьях с низкими доходами этот показатель еще выше. Естественно, это говорит о том, что экономическая доступность продовольствия у нас оставляет желать, мягко говоря, лучшего.
- Следующий, вызывающий тревогу факт. Речь идет о том, что экономический рост в сельском хозяйстве слабо сказался на решении социальных проблем села. И я бы даже сказал, что этот экономический рост не только не решил социальные проблемы, но и обострил социальную ситуацию в большинстве сельских районов. Уровень жизни на селе продолжает уступать городскому. В большинстве регионов развивается процесс социального опустынивания. Впервые в нашем институте

проведена классификация муниципальных районов по доле личных подсобных хозяйств с заброшенными земельными участками и пустующими домами (по материалам опять-таки сельскохозяйственных переписей 2016 и 2006 годов). Особую тревогу вызывает этот процесс в связи с тем, что он развивается не только в окраинных регионах России (кроме Северного Кавказа), но и в историческом центре и на северо-западе.

- И наконец, еще один факт — это неудовлетворительное состояние почвенного плодородия. По результатам мониторинга земель сельхозназначения, который осуществляет Агрохимслужба Минсельхоза России, мы видим, что почвы слабо гумусированные, а содержащие гумус менее минимального составляют более 60% площадей, и это соотношение не меняется.

Подытоживая, можно сказать, что действующая модель аграрной политики обеспечила рост в сельском хозяйстве, продовольственную независимость по ключевым продуктам, постепенное наращивание экспорта. Но одновременно обнаружились недостатки этой политики, неравномерность развития по отраслям и регионам, волатильность, биполярность аграрной структуры, зависимость от импорта технологий и социальное неблагополучие сельских районов. Необходим переход от политики, обеспечивающей этот экономический рост, к политике качества роста, отвечающего критериям экономической, социальной, экологической эффективности. Эта политика должна быть направлена на ликвидацию отмеченных структурных, межотраслевых и территориальных диспропорций.

С 2009 по 2014 год

доля крупных организаций существенно возросла, но снизилась доля мелких хозяйств в валовой продукции.

5

НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

1.

Совершенствование отраслевой структуры сектора путем формирования продуктовых цепочек, создания добавленной стоимости по принципу от поля до прилавка, что требует построения государственной программы развития сельского хозяйства, совокупности отраслевых подпрограмм в действующей госпрограмме. Отраслевой принцип применяется в очень ограниченном виде — в отношении только молочного животноводства, льноводства и семеноводства отдельных сельскохозяйственных культур. А регулирование, например, агропродовольственных темпов вообще отнесено к полномочиям Минэкономразвития России, а не Минсельхоза России. Эти продуктовые цепочки целенаправленно не формируются, не расширяются их узкие места.

2.

Создание специализированных зон производства определенных продуктов на основе сельскохозяйственного районирования. Последняя карта сельскохозяйственного районирования была создана в далеком 1989 году. Совершенно необходима целенаправленная политика отраслевого размещения сельского хозяйства. Ключевой мерой здесь является выравнивание государственной поддержки в производстве отдельных продуктов по регионам, чтобы эти производства были сосредоточены в районах с лучшим биоклиматическим потенциалом, а не там, где поддержка выше. Кроме того, большое значение имеет развитие переработки и хранения продукции, а также транспорта. Это показывает опыт других стран, где сложились товарные зоны производства отдельных продуктов, например, продуктовые пояса в Америке.

3. Приоритетное развитие малых и средних сельскохозяйственных организаций, крестьянско-фермерских хозяйств, что предполагает перераспределение бюджетной поддержки в пользу развития сельскохозяйственной кооперации, так называемого контрактного сельского хозяйства, когда крупное предприятие, рыночный интегратор, передает часть своего производственного цикла мелким сельскохозяйственным единицам, поставляя для них необходимые производственные ресурсы и перерабатывая их продукцию. Особую роль в этой политике должно сыграть улучшение доступа среднего и малого бизнеса к субсидиям и дотациям, а также кредитам. Сейчас этот доступ, как показала перепись 2016 года, в два раза ниже в малом и среднем бизнесе, чем в крупном. При этом крупный бизнес сейчас в определенной степени достиг своего производственного предела. А вот малый бизнес, где есть главный резерв, не развивается.

4. Развитие сельскохозяйственной науки и создание в отрасли системы внедрения результатов производств. Это требует роста ассигнований в аграрные исследования, как государственные, так и, особенно, частные. В настоящее время отношение внутренних затрат на исследования и разработки в сельском хозяйстве, валовая и добавленная стоимости, создаваемые в отрасли, снижаются, и в два раза ниже аналогичного показателя по науке в целом. Кроме того, необходимо создание частно-государственной корпорации по инновациям в сельском хозяйстве, сравнимой с фондом «Сколково», Ростехом, фондом развития про-

мышленности, которые не только финансируют прикладные исследования и разработки, но и управляют внедрением их результатов в производство. Вместо этого правительство пускает на наш рынок крупнейшие транснациональные инновационные компании, например, «Байер» и «Монсанто», которые скоро будут делать погоду в нашем семеноводстве, вместо создания крупного оператора на этом рынке.

5. Новая модель сельского развития. Сейчас, как известно, по поручению президента Российской Федерации, готовится соответствующая государственная программа до 2030 года по развитию сельских территорий. Но вызывают беспокойство принципы, на основе которых ее планируется принять. Главное, что она будет элементом аграрной политики, то есть за нее будет отвечать Минсельхоз России. На наш взгляд, это должен быть предмет межведомственных усилий, а не только Минсельхоза. Для этого целесообразно создание агентства по сельскому развитию при правительстве России или наделение Минсельхоза полномочиями по координации деятельности министерств и ведомств на сельских территориях. Программа не должна замыкаться исключительно на сельских поселениях, а включать меры по развитию малых городов, стимулировать несельскохозяйственную занятость на селе, чего сейчас нет и, по-моему, не намечается. В перспективе она должна быть дополнена мерами по развитию сельского самоуправления.

**В 1989 ГОДУ БЫЛА
В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ
СОЗДАНА КАРТА
СЕЛЬСКОХО-
ХОЗЯЙСТВЕННОГО
РАЙОНИРОВАНИЯ**

КОММЕНТАРИИ И ДОПОЛНЕНИЯ

УСПЕХИ НЕ ВПЕЧАТЛЯЮТ

Рухман Адуков,
руководитель отдела
управления АПК
и сельским развитием
Всероссийского НИИ
организации произ-
водства, труда

и управления в сельском хозяйстве,
профессор

Сказать, что достижения очень значи-
мые, оснований нет. Эти достижения
имеют место в быстропелых отраслях.
Не сильно впечатляют рекорды в производ-
стве зерна. До сих пор не превзойден
рекордный сбор зерновых. В 1973 году он
был на 8 млн тонн больше, чем рекорд
наших дней. За предшествующие реформе
23 года 10 раз было произведено зерна
100 млн тонн и более, а за 28 лет с начала
реформ таких урожаев было 8, хотя сейчас
уже у нас частная собственность в сель-
ском хозяйстве и, казалось бы, успехов
должно быть значительно больше.
В целом развитие в сельском хозяйстве,
как и в других отраслях, должно соответ-
ствовать потенциалу России. Потенциал
огромный. И без его учета сложно оце-
нить, насколько мы успешны.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ

Анатолий Алтухов,
заведующий отделом ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной
экономики и социального развития сельских территорий —
Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельско-
го хозяйства», академик РАН

Стратегические документы по пространственному развитию страны вызы-
вают больше вопросов, чем ответов, не только по территориальному развитию, но и по агропро-
мышленному комплексу и особенно по сельскому хозяйству. В силу ряда причин многие вопросы не
получили должного обоснования и в лучшем случае носят фрагментарный характер. Мы живем
теми данными, которые были изложены еще с 80-х годов прошлого века. А именно сельскохозяй-
ственное районирование является и служит естественнонаучной основой многих важнейших
вопросов организации рационального природопользования сельским хозяйством, внедрения и реали-
зации научно обоснованных систем его ведения, разработки схем размещения специализаций.
Поскольку не существует одинаково равных природных и социально-экономических условий
для производства определенного вида сельскохозяйственной продукции, то каждый из них закреп-
ляется за отдельными хозяйствами и регионами страны. Такой концептуальный подход вполне
оправдан не только с теоретических и методологических положений, но и с практической пози-
ции. При этом мы считаем, что ключевую роль в регулировании процесса размещения специализа-
ции сельскохозяйственного производства должно играть государство, активно проводя эффектив-
ную региональную аграрную политику.

ЧТО ТАКОЕ
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ПРОДУКТ?

Валерий Кошелев,
заведующий кафедрой РГАУ — МСХА
им. К. А. Тимирязева, д. э. н., профессор

Под отечественной продукцией сейчас понимается вся
продукция, произведенная на территории страны, неза-
висимо от того, кем она произведена и из чего она произ-
ведена. В то же время, по мнению экспертного сообще-
ства, значительная часть так называемой отечественной продукции
производится из импортного сырья или с применением импортных
селекционных и иных материалов. То есть такую продукцию с трудом
можно отнести в полной мере к отечественной.

РАЗВИТИЕ МЕЛКИХ И СРЕДНИХ ХОЗЯЙСТВ

Владимир Башмачников,
главный научный сотрудник ВИАПИ им.
А. А. Никонова, д. э. н., профессор

Интересная вещь: у нас только 15% системы фермерства работает с плюсом в развитии. А 85% — стагнация, нет развития, нет никаких государственных ни кредитов, ни поддержки. Тем не менее живут, люди проверили себя в рыночных условиях. Это колоссальный актив. У нас еще есть пример очень важный — Саратовская область, в которой до сих пор не было ни одного года, чтобы официально или полуофициально сдерживалось развитие фермерства. Сегодня там 50% с лишним зерна, других культур производят фермеры, почти 40% валового продукта дают фермерские хозяйства без личных подсобных. И я думаю, что для людей, не больных гигантоманией, это серьезный аргумент для начала развития малых и средних хозяйств.

НИЗКАЯ ДОСТУПНОСТЬ ПРОДУКТОВ

Олег Овчинников,
руководитель центра аграрных проблем
Института США и Канады РАН

По данным Росстата, потребительские среднелюдиные расходы среднего россиянина на продукты питания составляют в настоящее время около 5,5 тысячи рублей в месяц, или 180 рублей в день. Ответьте, пожалуйста, коллеги, каким может быть потребление продовольствия при средних расходах 180 рублей в день? Более того, Росстат утверждает, что свыше половины населения России, находящегося за чертой бедности, вынуждено платить за питание не 30, а 50 и более процентов своих доходов, и даже при этом отказывать себе в полноценном питании.

ВЫСОКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ИМПОРТА

Влада Маслова,
руководитель отдела Федерального научного
центра аграрной экономики и социального разви-
тия сельских территорий, д. э. н.,
профессор РАН

В целом, процесс импортозамещения в АПК необходимо рассматривать не только с точки зрения импортозамещения продуктов питания, но и с точки зрения замещения технологий и ресурсной базы. По многим видам ресурсов, несмотря на всю политику импортозамещения, импортные поставки за пять лет увеличились. Например, по семенам сахарной свёклы, по семенам подсолнечника для посева, по семенам овощных культур. Также увеличился импорт племенного скота, ветеринарных вакцин, гербицидов и фунгицидов. И остается, об этом говорил Александр Васильевич, высокая зависимость от импортных поставок сельхозтехники и оборудования, технологий.

ЛЬГОТЫ НИЧЕГО НЕ ДАЛИ?

Дмитрий Сорокин,
научный руководитель Финансового универси-
тета при Правительстве РФ, вице-президент
ВЭО России, вице-президент Международного
союза экономистов, член-корреспондент РАН

Меня с детства учили, что в сельском хозяйстве мерить от года к году просто безграмотно, что надо брать среднегодовую цифру. Я посмотрел, что получается: в условиях наших льгот среднегодовой темп роста продукции составил, с 2014 по 2018 год, 2,7%. А как было в предшествующую пятилетку, когда льгот не было? (И там и там были засушливые годы.) 2,8%! Получается, что льготы прироста не дали. А что прогнозируют у нас на следующую пятилетку? 1,9% — среднегодовой темп роста, в 1,4 раза меньше, чем в эту льготную пятилетку. Мне это непонятно.

WHAT IS TO BE DONE WITH RUSSIAN AGRICULTURE?

Executive Cheat Sheet.

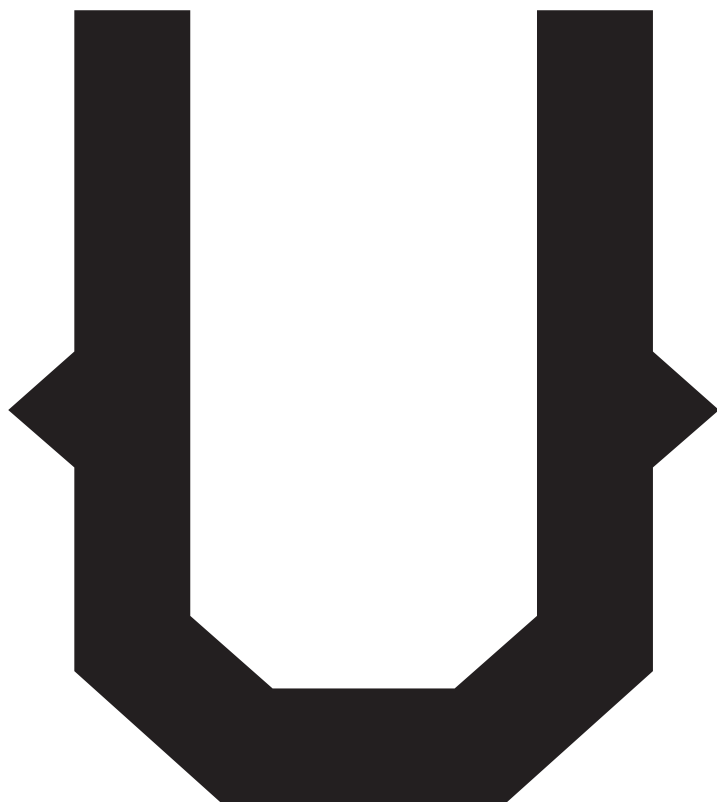
Macroeconomically, the agricultural situation is basically good. The sector's share in GDP was 4.36% in 2017. And it has been growing over the last 6 years. According to every progress report, the sector is among the country's top 5. But has our agriculture been really successful?

Alexander Petrikov,

Director of the A.A. Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the VEO of Russia

Based on the materials of the Twentieth expert session of the Coordination Club of the VEO of Russia «On the priorities of socio-economic development of Russia's agro-industrial complex: from growth to the quality of growth»

UNDER-PERFORMANCE

It would be a strategic error to reduce the role of agriculture in the economy to the production of food and raw materials for industry, and to evaluate its contribution to GDP based on that, as most economists unfortunately do and as required by the recently adopted Russian Spatial Development Strategy 2030, which prioritizes 14 agro-industrial regions based on their 2% share in the country's GDP. It makes no mention of the agricultural development in the other regions.

In our opinion, the significance of the sector for the national economy is much broader. Agriculture is not merely production of goods and raw materials for industrial and bioenergy sectors.

Firstly, it's the country's food independence as a prerequisite for national security. The sector creates jobs in related industries; thanks to agriculture jobs have been created in more than 20 sectors of the economy. But first and foremost, what we are talking about is the preservation of the rural population and the rural way of life, the contribution of agriculture to the formation of the cultural landscape, the provision of social monitoring in rural areas. So far, those aspects have not been evaluated. And therefore the role of agriculture has been played down.

While assessing that role, we must not forget about the international aspect. Russia has the largest agricultural potential with its 9% of global cultivated land, 50% of global black soil area, 20% of fresh water reserves, 10% of the world's production of mineral fertilizers. And with a mere 2% of the world's population.

We need to effectively use this potential and to solve the world's food problem in the interests of Russia. Currently, the country's share in the global GDP created in the agricultural sector is just under 2%, which is much lower than its share in the production potential. Based on those figures, the sector's underperformance is evident and so is its great potential.

SUCCESSES AND CHALLENGES

Economic growth in agriculture has been observed every year since 1999, except for the drought years of 2010, 2012 and 2018. According to preliminary estimates, it is 99.4%. The stage of recovery growth in agriculture was over in 2017. For the first time in the post-reform period the gross output exceeded the 1990 indicators by approximately 2%. Import substitution in the domestic market has been achieved for major products. Very ambitious targets for increasing exports have been set. Those are well-known facts that are not worth talking about in detail. It would be much better to talk about the problems that accompany the economic growth, and we will point out the main ones.

MAJOR ILLS OF AGRICULTURE

- First of all, it is the extreme unevenness of growth in the agricultural sectors: in crop production, the 1990 level is exceeded by 42%, while animal husbandry is still below the pre-reform level by 28%.
- Agricultural production volumes fluctuate significantly from year to year, as can be seen from the variation of gross yields of grain and leguminous crops. Fluctuations can be as large as 20% or more, which is much larger than in the developed countries. They lead to significant volatility of the produce market and incomes of agricultural producers. Such instability provides a better insight in the sector than the growth rate per se.
- Agriculture, especially crop production, is unevenly spread across the regions, which leads to large fluctuations in the yields of major crops. Products are grown in regions with low bioclimatic potential, which, of course, affects the cost.
- Economic growth is mainly limited to a small bunch of agricultural producers. Those are major agricultural companies and large peasant farms which use a wide variety of technical equipment and advanced technologies. The rest of the enterprises and farms need modernization. For instance, the share of large companies with profits exceeding 100 million rubles significantly increased between 2009 and 2014, but the share of small farms in gross output has decreased. Production concentration can be assessed using the results of the 2016 all-Russian agricultural census compared against the 2006 census results. The figures show that the concentration of sown areas in large farms with sown areas of over 10,000 hectares is still under way. While in 2006 they accounted for 19.5% of all the crops, in 2016 the corresponding figure is nearly 36%. At the same time, those enterprises account for just 3% of the total number of farms.
- The substantial dependence of our agriculture on technology imports which creates scientific and technological risks for the country's food security. The price of agreements on technology imports (i.e. on licensing) is 10 times the price of export agreements.
- Growth in agriculture has not led to a slowdown in food inflation. Therefore, we can see that food inflation was higher than the overall inflation between 2012 and 2015; the opposite was true only for 2016 and 2017, and in 2018 the situation reversed again. This factor, as well

News from fields

as the decline in real incomes of the population, has led to a situation where families in Russia have to spend a significant portion of their income on food, and that portion is even greater for low-income families. Naturally, such a situation shows that the economic affordability of food in our country leaves much to be desired, to say the least.

- Another alarming point. Economic growth in agriculture had little impact on our ability to solve the social problems of the countryside. And I would even say that the economic growth not only did not solve social problems but exacerbated the social situation in most rural areas. The standard of living in the countryside is still lower than in the cities. The process of social desertification has been gaining momentum in the majority of regions. Our institute was the first to rank the municipal districts by the number of personal subsidiary farms with abandoned land plots and empty houses (again, based on the results of the 2006 and 2016 agricultural censuses). We are especially concerned about the process due to the fact that it has been developing not only in the outlying regions of Russia (except the North Caucasus), but also in the historical center and in the north-west.
- And the final point, the unsatisfactory state of soil fertility. According to the results of the agricultural lands monitoring carried out by the Russian Ministry of Agriculture, the soils have low humus content. Soils with humus content below the required minimum make up more than 60% of the total area, and the ratio remains unchanged.

Summing up, we can say that the current model of agrarian policy has ensured growth in agriculture, food independence for key products, and a gradual increase in exports. But at the same time, the shortcomings of the policy have been revealed, such as the uneven development across sectors and regions, volatility, bipolarity of the agrarian structure, dependence on technology imports, and social distress in rural areas. We need to move from a policy that ensures economic growth to a policy of growth quality, that meets the economic, social and environmental efficiency criteria. Such a policy should be aimed at eliminating the structural, inter-sectoral and territorial disproportions mentioned earlier.

FIVE AREAS OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT

1. Improving the sectoral structure through the formation of food chains, creating added value according to the “field to counter” principle (which will require a government program for the development of agriculture, a set of sectoral subprograms within the current government program). The sectoral principle has been applied in a very limited fashion, with respect to dairy farming, flax production and production of seeds for certain crops. Russian Ministry of Economic Development, rather than the Ministry of Agriculture, has been put in charge of regulating growth of agricultural produce. No effort has been made to build the food chains or to eliminate the bottlenecks.

2. Establishing specialized production zones for certain products based on agricultural zoning. The latest map of agricultural zoning was drawn up back in 1989. A deliberate policy of sectoral distribution of

agriculture is absolutely essential. A key measure here is the equalization of state support for the production of individual products across the regions, so that those sectors are concentrated in areas where the bioclimatic potential is the best, and not where the government support is better. In addition, the development of processing and storage of products, as well as transportation, is of great importance, as evidenced by the experience of other countries where growing regions have been designated for the production of certain foodstuffs, like, for example, fruit belts in the United States.

3. Giving priority to the development of small and medium-sized agricultural companies, peasant farms, which involves redistribution of budget support in favor of development of agricultural cooperation, the so-called contract agriculture, when a large enterprise, a market integrator, reassigns part of its production cycle to small agricultural units supplying them with necessary production resources and processing their products. That policy should focus on improving the access to subsidies and credits for medium and small businesses. Currently, as evidenced by the 2016 census, small and medium businesses have twice more difficulties in accessing subsidies than the large ones. At the same time, big businesses have currently reached their production limits, to a certain degree, while small businesses, which possess the majority of reserves, have stopped developing.

4. Developing agricultural science and creating a system for implementing research results in production within the sector. It will require an increase in investments in agricultural research, both public and especially private. At present, the ratio of domestic expenditures on research and development in agriculture, gross and added value created within the sector, are going down and are 2 times lower than those for overall scientific research. Besides, it is necessary to create a private/state controlled corporation for agricultural innovation, comparable to the Skolkovo Foundation, Rostech, or the Industrial Development Fund, which not only finance applied research and development but also manage the implementation of the results in production. Yet the government has opened our market to major transnational innovative companies, like Bayer and Monsanto, which will soon be calling the shots in seed production, instead of creating a large domestic operator for that market.

5. Adopting a new model of rural development. Currently, at the request of the President of the Russian Federation, an appropriate state program is being prepared on the development of rural territories until the year 2030. But there are some concerns about the principles on which it is supposed to be built. Most importantly, it will be an element of the agrarian policy; that is, the Ministry of Agriculture of Russia will be responsible for it. In our opinion, it should be a product of several government agencies, not just the Ministry of Agriculture. To this end, it is advisable to create an agency for rural development under the Russian government or to authorize the Ministry of Agriculture to coordinate the activities of ministries and departments in rural areas. The program should not be limited to rural settlements, it should include measures for the development of small towns and should stimulate non-agricultural employment in the countryside, which is not the case now, and, in my opinion, won't be in the future. In the long run, it should be supplemented by measures for developing rural self-government.

COMMENTS AND SUPPLEMENTS

UNIMPRESSED WITH SUCCESS

Ruhman Adukov,
Head of the Agro-Industrial Complex and Rural Development Management Division of the All-Russian Research Institute of

Economics, Labor and Management in Agriculture, Professor

There's no reason to say that the achievements are very significant. Those achievements have taken place in fast-growing industries. Grain production records are not very impressive either. The record grain harvest of 1973 has not yet been surpassed, the shortfall being 8 million tons. A harvest of 100 million tons of grain or more was achieved 10 times over the 23 years preceding the reform, and during the 28 years after the commencement of the reforms, there were 8 such harvests despite the fact that the farms are now privately owned and it would seem that they should have been much more successful. On the whole, the rate of growth in agriculture, as well as in the other sectors, must correspond to Russia's potential. The potential is huge. And without taking it into account it is difficult to assess how successful we are.

AGRICULTURAL ZONING

Anatoly Altukhov,
Head of Division at the Federal Research Center of Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories — All-Russian

Research Institute of Agricultural Economics, Academician of the Russian Academy of Sciences

Strategic documents on the country's spatial development provide more questions than answers, not only on territorial development, but also on the agro-industrial complex and especially on agriculture. For a number of reasons, many points have not received proper substantiation and are fragmented, at best. We live by the data that were obtained back in the 1980s. Yet the agricultural zoning is a scientific basis for many of the key issues of organization of sustainable environmental management in agriculture, introduction and implementation of scientifically based management systems, and development of agricultural specialization arrangements. Since there can be no equal natural and socio-economic conditions for the production of a particular type of agricultural produce, each such type is assigned to individual farms and regions of the country. Such a conceptual approach is fully justified not only in terms of theoretical or methodological approach, but also in practical terms. At the same time, we believe that the government should play a key role in regulating the process of agricultural specialization by actively pursuing an effective regional agricultural policy.

DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM FARMS

Vladimir Bashmachnikov,
Chief Researcher at the A.A. Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics, Doctor of

Economics, Professor

An interesting point: only 15% of the farming system has seen growth. 85% is in stagnation, there is no development, no government loans or support — nothing. However, it's alive, and people have adapted to the free market paradigm. It's a huge asset for a future reboot. And, in addition, we have a very important example: the Saratov region where so far there has not been a single year in which the authorities would hold back the development of private farming, either officially or semi-officially. Today, farmers produce more than 50% of the region's grain and other crops, and private farms account for almost 40% of the region's gross agricultural output — not personal subsidiary plots, but farms. This example is very convincing. I think that people who are not prone to gigantomania see it as a serious argument in favor of development of small and medium farms.

WHAT IS DOMESTIC PRODUCT?

Valery Koshelev,
Head of Department at the K.A. Timiryazev Russian State Agrarian University — Moscow Agricultural Academy, Doctor of

Economics, Professor

Domestic products are now understood to mean any products manufactured inside the country, regardless of who produced them and what they were made from. At the same time, according to the expert community, a significant part of the so-called domestic products are made from imported raw materials or using imported seeds or other materials. That is, such products can hardly be classified as domestic.

HIGH IMPORT DEPENDENCE

Vlada Maslova,
Head of Division at the Federal Research Center of Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories, Doctor of

Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences

All in all, the process of import substitution in the agro-industrial complex should be considered not only

from the point of view of import substitution of food products, but also from the point of view of technology substitution and the resource base. Despite the import substitution policy, imports for many types of products have increased over the 5 years. For example, for sugar beet seeds, sunflower seeds, vegetable seeds. Imports of breeding livestock, veterinary vaccines, herbicides and fungicides have also increased. As Alexander Vasilyevich has already said, we remain highly dependent on imports of agricultural equipment and technologies.

LOW AFFORDABILITY OF PRODUCTS

Oleg Ovchinnikov,
Head of the Center for Agrarian Problems of the Institute of the USA and Canada of the Russian Academy of Sciences

According to Rosstat, the average per capita expenditure on food of the average Russian consumer is currently about 5.5 thousand rubles per month or 180 rubles per day. Can you say, dear colleagues, what kind of food consumption can there be with the average spending of 180 rubles per day? Moreover, Rosstat claims that over half of Russia's population, who are below the poverty line, have to spend as much as 50 percent or more of their income on food and still are unable to get adequate nutrition. Let me remind you that in the United States, the current share of household spending on food is, on average, about 8–10%.

WERE PREFERENCES ANY GOOD?

Dmitry Sorokin,
Research Director of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Vice-President of the VEO of

Russia, Vice-President of the International Union of Economists, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

I was taught from childhood, and rightly so, that it is simply wrong to use year over year measurements in agriculture, that we should use the average annual figure instead. I looked at the results: given the preferences we were offered, the average annual growth rate of agricultural output was 2.7% between 2014 and 2018. Then I wondered what the growth was during the previous five years, when no preferences were offered. (Both periods had drought years). 2.8%! It turns out that the preferences had no effect. And what are the forecasts for the next five years? The average annual growth rate will be 1.9%, 1.4 times less than during the five-year period with the preferences. I just don't get it.

денежно- ПРО- МЫШ- ленная ПОЛИТИКА

Для решения проблемы деиндустриализации

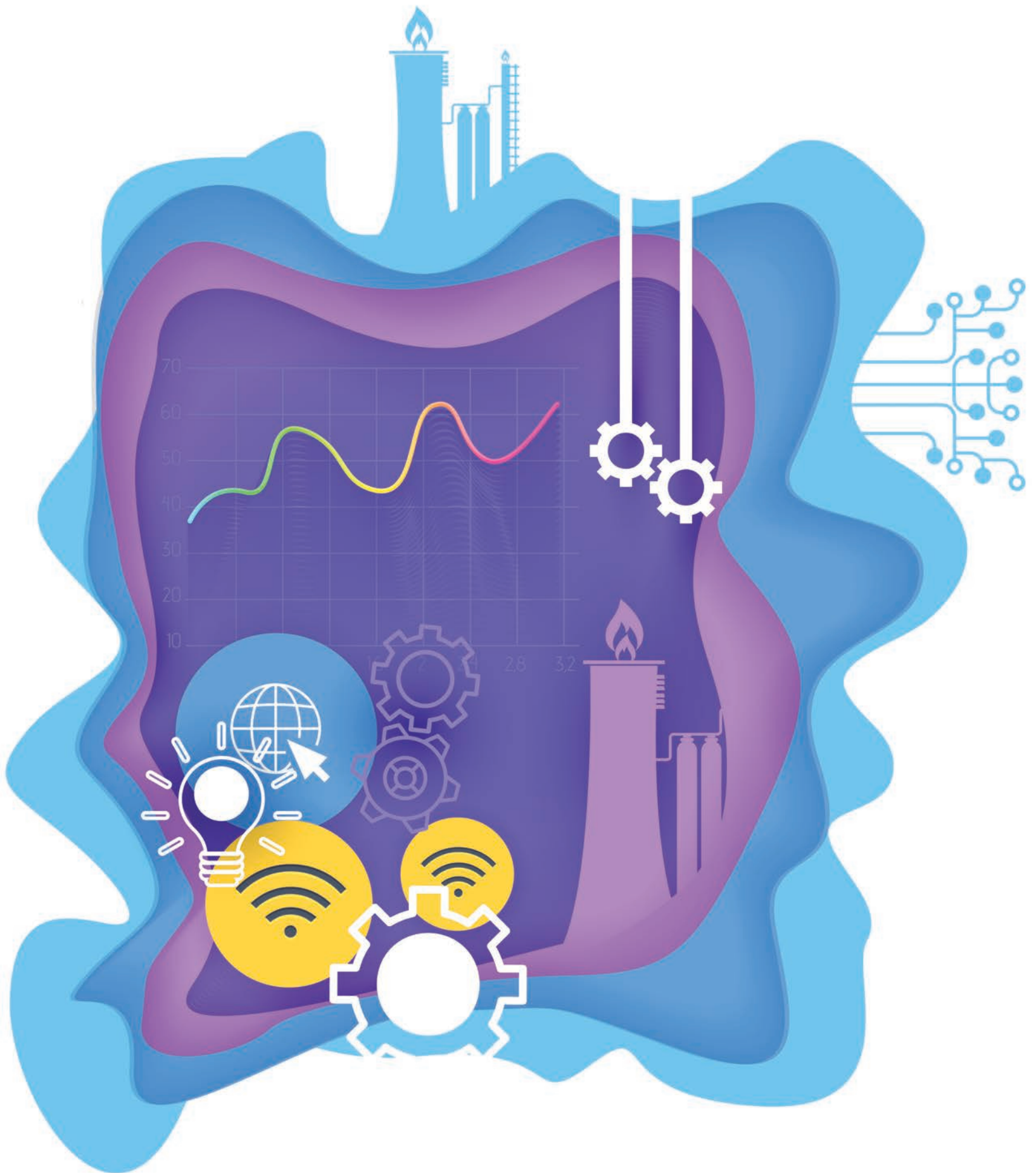
Яков Дубенецкий,

*председатель ревизионных комиссий
ВЭО России и Международного союза
экономистов, руководитель Центра
инвестиций ИНИП РАН, профессор*

See below for the English version of the article

Особое мнение

Массовая бедность и неудовлетворенность жизнью главным образом из-за продолжающегося уже почти три десятка лет игнорирования острейших задач материального производства (под убаюкивающий шелест сказок о том, что рынок все наладит) создают обстановку движения к масштабным социальным конфликтам, которой с превеликим удовлетворением неизбежно воспользуются как внешние, так и внутренние «доброжелатели» России.

Правильно сказано одним из публицистов — не надо давать людям подачек (как это принято в последние времена), дайте им возможность достойно зарабатывать для достойной жизни. Именно этим определяется критическая актуальность масштабной реиндустриализации страны на основе стратегического планирования, активной промышленной политики и подпирания ее (соединяющейся с ней) денежно-кредитной, бюджетной и в целом финансово-экономической политики и практики. Такой подход к актуальности ситуации с необходимостью безотлагательных мер по развитию производственной сферы, в целом реальной экономики неоднократно демонстрировали в публичном поле, в многочисленных работах, статьях и выступлениях (естественно, с различиями и нюансами во взглядах авторов) наши выдающиеся мыслители — ученые, практики, публицисты: В. В. Ивантер, Р. С. Гринберг, А. Д. Некипелов, С. Ю. Глазьев, С. Д. Бодрунов, М. В. Ершов, А. Г. Аганбегян и многие другие патристически и реально мыслящие эксперты.

Представляется целесообразным рассмотреть подробнее термин «денежно-промышленная политика», широко вошедший (в виде *mondustral policy*) в западную экономическую публицистику и деловой оборот в последние годы.

В узком (прямом, буквальном) смысле под этим понимается участие кредита в тех или иных промышленных проектах. Вместе с тем для наших целей и задач правильнее понимать этот термин более широко, можно сказать — всеобъемлюще: как сочетание, соединение активной, широко развернутой промышленной политики и практики — как государства, так и бизнеса — с не менее активной денежно-кредитной, бюджетной, налоговой политикой и практикой, главными целями которых должна быть всемерная поддержка развития сферы материального производства (о критической необходимости которого в нашей стране сказано раньше). Именно в таком виде денежно-промышленная политика фактически «работает» в течение десятилетий в ведущих мировых экономиках, особенно в США и Японии, о чем очень ярко и неоднократно высказывался М. В. Ершов (см., например, его статью «Десять лет после глобального кризиса: риски и перспективы» в журнале «Вопросы экономики» № 1 за 2019 год, стр. 48, а также ряд других его работ), подчеркнувший, что в этих странах «вся монетизация осуществляется на основе национальных приоритетов развития».

При этом очевидно, что ведущую роль в этом «тандеме», бесспорно, должна занимать промышленная политика (правильнее говорить о производственной политике, имея в виду все сферы материального производства и обеспечивающий их научно-технологический сектор; для простоты и удобства будем и в дальнейшем использовать термин «промышленная политика», понимая под ней и строительную и аграрную сферы).

Денежное же хозяйство страны, при всей его важности и активной роли (в форме обратных связей) и собственных, внутренних факторов самостоятельного развития, должно выполнять поддерживающую, обеспечивающую функцию, главной целью которой является надежное обеспечение финансовыми ресурсами устойчивого ускоренного развития производительных сил страны. Бесспорно, и в промышленной, и в обеспечивающей ее денежной политике будут существовать свои, самостоятельные направления и решения, задача же состоит в том, чтобы приоритетом при их выборе и решающей целью было соединение этих двух сфер экономической политики, их взаимопроникновение, достижение синергетического эффекта.

Прежде всего необходимо выбрать приоритеты промышленного (производственного) развития, как в силу невозможности воссоздания того законченного, самодостаточного и развернутого народно-хозяйственного комплекса, который представляла из себя советская экономика — прежде всего из-за ограниченности ресурсов и актуальных спо-

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ РАССМОТРЕТЬ ПОДРОБНЕЕ ТЕРМИН «ДЕНЕЖНО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА», ШИРОКО ВОШЕДШИЙ (В ВИДЕ MONDUSTRIAL POLICY) В ЗАПАДНУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ПУБЛИЦИСТИКУ И ДЕЛОВОЙ ОБОРОТ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

ков, но также в силу уже состоявшегося включения страны в мировое разделение труда, во многих случаях не представляющегося для нас нецелесообразным.

По причине настоятельной необходимости всеобщей модернизации и технологического обновления всей нашей производственной и непроизводственной сферы совершенно очевидно, что в первую очередь необходим подъем и реальный рывок в инвестиционном машиностроении — в станкостроении, тяжелом, энергетическом, транспортном машиностроении, химическом, нефтяном, газовом машиностроении, в электротехнической промышленности, в строительном, дорожном, коммунальном машиностроении. По тем же причинам необходимы решительные усилия в подъеме отечественной электроники (прежде всего микроэлектроники), в производстве оборудования для науки (и примыкающей к ней опытно-конструкторской сферы), особенно для ее новейших направлений — биоинженерии, искусственного интеллекта, цифровизации и других.

Особую роль и значение в предстоящей реиндустриализации должны занять ряд других высокотехнологичных отраслей, в первую очередь авиастроение, утрата которого (высокоразвитого в советские времена) несет в себе высокую уязвимость критически необходимого в огромной стране авиатранспорта, ныне практически полностью работающего на зарубежной технике (подчас в состоянии секунд-хенд).

Конечно же, развитие упомянутых отраслей по созданию элементов новых основных фондов должно сопрягаться с развитием и модернизацией соответствующих производственных и непроизводственных отраслей, которые примут их продукцию, предъявят на нее платежеспособный спрос.

Здесь уместно отметить, что развитие спроса — как личного, потребительского, так и производственного (как инвестиционного, так и для текущего производства) — в принципе должно выступать одним из ключевых направлений промышленной политики и обеспечивающей ее денежной (в широком смысле) политики. И при этом нужно иметь в виду следующий важный момент — при развертывании активной промышленной политики, ускорении роста производства и темпов модернизации неизбежно будет раскручиваться спираль нарастающего спроса как на производственные, так и на потребительские товары, будет возникать эффект самоиндуктирования рыночных стимулов развития.

После выбора приоритетов развития экономическим властям страны совместно с бизнесом, его ассоциациями (в первую очередь промышленной и в целом производственной направленности) следует приступить к разработке конкретных программ развития тех или иных отраслей и подотраслей, в которых должны быть определены привлекаемые к их выполнению бизнес-структуры и системы денежной сферы страны, установлены конкретные задачи и цели развития, определены виды и объемы привлекаемых финансовых ресурсов, гарантии государственной и денежной поддержки намечаемых проектов и недопустимости слома принятых сторонами обязательств и условий. В каком-то смысле такие подходы к организации дела будут напоминать плановую организацию экономики, но никто и нигде не доказал, что планирование на уровне корпорации или программирование движения по национальным целям развития

**КОНЕЧНО ЖЕ, РАЗВИТИЕ
УПОМЯНУТЫХ ОТРАСЛЕЙ
ПО СОЗДАНИЮ
ЭЛЕМЕНТОВ НОВЫХ
ОСНОВНЫХ ФОНДОВ
ДОЛЖНО СОПРЯГАТЬСЯ
С РАЗВИТИЕМ
И МОДЕРНИЗАЦИЕЙ
СООТВЕТСТВУЮЩИХ
ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ
И НЕПРОИЗВОДСТВЕННЫХ
ОТРАСЛЕЙ, КОТОРЫЕ
ПРИМУТ ИХ ПРОДУКЦИЮ,
ПРЕДЪЯВЯТ НА НЕЕ
ПЛАТЕЖЕСПОСОБНЫЙ
СПРОС**

в принципе нецелесообразно. Наоборот, даже в цитадели рыночной экономики, в Соединенных Штатах вполне успешно осуществлялись те или иные национальные программы.

В рамках этой работы особое значение должно уделяться форме проектного финансирования, о необходимости которого немало говорилось (и даже раздавались строгие руководящие упреки за невыполнение поручений), но воз, что называется, и ныне там.

В интересах надежной реализации принимаемых программ и недопущения нецелевого использования ресурсов будет необходимо вменить в обязанность и предоставить кредитуемым банкам правовые и иные возможности контроля за ходом инвестиционных процессов (в определенном смысле используя практику союзных Стройбанка и Промстройбанка) — тем самым повышать надежность возврата кредитов и процентов по ним, и таким образом обеспечивая экономические интересы банка. Было бы также целесообразно рассмотреть вопросы специализации тех или иных общегосударственных и региональных банков на производственном кредитовании (укрепляя их кадрами квалифицированных производственников) наподобие того, что сейчас предпринимается в отношении Промсвязьбанка, с его ориентацией на обслуживание оборонно-промышленного комплекса.

При всем негативе состояния промышленной и в целом производственной сферы в стране не утрачены полностью возможности их форсированного восстановления и развития.

Во-первых, сохранились значительные звенья промышленных структур, и не только в добывающих, сырьевых и отраслях первых переделов. Во-вторых, сохранилась и даже расширяется — хотя не всегда нужными темпами — ресурсная, минерально-сырьевая база. В-третьих, еще сохранились инженерные и рабочие кадры, при всех утратах в их численности, в престиже рабочих и инженерных профессий, в профессионально-техническом образовании; страна располагает в целом высокообразованным населением, несмотря на все усилия горе-реформаторов низвести до примитивного уровня весьма высокое по своему качеству образование советской эпохи. В-четвертых, не столь разительно разрушены (а местами даже подрались) системы инфраструктуры экономики — энергетическое и транспортное обеспечение, коммуникационная и информационная сфера, в ряде отраслей и регионов созданы современные логистические звенья и другие рыночные структуры.

В числе благоприятных исходных посылок можно смело назвать и то, что в обществе, прежде всего в деловой среде, назревает понимание необходимости масштабного поворота страны к производственной сфере как источнику благополучия

и решения социальных проблем. В этой связи хочется обозначить связанную тему. Как известно, в стране долго и как-то без особых результатов шли поиски национальной идеи.

Как представляется, в нынешних, прямо скажем, предгрозовых условиях главной национальной задачей, в сущности национальной идеей должна стать новая индустриализация страны, овладение современной техникой во всех сферах жизнедеятельности.

Наше нынешнее положение чем-то напоминает ситуацию первой трети прошлого века, когда справедливо было сказано (и, главное, принято как руководство к действию) — мы намного отстали (министр информатики оценил отставание по производительности на 100 лет), и мы или пробежим это расстояние за 10–15 лет, или нас сомнут.

В качестве важного отрадного фактора можно отметить и то, что в стране не утрачены навыки умелой организации и в целом успешной реализации весьма и весьма крупных инвестиционных проектов, причем в условиях отсутствия прямого, директивного управления экономикой и ее ресурсами, а все-таки в рыночной обстановке, но, конечно же, при использовании всей мощи административного ресурса. Примеров — немало. Это

При всем негативе состояния промышленной и в целом производственной сферы в стране не утрачены полностью возможности их форсированного восстановления и развития.

КАК ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, В НЫНЕШНИХ, ПРЯМО СКАЖЕМ, ПРЕДГРОЗОВЫХ УСЛОВИЯХ ГЛАВНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЗАДАЧЕЙ, В СУЩНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕЙ ДОЛЖНА СТАТЬ НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СТРАНЫ, ОВЛАДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНИКОЙ ВО ВСЕХ СФЕРАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

и объекты на Дальнем Востоке для АТЭС, это и крупные сооружения и инфраструктуры для Олимпиады в Сочи, для разного рода чемпионатов, универсиад и тому подобное (оставляя в стороне вопросы их целесообразности и приоритетности в условиях, когда промышленность десятилетиями сидит на голодном пайке). Из последних подтверждений сохранившегося индустриально-инвестиционного потенциала страны, конечно же, надо отметить успешное сооружение в короткие сроки крупнейшего и сложнейшего объекта — Крымского моста, решившего и ряд региональных (и даже политических) задач, и укрепивших веру всей страны в мощь наших строительных и производственных структур.

Не может не вызывать поддержки и одобрения готовность отечественного бизнеса войти солидными ресурсами в реализацию национальных проектов. Важно, однако, чтобы эти усилия властей и бизнеса не растекались по второстепенным, малозначимым направлениям, а были сконцентрированы на обозначенных ключевых отраслях, определяющих судьбу модернизации в первую очередь производственного аппарата страны.

При очевидной нехватке денег в стране в целом и в большинстве регионов и отраслей, страна производит и располагает весьма и весьма значительными финансовыми ресурсами. В качестве доказательства этого можно привести такие данные. По оценкам ряда ответственных экспертов, за годы «великих» рыночных преобразований из страны вывезен как минимум 1 трлн долларов, по более же смелым оценкам — эта сумма в разы больше. Сотнями миллиардов долларов исчисляется ежегодный экспорт, практически ежегодно большое положительное сальдо внешней торговли.

Многokrратно сказано о чрезмерном омертвлении потенциальных инвестиционных ресурсов в золотовалютных резервах Центробанка.

Конечно же, задачи новой масштабной реиндустриализации требуют и всемерной экономии

общественных, публичных ресурсов. Пора, например, прекращать уже упомянутую разгульную оплату труда менеджмента госкорпораций. Или еще пример. По сообщениям в Сети, на государственных общедоходных телеканалах за час-другой участия в тех или иных ток-шоу так называемые звезды могут получать миллионы рублей (можно себе представить, сколько себе за свой непосильный труд выплачивают руководители этих каналов). Пора также всерьез взяться за решительное сокращение разросшегося до немислимых размеров чиновничьего сословия (при всем понимании необходимости эффективно работающих, отлаженных и компактных управляющих властных структур); по некоторым данным, его численность близка к количеству управленческого персонала в Союзе, хотя тогда и страна была по населению вдвое крупнее, и экономика управлялась по-другому.

Если рассматривать механизмы и средства реализации промышленной и денежно-промышленной политики, то здесь, безусловно, должен широко применяться программно-целевой метод организации работы (по факту, хоть так и не именуясь, широко применявшийся в плановый период нашего прошлого и обеспечивающий достаточно эффективное развитие). Это и выбор приоритетов, и разработка комплексных программ, определение участников их реализации и привлекаемых ресурсов, сопряженность с развитием смежных отраслей и подотраслей, увязка с внешнеэкономическими задачами и возможностями, вопросы обеспечения поставок оборудования и подрядными мощностями, обеспечения рабочей силой, ускоренного освоения создаваемых производственных мощностей и многое другое. При всем значении рыночных механизмов никак нельзя отказываться и от жесткого административного контроля за достижением поставленных целей, о положительном значении которого упоминалось в связи с выполнением целой серии престижных проектов.

ВАЖНО, ЧТОБЫ УСИЛИЯ ВЛАСТЕЙ И БИЗНЕСА

не растекались по второстепенным, малозначимым направлениям, а были сконцентрированы на ключевых отраслях.

В ДЕЛОВОЙ СРЕДЕ

называет понимание необходимости масштабного поворота страны к производственной сфере как источнику благополучия и решения социальных проблем.

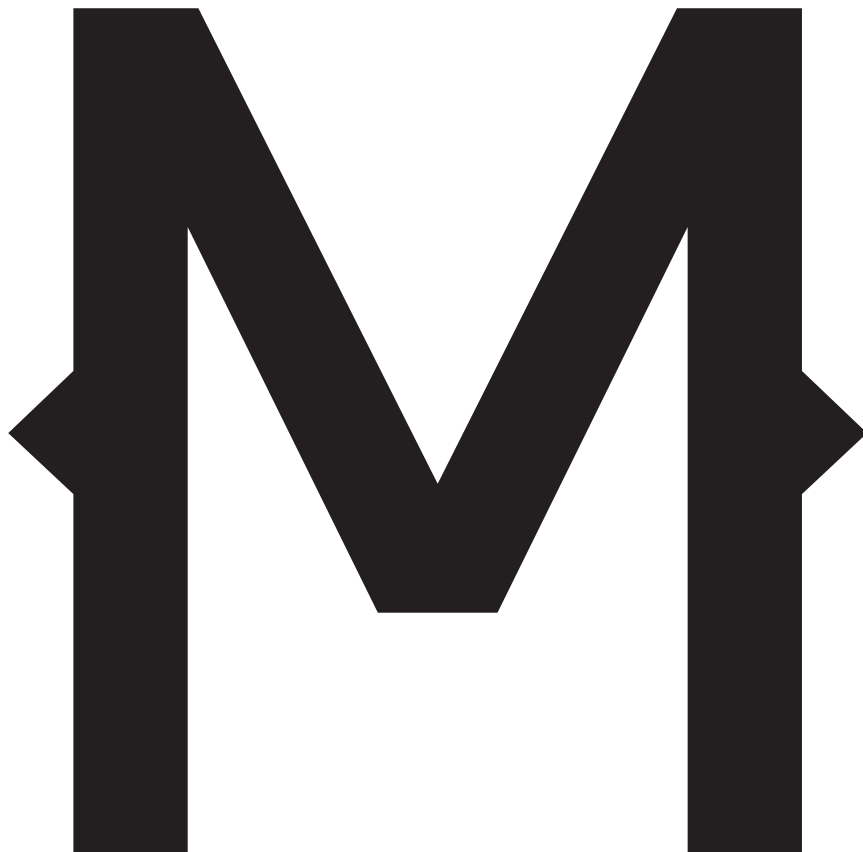
MONETARY- INDUSTRIAL POLICY

Solving the deindustrialization problem

Jacob Dubenetsky ,

Chairman of the audit committees of the VEO of Russia and the International Union of Economists, Director of the Investments Center of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, professor

Mass poverty and dissatisfaction with life mainly due to the fact that the most pressing problems of material production have been continuously ignored for more than three decades (under the soothing rustle of fairy tales about the all-powerful market) have created a situation of emerging social conflict which will be inevitably used to the fullest advantage of Russia's "sympathizers", both at home and abroad.

A publicist once said, and rightly so, that instead of gifts (people have been receiving in recent years) people should be given an opportunity to earn decent money for a decent life. That's what determines the paramount importance of a large-scale re-industrialization of the country based on strategic planning, an active industrial policy and auxiliary (integrated) monetary, credit, budget policies and, generally speaking, financial and economic policy and practice. Such an approach to the pressing nature of the situation with requires urgent measures for developing the production sphere or, generally speaking, the real sector of the economy has been repeatedly demonstrated in the public field, in numerous papers, articles and speeches (subject, of course, to different and nuanced views of the authors) by our remarkable thinkers — scientists, practical workers, publicists: V.V. Ivanter, R.S. Grinberg, A.D. Nekipelov, S.Yu. Glazyev, S.D. Bodrunov, M.V. Ershov, A.G. Aganbegyan, and many other patriotically and realistically thinking experts.

It seems appropriate to discuss in more detail the term "monetary-industrial policy", which has been widely

used (in the form of "monetary policy") by Western economic journalists and businessmen in recent years.

In a narrow (direct, literal) sense, it means participation of credit in various industrial projects. At the same time, for our purposes and goals, it is more appropriate to use this term more broadly, one might say, in a more comprehensive manner — as one denoting a blend or a combination of an active, broadly developed industrial policy and practice — pursued by both the state and businesses — with as actively pursued monetary, budget and fiscal policy and practice which should focus on full support for the development of material production (which is essential for Russia as stated above). It is in this form that monetary-industrial policy has actually been "working" for decades in the world's leading economies, especially in the United States and Japan, of which Mikhail Ershov wrote at length (see, for example, his article "Ten Years after the Global Crisis: the Risks and the Prospects" in the Questions of Economics magazine, #1, 2019, p. 48, as well as in a number of other papers), stressing that in those countries "monetization has proceeded based on the priorities of national development".

It is obvious that the leading role in this "tandem" should be undoubtedly played by industrial policy (it is more appropriate to view production policy as encompassing all spheres of material production and the scientific and technological sector that supports them; for simplicity and convenience we will continue to use the term "industrial policy", meaning by it both the construction and agricultural sectors).

The country's money system, for all its importance and active role (in the form of feedback) and with its own internal factors of independent development, should play a supportive role; its main purpose is to provide reliable financial resources for sustainable accelerated development of the country's productive forces. Unquestionably, both the industrial policy and the monetary policy that supports it, will each have its own independent trends and solutions; in choosing them, it is necessary to prioritize and focus on the combination of those two spheres of economic policy, their convergence, and the achievement of synergetic effect.

First of all, it is necessary to choose the priorities of industrial (production) development because of the impossibility of recreating the complete, self-sufficient and well-developed national economy of the Soviet era (primarily due to limited resources and time constraints, but also because of the country's inclusion in the global division of labor, which in many cases does not seem acceptable to us).

AS PART OF THIS WORK, SPECIAL ATTENTION SHOULD BE PAID TO THE FORM OF PROJECT FINANCING WHICH HAS BEEN WIDELY STATED AS BEING ESSENTIAL (THERE HAS BEEN SOME WRIST SLAPPING FOR THE FAILURE TO FOLLOW INSTRUCTIONS), BUT NOTHING HAS REALLY CHANGED.

Due to the urgent need for overall modernization and technological renewal of our entire production and non-production sphere it is evident that first of all we need a real breakthrough in investment engineering — in the machine-tool industry, in heavy, energy, and transport engineering, in chemical, oil, and gas engineering, in electrical engineering industry, in construction, road-building, and municipal engineering. For the same reasons, serious efforts are needed in the development of domestic electronics (primarily microelectronics), in the production of equipment for scientific research (and for the adjacent field of experimental design), especially for the newest areas — bioengineering, artificial intelligence, digitalization, etc.

A special role and significance in the upcoming re-industrialization should be given to a number of other high-tech industries, primarily aircraft manufacturing (highly developed in Soviet times), the loss of which is associated with high vulnerability of aviation transport that is essential for a huge country and which now almost entirely relies on foreign technology (often second-hand).

Of course, the development of the aforementioned industries that could create new fixed assets must be coupled with the development and modernization of the corresponding production and non-production sectors for consuming those industries' products and creating effective demand for them.

It should be noted that the development of demand — both consumer and producer (whether for investment or for current production) — should in principle be one of the key areas of the industrial policy and the monetary policy that supports it (here the term “monetary” is used in a broad sense). And at the same time, it is necessary to keep in mind another important point: when expanding an active industrial policy, accelerating production growth, and increasing modernization rate, a spiral of growing demand for both producer and consumer goods will unwind and a self-induction effect will emerge.

After choosing the development priorities, the country's economic authorities together with its

businesses and business associations (primarily industrial and generally production-oriented) should start putting together specific programs for the development of various sectors and sub-sectors, which should name the country's business entities and monetary systems involved, set specific development targets and goals, identify the types and volumes of financial resources to be drawn in and the government and financial support guarantees for the proposed projects and for the inadmissibility of violating the commitments and terms entered into by the parties. In a sense, such an approach will resemble planned economy, but who's to say that corporate-level planning or programming the progress on the national development targets is in principle impractical. On the contrary, even in the stronghold of market economy, the United States of America, quite a few national programs were successfully implemented.

As part of this work, special attention should be paid to the form of project financing which has been widely stated as being essential (there has been some wrist slapping for the failure to follow instructions), but nothing has really changed.

In the interests of reliable implementation of the adopted programs and of avoiding the misuse of resources, it will be necessary to put the lending banks in charge of, and provide them with legal and other possibilities to control the investment processes (by copying, to a certain degree, the practice of the USSR's Stroi bank and Promstroibank), thereby improving loan credibility and ensuring the economic interests of the bank. It would also be advisable to consider issue of having certain federal and regional banks specialize in production lending (by strengthening them with qualified staff from production), similar to what is being currently done with respect to Promsvyazbank, with its focus on servicing the military-industrial complex.

With all the ills of the industrial sector and the country's overall production, a possibility of their forced recovery and development have not been completely lost.

First of all, significant elements of industrial entities have persisted, and not only in the mining, raw materials and primary processing sectors. Second, the resource, mineral and raw material base remains intact and has even been expanding — although not always at a sufficient pace. Third, workforce and engineers still exist, albeit in much smaller numbers; some of the prestige of being a worker or an engineer has been lost, and the system of vocational training has deteriorated. The country's population still has a generally high education levels despite the efforts of the clueless reformers to reduce to the Soviet-high-quality era education system to a primitive level. Fourth, the economic infrastructure systems — energy and transport support, communications and information sphere — have not been completely destroyed (and have even developed a bit in certain cases); modern logistics links and other market structures have been created in a number of industries and regions.

We can safely include in the list of favorable initial conditions the fact that the society, especially the business community, has come to understand the need for shifting the focus towards the production sector as a source of well-being and a means of solving social problems. In this regard, I would like to point to a related topic. As you know, the country has long been searching for a national idea, and for some reason without any particular results.

Frankly speaking, it seems that in today's pre-storm conditions the main national goal or, essentially, national idea should consist in the country's new industrialization, the mastery of modern technology in all spheres of life.

Our current situation is somewhat reminiscent of the situation of the first third of the last century, when it was rightly said (and, most importantly, taken as a guide to action): we are far behind (according to the Informatics Minister's estimation, the productivity lag is 100 years), either we will cover this distance in 10-15 years or we will be crushed.

What's also encouraging is that the country has not lost the skills of competent organization and mostly successful implementation of extremely large investment projects, and that in the absence of direct government control of the economy and its resources, while in a market environment, yet, of course, using all the power of the administrative resource. There are lots of examples: the APEC facilities in the Far East, the large Olympics facilities and infrastructure in Sochi for all sorts of championships, universiades, etc. (leaving aside the question of feasibility and priority of such structures in an environment where industry has been neglected for decades). The latest piece of evidence of the country's remaining industrial and investment potential is, of course, the successful and rapid construction of the largest and most complex facility, the Crimean Bridge, which solved a number of regional (and even political) tasks, and proved to the whole country the extent of our construction and production capabilities.

One can't help but support and approve of the willingness of domestic business to invest substantial resources in the implementation of the national projects. It is important, however, to prevent those efforts of the authorities and businessmen from being scattered over less important areas and keep them focused on the key industries which determine the fate of modernization of the country's production in the first place.

With an obvious shortage of funds felt nation-wide and in most of the regions and industries, the country has been generating and maintaining vast financial resources, as is evidenced by the following data. Based on estimates made by a number of serious experts, in the years of the "great market reforms", at least 1 trillion dollars was siphoned out of the country, or even an amount several times larger according to bolder estimates. Annual exports constitute hundreds of billions of dollars, almost every year there's a large positive foreign trade balance.

It has been said many times that an excessive amount of potential investment resources denominated in gold and foreign currency has been locked down by the Central Bank.

Of course, the goals of a new large-scale re-industrialization will require an all-out economy of public resources. It is time, for example, to stop the unwarranted excessive remuneration payments to the management of state-owned corporations. Or consider this. According to online media reports, the so-called TV stars get paid by the state-owned federal television channels millions of rubles for a couple hour appearance on various talk shows (you can imagine how much the channel managers themselves get paid for their hard work). It is also high time to take drastic measures to reduce the numbers of the bureaucratic class which has grown to an inconceivable size (while understanding the need for efficient, effective, and compact governance); according to certain data, the number of bureaucrats today nearly equals that of the USSR's party and state apparatus, although then the country was twice as large in terms of its population, and the economy was managed in a different manner.

If we consider the mechanisms and means of implementing industrial and monetary-industrial policy, we must inevitably choose a program-oriented method of work organization (which, in fact, was widely used in the past during the planned economy, ensuring effective development). It includes selecting priorities, developing integrated programs, identifying available resources and entities involved in program implementation, following the development of related industries and sub-sectors, coordination with foreign economic goals and opportunities, supplying equipment and contractors, providing workforce, accelerating the development of brand-new production facilities, and much more. Much as market mechanisms are important, there is no way we should surrender strict administrative control over meeting the targets whose benefits were discussed in connection with the implementation of a series of prestigious projects.

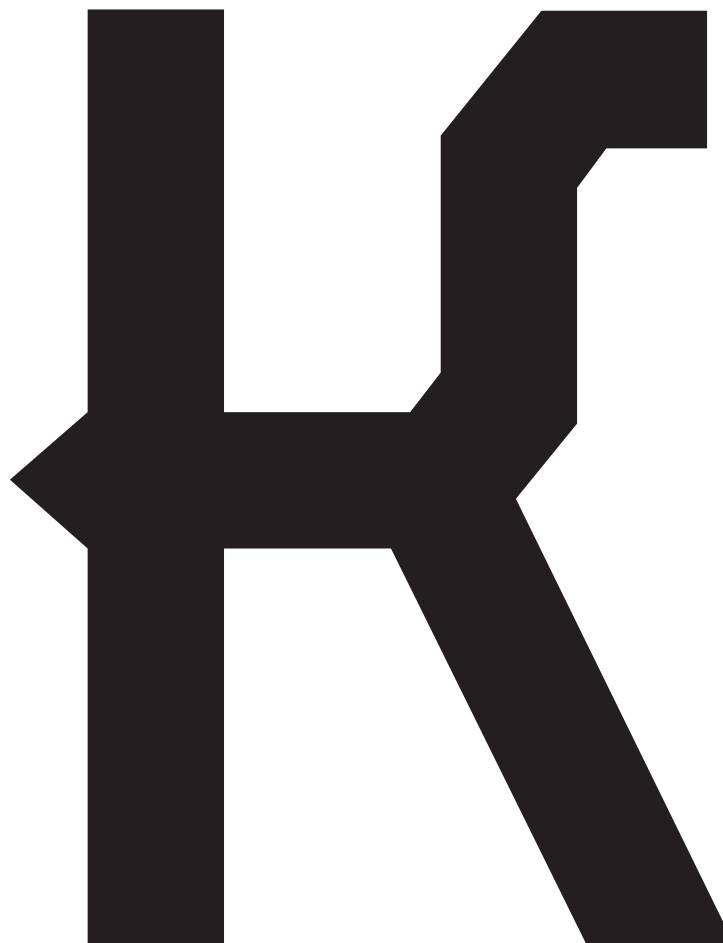
OUR CURRENT SITUATION IS SOMEWHAT REMINISCENT

of the situation of the first third of the last century, when it was rightly said (and, most importantly, taken as a guide to action): we are far behind (according to the Informatics Minister's estimation, the productivity lag is 100 years), either we will cover this distance in 10-15 years or we will be crushed.

ИНКЛЮЗИВНЫЙ КАПИТАЛИЗМ: ТРЮК, ОКСЮМОРОН ИЛИ СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ?

Инклюзивность (от англ. inclusive — включающий в себя) — термин, включающий в себя очень много. В широком смысле — это расширение прав и свобод какой-то группы людей, в том числе в целях сокращения бедности, участия в политической жизни, восстановления справедливости (как в случае с расовой инклюзивностью) и многое другое. В более узком — например, необходимость ввести более мягкие законы для покупки недвижимости иностранцами в Таиланде (примерная цитата по докладу Всемирного банка). В России пока наиболее известна школьная инклюзивность — включение в обычный учебный процесс детей с ограниченными возможностями, но все чаще звучат слова о женской инклюзивности — расширении равноправия женщин, и возрастной инклюзивности (например, включении в трудовой процесс детей с 14 лет). Мы собрали некоторые данные об этом неоднозначном явлении.

КОМУ НУЖНА ИНКЛЮЗИВНОСТЬ

Движущие силы инклюзивности, в число которых входят чуть ли не все ключевые международные организации, включая ООН, МВФ, Всемирный банк, ОЭСР, ее пропагандируют, рекомендуют своим членам, исследуют. Так, в докладе Всемирного банка, посвященном этому явлению, анализируются самые разные экономические действия, которые могут быть предприняты для улучшения и расширения так называемого инклюзивного роста.

В частности, речь идет о более справедливом распределении благ в добывающих странах, где в самих добывающих компаниях обычно работает незначительная часть населения. Там же говорится о необходимости задействовать государственные институты там, где не справляется рынок, чтобы больше людей включались в экономику. И это очень хорошие пожелания. Далее делается вывод о важности сохранения промышленности низких и средних технологий и постепенного от них отказа, так как они обычно позволяют нанять больше работников, чем сектор хай-тек.

See below for the English version of the article

Информация к размышлению

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНКЛЮЗИВНОСТЬ ПОДРАЗУМЕВАЕТ ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАНИЯ НИЗКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ РАБОЧИХ МЕСТ ДЛЯ БЕДНЫХ ЛЮДЕЙ С ПЛОХИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

При этом сам высокотехнологический сектор, как отмечается в документе, является вполне инклюзивным, потому что он не исключает использования неквалифицированного труда.

«Существует распространенное ощущение, основанное на казуальном эмпиризме, а не на внимательных эмпирических исследованиях, что инновационный рост не инклюзивен, поскольку он имеет тенденцию заменять низкоквалифицированный труд более квалифицированным. Но наши исследования определенно отвергают эту точку зрения. Наши данные говорят о том, что инновационные фирмы нанимают большее число неквалифицированной рабочей силы, чем неинновационные. Наш вывод о том, что в среднем выбор склоняется в пользу инклюзивного роста в результате инноваций, вполне комфортен с точки зрения мировой озабоченности о растущем неравенстве и заявлениях о том, что значительные выгоды экономического роста не достаются бедным и неквалифицированным». Авторы отмечают, что в этом особенно преуспевают корпорации, и корпоративное устройство гарантирует большую инклюзивность.

Из этого можно сделать предположение, что инклюзивность подразумевает возможности создания низкоквалифицированных рабочих мест для бедных и необразованных людей.

Последние статьи и заявления МВФ также провозглашают идею инклюзивности. Кристин Лагард, директор-распорядитель Международного валютного фонда, в честь 8 Марта призвала к инклюзивности в отношении женщин.

«За последние годы мы усилили акцент на расширение прав и возможностей женщин именно потому, что, помимо этических соображений, это также представляет собой упущенные возможности в достижении макроэкономической стабильности и инклюзивного роста. Наше исследование показало, например, что, если занятость женщин сравняется с мужской, экономики стран будут более стабильными, а экономический рост будет выше. По нашим новым оценкам, для половины стран в нашей выбор-

ке с самым низким уровнем равноправия женщин решение этой проблемы может увеличить ВВП в среднем на 35%, из которых 7–8% — рост производительности благодаря гендерному разнообразию», — отмечает Лагард.

А аналитики Фонда разместили в очередном номере корпоративного журнала «Финансы и развитие» статью, в которой анализируют права гражданства и приходят к выводу, что для большей инклюзивности важно заменить *jus sanguinis* (право на гражданство титульной нации — по крови), где оно применяется, на *jus soli* (право на полное гражданство рожденных в стране), так как это более инклюзивно.

«Наши эмпирические результаты подтверждают, что разница в законах о гражданстве влияет на экономическое развитие, даже если контролируются негативные внутренние факторы. Мы обнаружили, что в развивающихся странах, особенно со слабыми институтами, законы о гражданстве имеют значение: страны с правом *jus soli*, который является более инклюзивным по сути и способствует ассимиляции и интеграции, имеют статистически значительное и позитивное влияние на уровень дохода. Подушевые доходы в странах, которые перешли на *jus sanguinis*, были ниже в 2014 году (примерно на 46%), чем могли бы быть при *jus soli*, существовавшем после обретения независимости», — пишут Патрик Амир Имам, постоянный представитель МВФ в Зимбабве, и Кангни Кподар, заместитель руководителя Департамента по стратегии и политике МВФ.

Понятно, что авторы хотят подчеркнуть преимущество расширения прав людей, не принадлежащих к основной народности, для инклюзивного роста, и это, похоже, для этих целей верно. Не совсем ясно только (и в статье это не поясняется), почему в качестве примера приводится только 2014 год, не рассмотрено, зачем страны перешли к *jus sanguinis* (возможно, это необходимо на данном этапе развития), не указан опыт развитых стран, где везде действует *jus soli*, но инклюзивность не всегда работает и нередко мигранты влияют на экономику отрицательным образом во многих поколениях.

ЭКСТЕНСИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РОСТА КАПИТАЛИЗМА

исчерпаны в географическом отношении, и возможности экспансии ищутся в других плоскостях.

КТО ПОЛУЧИТ ПОЛЬЗУ

По мнению многих экономистов, экстенсивные возможности роста мирового капитализма исчерпаны и возможности для дальнейшей экспансии ищутся не в географическом расширении.

«Капитализм, уже однажды придя к кризису, к границам своей экспансии, в 70-е годы, смог преодолеть этот барьер. Он поглотил Советский Союз, он поглотил социалистический мир, он вторгся в Китай, он вторгся в не капитализированные страны мира, однако сейчас — этот предел вновь видится на горизонте», — отметил старший научный сотрудник Института экономики РАН Олег Комолов на одном из семинаров Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте.

Можно ли отсюда вывести, что инклюзивный рост — это попытка подтолкнуть экстенсивный рост и, грубо говоря, включить в систему, «припахать» больше людей? Это решать экономистам, но некоторые мнения на этот счет лишают «инклюзивность» флёра социальной заботы. Здесь напрашивается мысль о том, что инклюзивность (не по названию, а по смыслу) была придумана еще в конце 1970-х

в США как ответ на кризис и резкое падение потребительского спроса.

«Разразился кризис, семьи больше не смогли потреблять в том же количестве, и в конце 70-х женщины пошли работать. Молодые матери устраивались на работу в огромном количестве, ничего подобного прежде не было. Это было оформлено как социальная революция. Но женщины пошли работать не потому, что у них внезапно появились карьерные возможности, а чтобы поддержать семью, потому что доходы семьи падали, зарплаты их мужей перестали расти, — говорит Роберт Райх, профессор Школы публичной политики Университета Беркли, министр труда в администрации Билла Клинтона в интервью для документального фильма «Неравенство для всех» (реж. Джейкоб Корнблат). — Но не все молодые матери в состоянии работать, и с 90-х и мужчины, и женщины стали работать больше часов в день. Будучи министром труда, я был поражен изученной мною статистикой. Я ездил по городам, общался с людьми. Они работали бесконечно. Находили вторую, третью работу, задерживались допоздна. У профессионалов количество сверхурочных зашкаливало. Средний американец работал на 300 часов больше среднего европейца. Мы работали даже больше, чем трудолюбивые японцы».

Параллели с сегодняшними представлениями об

ИНКЛЮЗИВНЫЙ РОСТ — ЭТО О ЧЁМ?

Всемирный банк открывает карты (расширенное определение ВБ):

ИР — экономический рост, являющийся ключевым условием для сокращения бедности.

ИР — долгосрочная стратегия в рамках устойчивого развития.

(а) Для того чтобы рост был устойчивым в долгосрочной перспективе, он должен быть широко распространен по секторам. Вопросы структурной трансформации для экономической диверсификации таким образом являются важнейшим элементом.

(б) Он также должен быть инклюзивным для большей части рабочей силы страны, когда инклюзивность решает вопросы равенства возможностей

в смысле доступа к рынкам, ресурсам и равной для всех регулятивной среде для бизнеса и людей.

ИР подразумевает темпы и свойства роста — то, как генерируется рост, критично для ускорения сокращения бедности, и любая стратегия ИР должна соответствовать специфическим условиям страны.

ИР подразумевает производительную занятость, а не перераспределение доходов. Таким образом, концентрируется не только на росте занятости, но и на росте производительности труда.

ИР в качестве объекта анализа подразумевает не только фирму, но и человека.

ИР соотносится с абсолютным определением роста в пользу бедных, а не относительного роста.

ИР не определяется в терминах специфических целей — таких как генерация рабочих мест или распределение дохода. Это потенциальные результаты, а не специфические цели.

ИР обычно продвигается рыночными источниками роста, притом что правительство играет стимулирующую роль.

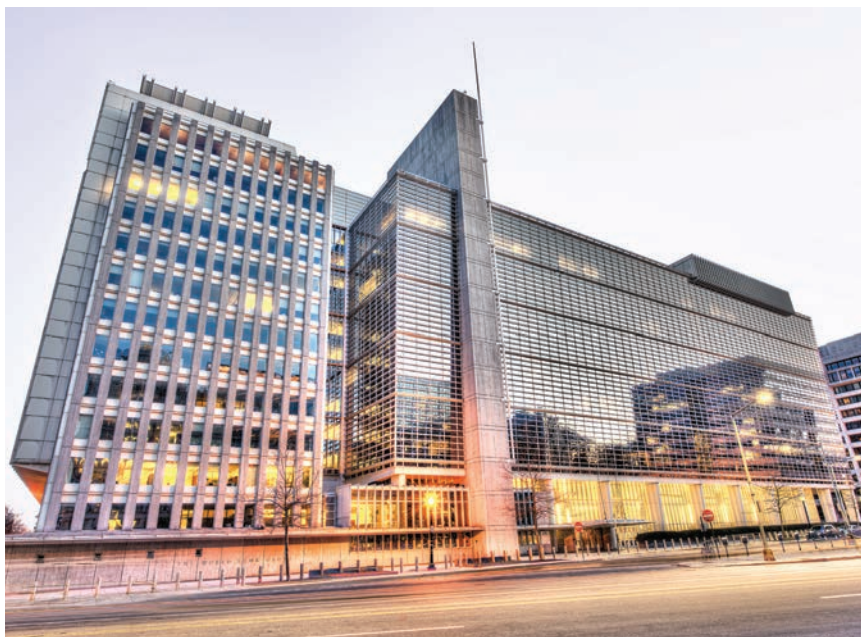

ВАРИАНТ ИНКЛЮЗИВНОСТИ

Коулман Хьюз,
публицист («Нью-Йорк Таймс», «Уолл-Стрит Джорнал», «Спектейтор» и др., цитата из журнала *The Spectator*, Великобритания)

Почти 10 лет назад исследование Принстонского университета показало, что расовый уклон уже начинает расцветать: азиаты и белые должны были получить гораздо больше баллов на академическом оценочном тесте — 450 и 310 из 1600 соответственно, — чтобы получить те же шансы на прием в элитные университеты, чем черные студенты. Я называю ситуацию, когда людям той или иной расы намеренно снижают шансы на вхождение в определенную сферу общества, расовой дискриминацией. Приключения Америки с разнообразием и инклюзивностью преподали множество уроков.

инклюзивности очевидны. Инклюзивный рост (ИР) подразумевает рост занятости, а не перераспределение доходов, пишут аналитики Всемирного банка. При этом ИР не ставит целью создание рабочих мест или распределение дохода — это лишь возможные результаты. Кроме того, ИР продвигается рыночными источниками роста, притом что правительство способствует этому.

Современная волна инклюзивности касается главным образом развивающихся экономик (к которым международные институты относят и Россию), в том числе поскольку там есть еще весьма широкие возможности для роста корпораций и для эксплуатации ресурсов и людей. Так, например, в одной из статей Всемирный банк анализирует, насколько повысилась бы инклюзивность и снизилось неравенство в Таиланде, если бы там был принят закон о свободной продаже недвижимости. Собственно, и в принципах инклюзивности один из наиболее понятных пунктов гласит: «Рост должен быть инклюзивным для большей части рабочей силы страны, когда инклюзивность решает вопросы равенства возможностей в смысле доступа к рынкам, ресурсам и равной для всех регулятивной среды для бизнеса и людей».

Капиталистическая инклюзивность — это оксюморон, потому что капиталистической системе имманентна жажда наживы, утверждает Вузи Гумеде, профессор экономики Южноафриканского университета, директор Африканского института управления Табо Мбеки. По его мнению, даже те страны, в которых есть в какой-то мере «инклюзивный капитализм», на самом деле смогли проводить такую политику только при социал-демократических режимах.

«На самом деле, инклюзивное развитие — это действительно то, что мы должны продвигать. Об этом еще в 1968 году сказал Джулиус Ньерере (первый президент Танзании, один из ключевых африканских политиков в период деколонизации. — Ред.): «Реальное развитие означает рост личности, если речь идет о реальном развитии, в него должны быть вовлечены люди». Трудно представить себе это при капитализме, и сложно представить себе инклюзивный капитализм. Развитие может быть названо инклюзивным, если в него вовлечены те, кто должен получать пользу от развития, а тогда мнения тех, кто должен получать пользу от развития, должны учитываться, в том числе мнения о том, развитие какого рода они предпочитают и как лучше его добиться», — заключает профессор Гумеде.

ПОСЛЕДНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЗАЯВЛЕНИЯ МВФ

проникнуты идеей инклюзивности, которая частично переключалась и в наш нацпроект, в котором говорится не о расширении прав молодых матерей на заботу государства, а о расширении прав молодых матерей на работу.

Текст: Андрей Травин

See below for the English version of the article

Информация к размышлению

INCLUSIVE CAPITALISM: a TRICK, an OXYMORON OR a BRIGHT FUTURE?

Inclusion is a term that includes a lot. In a broad sense, it means the empowerment of a group of people, particularly with the purpose of reducing poverty, ensuring participation in political life, restoring justice (as is the case with racial inclusion) and so on. In a narrower sense it means, for example, the need to introduce softer laws for foreigners to buy real property in Thailand (a rough quote from a World Bank report). In Russia, school inclusion is the type of inclusion that's most known; it means inclusion of children with disabilities into the normal educational process. More and more often, there is talk of women's inclusion, i.e. expansion of women's equal rights, and age inclusion (for example, inclusion of children aged 14 or above in the labor process). We have managed to collect some data about this ambiguous phenomenon.

WHO needs INCLUSIVE GROWTH

The driving forces of inclusion, among which are almost all the key international organizations such as the UN, the IMF, the World Bank, promote it, recommend it to their members, and explore it. Thus, the World Bank report devoted to this phenomenon discusses a variety of economic actions which can be taken to improve and expand the so-called inclusive growth.

In particular, I refer to a more equitable distribution of benefits in the producing countries, where the mining companies themselves usually employ a small proportion of the population. The report also mentions the need to involve the government institutions where the market is failing in order for more people to join the

economy. Those are very good intentions. Furthermore, the report concludes that it is essential to maintain a production sector with low to medium technologies; such technologies should be gradually abandoned since they usually provide employment for more workers than the high-tech sector.

At the same time, the high-tech sector itself, as the document notes, is quite inclusive, because it does not preclude the use of unskilled labor.

«There is a widespread perception, based largely on casual empiricism rather than careful empirical testing, that innovation-driven growth is not inclusive in that it tends to replace low-skilled jobs with jobs characterized by higher levels of qualification. Our findings decidedly reject this view. Indeed, our data suggest that more innovative firms hire a larger share of unskilled workers relative to non-innovative firms. And our econometric estimates indicate that the share of the workforce that is unskilled contributes more to employment growth for firms that innovate (in products and/or processes) than for non-innovators. Our finding that, on average, there is a selection bias that favors inclusive growth from innovation is comforting in view of the world-wide concerns about rising income inequalities and claims that the substantial benefits of economic growth have not been shared by the poor and unskilled.» The authors point out that corporations are particularly successful in that area, and corporate structure ensures broader inclusion.

Based on that, we can assume that inclusion implies the possibility of creating low-skill jobs for the poor and uneducated.

Recent IMF articles and statements are also permeated with the idea of inclusion. Christine Lagarde, Managing Director of the International Monetary Fund, in honor of March 8, called for inclusion of women.

«In recent years we have increased our emphasis on women's empowerment precisely because, beyond the

important ethical considerations, it also represents a missed opportunity in the pursuit of macroeconomic stability and inclusive growth—where the IMF's expertise lies. Our research has shown, for example, that if women's employment equaled men's, economies would be more resilient and economic growth would be higher. Our new estimates show that, for the bottom half of countries in our sample in terms of gender inequality, closing the gender gap in employment could increase GDP by an average of 35 percent—of which 7–8 percentage points are productivity gains due to gender diversity,» Lagarde says.

The Fund's analysts published an article in the latest issue of the corporate Finance and Development magazine in which they analyzed citizenship rights and came to the conclusion that for the sake of broader inclusion it's important to replace *jus sanguinis* (the titular nation's right of citizenship by blood), where it applies, with *jus soli* (the right to full citizenship by birth), as the latter is more inclusive.

«Our empirical results confirm that the difference in citizenship laws affects economic development, even after controlling for potential internal factors. We first compiled a new data set of citizenship laws and then estimated whether citizenship laws can explain in part the significant differences in income per capita across countries. We found that in developing economies, particularly when institutions are weak, citizenship laws matter: *jus soli*, which is more inclusive in nature and encourages assimilation and integration, has a statistically significant and positive impact on income levels. Per capita income in countries that switched to *jus sanguinis* was lower in 2014 (by about 46 percent) than it would have been if they had kept *jus soli* after independence, our results suggest,» wrote Patrick Amir Imam, IMF's Resident Representative in Zimbabwe, and Kangni Kpodar, Deputy Division Chief, IMF Strategy and Policy.

It is clear that the authors wanted to emphasize the advantage of expanding the rights of people who do not

**WE CAN ASSUME THAT INCLUSIVE
GROWTH IMPLIES THE POSSIBILITY
OF CREATING LOW-SKILL JOBS FOR
THE POOR AND UNEDUCATED.**

INCLUSIVE OPTION

Coleman Hughes,

Publicist (The New York Times, The Wall Street Journal, The Spectator, et al, a quote from The Spectator, UK)

Almost ten years ago, a Princeton study found that racial bias had already crept in: Asians and whites had to score far higher on their SAT exams — 450 and 310 more points respectively, from a total of 1,600 — to have the same odds of being admitted into elite universities as black students. As a black American, I don't use the term 'racist' lightly. But intentionally making it harder for people of a specific race to enter a certain sphere of society is the definition of racial discrimination. Many lessons have emerged from America's adventures in diversity and inclusion.

belong to the main ethnic group for inclusive growth, and this seems to be true for these purposes. Only it is not quite clear (and it's not explained in the article), why it's 2014 that's cited as an example, the question of why the countries have switched to *jus sanguinis* is not discussed (perhaps it is necessary at this stage of development), no reference has been made to the experience of the developed countries where *jus soli* is commonplace but inclusion does not always work, and quite often migrants influence the economy in a negative way for many generations.

WHO WILL BENEFIT

In the opinion of many economists, extensive growth opportunities for world capitalism have been exhausted, and opportunities for further expansion are not being associated with geographic expansion.

«Capitalism, once having come to a crisis, to the limits of its expansion, was able to overcome that barrier in the 70s. It absorbed the Soviet Union, it absorbed the socialist world, it invaded China, it invaded non-capitalist countries but now that limit is once again seen on the horizon,» says Oleg Komolov, Senior Researcher of the Institute of Economics, at a seminar of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development.

Is it possible to deduce that inclusive growth is an attempt to push extensive growth and, roughly speaking, to include more people in the system? It is up to economists to decide, but some of the opinions on the matter tend to strip "inclusion" of its social care veil. There's the idea that inclusion (not the name itself but the idea) was invented in the United States as early as the late 1970s as a response to the crisis and the abrupt drop in consumer demand.

«The first coping mechanism starting in the late 70s is women going into work. Young mothers went into work in huge numbers. We haven't seen anything like it, a social revolution. They didn't go to work because there were all those wonderful professional opportunities open to women. Some of them did but that was not the major reason why women went to work. They went to work mainly because they had to prop up family incomes that were dropping, because the men in the family and their wages were going nowhere,» says Robert Reich, a professor at the School of Public Policy at UC Berkeley, Secretary of Labor in the Bill Clinton administration, in an interview for the *Inequality for All* documentary (directed by Jacob Kornbluth), "But there's only a limit to how many young mothers can go into work. And so the second strategy used by the 1990s was that families, both men and women, worked longer hours. When I was Secretary

of Labor I remember looking at the data and I was amazed, and I would go out in the field, I'd go to various cities, and I'd talk to people and people were working all hours, I mean second jobs, third jobs, overtime. If they were professionals, billable hours coming out of their ears. We were working 300 hours a year more than a typical European. We were working harder than the industrious, enormously industrious Japanese.»

The parallels with today's ideas of inclusion are obvious. Inclusive growth (IG) implies employment growth, not income redistribution, say World Bank analysts. At the same time, IG is not defined in terms of employment generation or income distribution. These are potential outcomes, not specific goals. Furthermore, IG is fueled by market-driven sources of growth with the government playing a facilitating role.

The modern wave of inclusion mainly concerns developing economies (Russia is also considered to be one by the international institutes), in particular because they still have wide opportunities for corporate growth and for the exploitation of resources and people. For example, in one of the articles the World Bank analyzes how inclusion would increase and inequality would decline in Thailand if there were a law on the free sale of real estate. Actually, the most sensible point from the principles of inclusion goes like this: Growth «should be inclusive of the large part of the country's labor force,

where inclusiveness refers to equality of opportunity in terms of access to markets, resources and unbiased regulatory environment for businesses and individuals.»

Inclusive capitalism» is an oxymoron because it's greed, not inclusion, that is inherent in the capitalist system, says Vusi Gumede, an economics professor at the University of Southern Africa, Director of the African Institute of Management, Thabo Mbeki. In his opinion, even countries that could be said to have «inclusive capitalism» are actually pursuing inclusive development under social democracies.

«So, inclusive development is what we must push for. Inclusive development as Julius Nyerere (First President of Tanzania, one of the key African politicians in the period of decolonization. — Ed.) indicated in 1968 implies that “real development means growth of people. If real development is to take place the people have to be involved.” It is hard to imagine this under capitalism — it is hard to imagine inclusive capitalism.

Development can be said to be inclusive if it properly involves those who must benefit from development, and those who must benefit from development should have their views heard about what kind of development they desire and how best to pursue it,» concludes Professor Gumede.

Written by Andrey Travin.

WHAT'S INCLUSIVE GROWTH ABOUT?

World Bank opens cards (extended definition of WB, FE question marks)

IG focuses on economic growth which is a necessary and crucial condition for poverty reduction. IG adopts a long term perspective and is concerned with sustained growth.

(a) For growth to be sustained in the long run, it must be broad-based across sectors. Issues of structural transformation for economic diversification therefore take a front stage.

(b) It must also be inclusive of the large

part of the country's labor force, where inclusiveness refers to equality of opportunity in terms of access to markets, resources and unbiased regulatory environment for businesses and individuals.

IG focuses on both the pace and pattern of growth. How growth is generated is critical for accelerating poverty reduction, and any IG strategies must be tailored to country-specific circumstances.

IG focuses on productive employment rather than income redistribution. Hence the focus is not only on employment

growth but also on productivity growth.

IG has not only the firm, but also the individual as the subject of analysis.

IG is in line with the absolute definition of pro-poor growth, not the relative one.

IG is not defined in terms of specific targets such as employment generation or income distribution. These are potential outcomes, not specific goals.

IG is typically fueled by market-driven sources of growth with the government playing a facilitating role.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ РИСКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Борис Порфирьев,
директор Института народно-
хозяйственного прогнозирования РАН,
академик РАН, член Президиума
ВЭО России

По материалам семинара «Климатические риски экономического роста», организованного Международным союзом экономистов (МСЭ), ВЭО России при поддержке ЮНЕП, Информационного центра ООН в Москве. Модератор — академик Александр Дынкин

З

За последние более чем 25 лет пройден большой путь, начиная от Рамочной конвенции, через Киотский протокол к нынешнему Парижскому соглашению. Мы видим разные результаты и последствия: большую озабоченность, которая выражается и на международном уровне, и главами государств и даже реальные протесты, которые происходят, скажем, во Франции, в связи с мерами, которые принимаются по решению климатической проблемы.

И в связи с этим я хотел бы остановиться, несмотря на то что этот процесс действительно противоречив и несет с собой и определенные положительные изменения, именно на той его стороне, которая связана с климатическими рисками и вызовами экономическому развитию. Эти риски можно условно подразделить на две категории. Собственно, природно-климатические угрозы жизни и здоровью населения, устойчивому функционированию хозяйственных систем, о которых хорошо известно и написаны горы литературы, включая, конечно, прежде всего доклады ИРСС. А есть вторая категория, о которой говорят мало или вообще не говорят. Это то, что я называю «климатически обусловленные риски» — принятие неэффективных решений в отношении изменения климата и их последствий. Хотелось бы обратить внимание на строчку в преамбуле к Парижскому соглашению. Если не ошибаюсь, это шестая позиция, на которую обычно никто не обращает внимания. Она звучит следующим образом:

«Стороны могут страдать не только от изменений климата, но также от воздействия мер, принимаемых в целях реагирования на него». С моей точки зрения, эти риски наиболее существенны, потому что принятие неправильного решения, воздержание от принятия решения и, что не менее опасно, принятие неэффективного решения может привести к последствиям, гораздо более тяжелым, чем то, что мы имеем сегодня в связи с климатическими изменениями, и я постараюсь это в дальнейшем показать. Эти риски второй категории, собственно, включают в себя действия, связанные как с внутренней, собственной политикой государств в отношении климатических изменений и их последствий для экономики, так и внешние факторы, связанные с климатической политикой других стран (речь идет о фактически центрах принятия решений).

Я ухожу от вопроса, который в свое время ставил Герцен: «Кто виноват?» На эту тему прекрасно отвечают наши уважаемые климатологи, географы, специалисты по климату. Я хочу остановиться на вопросе Чернышевского, а именно: «Что делать?»

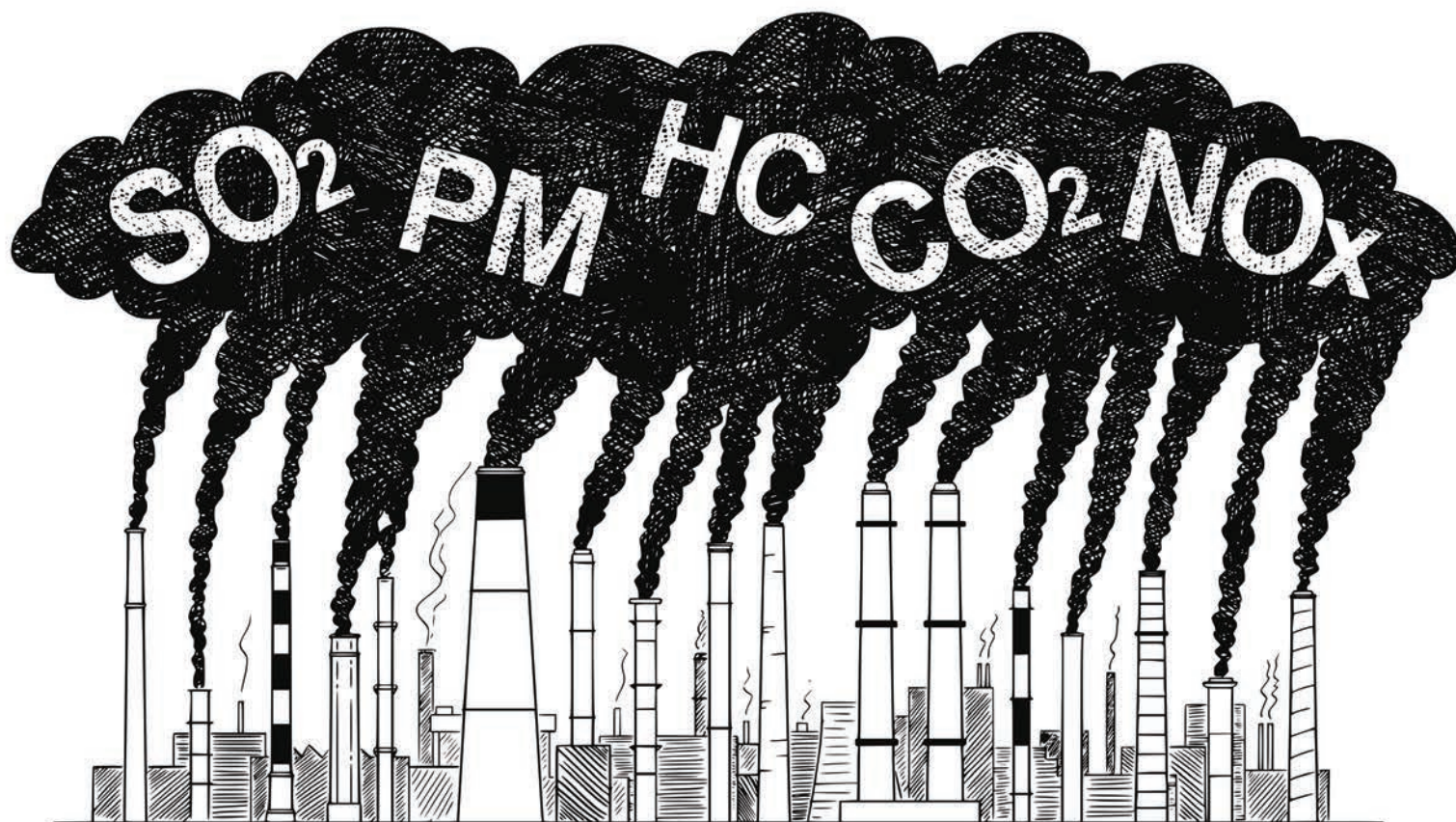
Что делать с последствиями самих климатических изменений и, главное, действий других государств и международного сообщества по этому поводу? Очевидно, что такой подход означает, во-первых,

необходимость принятия неких комплексных решений, которые учитывают место климатических рисков в ряду других глобальных вызовов. Я напомню, что есть 17 целей устойчивого развития ООН, которые по сути дела и определяют те самые основные риски и вызовы. Правильно они выделены, неправильно — это другой вопрос, но в целом они сформулированы, и климат там занимает свое место.

Во-вторых, учет временного фактора — существуют разные горизонты планирования экономических действий. Мы понимаем, что более-менее эффективные решения могут приниматься на горизонте 10–20 лет. А вопросы климата — это вопросы многих десятилетий, и учет этих обстоятельств — очень сложное дело, в том числе при моделировании, и это очень серьезный вызов.

Еще один момент, который нужно учитывать, — реальные возможности, финансовые, научно-технологические, кадровые. То есть нужно сопоставлять цену климатического вопроса с другими проблемами и иметь в виду, во что это всё обходится.

Сегодня мы имеем то, что я условно называю позицией климатического мейнстрима. Это совокупность взглядов, которые излагаются и в докладах ИРСС, и в огромном количестве публикаций. Речь идет о парадигме так называемого низкоуглеродного развития или — то же самое — доктрине новой климатической экономики. В чем суть?

ГЛАВНОЙ ЦЕЛЬЮ ЗАЯВЛЯЕТСЯ НЕПРЕВЫШЕНИЕ К 2100 ГОДУ ПОРОГА В 1,5 ГРАДУСА ПО СРАВНЕНИЮ С ДОИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХОЙ

Исходное положение заключается в том, что приоритет проблемы климатических изменений над всеми другими беспорен, сопоставлений практически не бывает, презюмируется сугубо антропогенный характер происхождения этого климата.

Стратегическое решение этой проблемы: «объявлена борьба (или война) с изменением климата» (это выражение буквальное — цитата из международного документа). Главной целью заявляется стабилизация климата, непревышение к 2100 году порога в 1,5 градуса (раньше фигурировали 2 градуса) по сравнению с доиндустриальной эпохой. Способ реализации — это переход к новой климатической экономике, на низкоуглеродный путь развития, критерий — темпы перехода, ключевой индикатор — максимальное снижение техногенных выбросов углекислого газа и других парниковых газов и сокращение их абсолютных объемов. Предлагаемый экономический механизм — это главным образом введение цены на упомянутые выбросы, на углерод, прежде всего в виде так называемого углеродного налога. Это общая схема, на самом деле не всё так жестко, но я хотел выделить основные позиции.

Вопрос заключается в следующем: решает ли такой путь, такая стратегия действия две главные проблемы? Первое: обеспечивает ли этот низкоуглеродный путь развития сам по себе решение проблемы стабилизации климата до конца XXI века? (Стабилизация определена через эти 1,5 градуса.) И второе: решает ли это проблему снижения, смягчения рисков для человека, для хозяйства? Потому что главный риск, связанный с климатом, конечно не в том, изменяется температура или нет, становится ли влажность больше и т. д., — это вопрос условий жизни и условий хозяйствования. Главное, прежде всего, безопасность людей.

По первому вопросу ответ есть, он дан Межправительственной группой экспертов по изменению климата. Есть соответствующие расчеты, смысл которых заключается в том, что снижение выбросов не дает решения проблемы в полном объеме. Необходимо еще поглощение парниковых газов в размере примерно 10 млрд тонн в год, а также, поскольку всё равно имеют место остаточные риски,

ЦЕЛИ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ООН

- Ликвидация нищеты.
- Ликвидация голода.
- Хорошее здоровье и благополучие.
- Качественное образование.
- Гендерное равенство.
- Чистая вода и санитария.
- Недорогостоящая и чистая энергия.
- Достойная работа и экономический рост.
- Индустриализация, инновации и инфраструктура.
- Уменьшение неравенства.
- Устойчивые города и населенные пункты.
- Ответственное потребление и производство.
- Борьба с изменением климата.
- Сохранение морских экосистем.
- Сохранение экосистем суши.
- Мир, правосудие и эффективные институты.
- Партнерство в интересах устойчивого развития.

МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ГРУППА ЭКСПЕРТОВ

по изменению климата (МГЭИК, англ. Intergovernmental Panel on Climate Change, IPCC) — организация, созданная для оценки рисков влияния техногенных факторов на изменение климата.

необходима адаптация, о которой я буду говорить отдельно.

Что касается проблемы безопасности, если сопоставить ущерб от климатических явлений с ущербом от загрязнения атмосферы, то во втором случае количество погибших — на два порядка выше, а экономический ущерб — на порядок. (Это к вопросу о некоторых приоритетах.) Я не хочу из этого делать вывод о том, что климатические и гидрометеорологические бедствия не имеют значения, что с ними не надо работать. Человечество всегда этим занималось, просто надо понимать порядок чисел.

Есть другие данные. Недавно ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) опубликовала список 10 основных рисков для здоровья людей.

РЕЧЬ ИДЁТ НЕ О КАКОМ-ТО ОТРИЦАНИИ, А О ПРАВИЛЬНОМ ПОНИМАНИИ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ, ПОТОМУ ЧТО ВЫЗОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ, ОЧЕНЬ СЕРЬЁЗНЫЙ

На первом месте стоит загрязнение воздуха. Данные на 2018 год: преждевременная смертность от загрязнения воздуха — 7 млн человек каждый год. Есть и такие данные: если среднегодовой ущерб от климатических воздействий расценивается по долгосрочным прогнозам примерно от 0,2 до 2% мирового валового продукта, то совокупный среднегодовой ущерб от пандемий гриппа, которые происходили только за последнее время многократно (совокупного ущерба, подчеркиваю, — это не только от заболеваемости, а и от смертности, от потерь рабочих часов и так далее), достигает примерно 4% мирового валового продукта. Это данные Всемирного банка.

В связи с этим, когда смотришь на последний прогноз, оценку глобальных рисков в терминах, которые предлагает Всемирный экономический форум (это вероятность и тяжесть последствий), то обращает на себя внимание, что вверху отображаются экстремальные погодные условия и опасные природные явления, чуть ниже — природные бедствия, а загрязнение окружающей среды и связанные с этим бедствия располагаются существенно ниже. Как мы видим, приоритеты иные, и нужно всё-таки выстраивать их по тем критериям, которые существуют. И когда говорят, что климатические бедствия — это самое опасное, я с этим не могу согласиться. Это, кстати, очень опасно для решения проблемы климата, потому что если мы ее неправильно будем оценивать, то мы неправильно ее будем решать. Речь идет не о недооценке проблемы климата, а об ее корректной оценке — я на этом хотел бы заострить внимание. Эффективность однолинейной модели, когда просто педалируется только низкоуглеродное развитие как таковое, вызывает, мягко говоря, большие сомнения.

Хотел бы дополнительно обратить внимание на вопрос: а что будет, если следовать этой модели по последнему докладу Межправительственной группы экспертов, который был представлен в 2018 году, в части соблюдения порога в 1,5 градуса?

Расчеты, которые мы выполнили в институте, предположив, что эта модель применяется к нам в ее жесткой и мягкой форме (в первом случае речь идет о 70% возобновляемых источников, которые включают только исключительно малые гидро-, солнечные и ветряные источники, а во втором случае мы предположили, что туда еще входят атомные станции), показывают, что примерно до 2045 года потери темпов экономического роста у нас составят примерно четыре десятых процентных пункта в год, накопленные потери — 8% ВВП в жестком варианте, 5% ВВП — в более мягком варианте. С учетом ситуации с экономическим ростом в России этот путь для нас не подойдет.

Что же предлагается, о чем идет речь? Еще раз повторю, что, когда мы говорим об эффективном управлении климатическими рисками, речь должна действительно идти прежде всего о том, что мы эти риски рассматриваем в системе всех других вызовов и рисков. И тогда мы действительно понимаем, как эти проблемы лучше решать, как ими эффективно управлять. Должно быть комплексное решение, целостная климатическая политика, которая не ограничивается выбросами только парниковых газов, а низкоуглеродная стратегия педалирует именно снижение выбросов.

Я всё-таки призвал бы обратиться к Парижскому соглашению, которое уравнивает проблему снижения выбросов с проблемой адаптации и с темой поглощения парниковых газов. Мне кажется, это абсолютно правильные, корректные положения, это очень принципиально, особенно для России, учитывая роль лесов, которые являются главным поглотителем, и учитывая проблему адаптации, которая для России в обозримом будущем будет стоять во весь рост, какие бы усилия по снижению выбросов мы ни предпринимали, тем более мы уже на это довольно здорово потратились.

Важный момент — это встраивание, интеграция решения климатических проблем в политику социально-экономического развития, такой подход есть в климатическом мейнстриминге, его специалисты хорошо знают, и, казалось бы, там всё правильно сформулировано. Но только на самом деле получается наоборот: не климатическую проблему

ПОЛИТИКА КЛИМАТИЧЕСКОГО МЕЙНСТРИМИНГА —

долгосрочная стратегия развития страны с учетом целей борьбы с изменением климата.

встраивают в социально-экономическую политику, а социально-экономические проблемы подгоняют под решение климатической проблемы. Говорят: «Вы знаете, если мы это сделаем, то это будет очень хорошо для климата. А если мы вот это сделаем, то это тоже будет очень хорошо, это будет помогать в решении климатических проблем».

Пирамида должна быть перевернута, лошадь должна быть поставлена впереди, телега сзади. Всё-таки в основном борьба с изменением климата должна быть встроена в решение проблем экономического развития — только тогда мы действительно получим эффективное решение. Речь не идет о том, чтобы отодвинуть климатический вопрос, не признавать его, речь идет о поиске эффективных механизмов решения этой проблемы. Это возможно только в рамках стратегии устойчивого социально-экономического развития, прежде всего, экономического роста. Если нет экономического роста, то нет и доходов, не на что решать не только климатические, но и другие проблемы, я уже не говорю об обострении социальных проблем.

Прежде чем перейти к заключительной части, касающейся непосредственно России, я бы хотел привести очень яркий, на мой взгляд, пример Китая, которым нам в последние годы приходится довольно плотно заниматься, потому что Китай приводится в пример, и справедливо, как лидер в решении климатических проблем, один из мировых климатических лидеров. Это касается и снижения выбросов парниковых газов, и увеличения генерации и строительства новых возобновляемых мощностей. Это чистая правда, с этим никто не спорит. Штука только заключается в том, что Китай решает не климатические проблемы. Он заявляет, что он решает экологические проблемы, которые действительно остры. Когда 900 тысяч человек в год преждевременно погибают от загрязнения воздуха, когда 40 млн мужчин не могут воспроизводить детей, страна начинает серьезно этим заниматься. То, что Китай блестяще использует климатическую политику и климатическую карту — нет сомнений. Но если мы посмотрим внимательнее, то реально там отдается приоритет прежде всего экологической, а также экономической политике, ведь Китай строит не только установки с возобновляемой энергетикой, он активно строит и атомные станции. По темпам роста атомной энергетики Китай опережает сегодня другие страны. Две новые конструкции атомных реакторов — китайские, и это понятно, потому что Китай озабочен вопросами стратегического значения, которые для нас имеют, мягко говоря, никак не меньшее значение.

Итак, речь идет не о каком-то отрицании, а о правильном понимании места климатической проблемы и правильных подходах к ее решению, потому что вызов действительно очень и очень серьезный.

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА

— это часть военно-промышленного комплекса и источник новейших технологий, которые нам крайне необходимы.

Решение, как представляется, должно идти по двум взаимосвязанным направлениям. Первое: стимулирование экономического роста на основе модернизации с использованием наилучших доступных ресурсоэффективных технологий, которые — я хочу это подчеркнуть — обеспечивают лучшую производительность, лучшее использование ресурсов с точки зрения снижения издержек и, следовательно, оказываются и экономически более выгодными. По оценкам Минпромторга, спрос на такие технологии у нас — больше триллиона рублей в год.

Отдельно хочу коснуться развития атомной энергетики. Дело не только в климате и не только в экологии. Мы прекрасно понимаем, что это — часть военно-промышленного сектора, и отделяться не может. Кроме того, атомно-промышленный комплекс — это источник новейших технологий, которые крайне необходимы для того, чтобы решать вопросы стратегии нашего научно-технологического развития.

Теперь что касается институциональных мер. Сегодня, когда совершенно справедливо педалируется вопрос энергоэффективности, я хотел бы подчеркнуть, что речь идет прежде всего о снижении энергоёмкости. Мне кажется, что для реального сектора на первое место должна быть поставлена проблема энергопроизводительности, то есть пирамида опять-таки должна быть перевернута. Первым должен решаться вопрос наращивания производства в расчете на единицу потребления топлива или единицу выброса, если это перевести в термины того, что можно называть карбоноэффективностью. Само по себе снижение эмиссии, как показывает опыт, например, России 90-х годов, мало что дает.

Если посмотреть по карбоноэффективности, то есть производству ВВП на килограмм выброса, в России он снизился с 1,31 доллара в 1990 году до 1,18 в 1998-м. Казалось бы, кризис, казалось бы, снижение выбросов, а на самом деле за счет того, что экономические показатели резко ухудшились, выигрыш был крайне небольшим. И в этом смысле, конечно, показатель карбоноэффективности, с моей точки зрения, должен бы быть положен в основу наших обязательств.

Я напомним, что Китай и Индия взяли на себя обязательства в рамках Парижского соглашения по снижению выбросов применительно к расчетной единице прироста ВВП. Соответственно, 65 и 35%. Но мы взяли на себя абсолютные обязательства, по сути дела, не связав их жестко с нашим экономическим ростом. Да, по всем моделям выходит, что мы точно выполняем эти обязательства по срокам — сомнений нет, но суть заключается в том, что если всё-таки темпы экономического роста будут серьезно повышаться, то за пределами 25–30 года могут возникнуть проблемы. У нас жесткой привязки нет, поэ-

тому, с моей точки зрения, такую привязку надо обязательно иметь.

Второе направление, по которому нужно действовать — это активная экологическая политика с приоритетом ограничения загрязнения воздуха. С моей точки зрения, акцент должен быть сделан именно на экологии. Через экологию, через снижение загрязнения опасными и вредными веществами нужно добиваться и снижения тех выбросов, в качестве положительной экстерналии, которые влияют на климат. По расчетам, вклад в парниковый эффект такого рода веществ, которые, кстати, в существенной степени связаны с углеродом (речь идет, конечно, прежде всего о таких веществах, как взвешенные частицы, как метан, который у нас отнесен к загрязняющим веществам) составляет примерно треть. То есть, если мы жестко их ограничим, то сделаем вклад и в решение климатической проблемы.

И конечно, нужно заострить внимание на наилучших доступных технологиях, о которых я уже упоминал. Из 4 трлн рублей, которые выделяются на национальный проект «Экология», 60% идет

на наилучшие доступные технологии. Охватывают они сегодня 29 отраслей промышленности и сельского хозяйства, поэтому это исключительно важный акцент. Есть расчеты, которые выполняло, в частности, Международное энергетическое агентство, которые показывают, что благодаря таким технологиям в области энергоэффективности может быть обеспечено до 40% сокращения эмиссии CO₂.

И, естественно, должны быть предприняты институциональные меры: введены жесткие лимиты, нормативы выбросов.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что, на мой взгляд, для решения очень важной климатической проблемы, которая действительно составляет один из глобальных вызовов, необходимо всё-таки поставить телегу и лошадь на свои места: впереди должен идти экономический рост с соблюдением жестких экологических ограничений, и это позволит получить соответствующие ресурсы на решение климатических проблем. Как показывает опыт, такого рода программы действительно дают серьезный мультипликативный эффект.

ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ И КРИЗИС

Александр Дыкин,
президент ИМЭМО
им. Е. М. Примакова РАН, академик
РАН, вице-президент ВЭО России

Если посмотреть на мировую экономику, то в середине текущего года она побьет абсолютный рекорд — 120 месяцев последовательного позитивного роста, и это несмотря на известные турбулентности, связанные и с китайским фондовым рынком, и с проблемами в Еврозоне. Если посмотреть на длинные ряды, то за период с 2010 по 2018 год среднемировые темпы роста глобальной экономики составили 3,8%. Это довольно много, хотя и меньше, чем было в предкризисный период с 2001 по 2007 год, когда эти темпы равнялись 4,4%. В связи с таким длительным экономическим ростом, естественно, нарастают прогнозы о том, что вот-вот начнется серьезный кризис или спад.

Известно, что для кризиса нужны два элемента: накопление диспропорции, которая требует некоей фундаментальной коррекции, и триггеры. Что на сегодня есть? Самая очевидная диспропорция существует в Японии. У них государственный долг составляет 250% ВВП. Это, конечно, очень много, но, на мой взгляд, у держателей этого долга отсутствуют ключевые стимулы, для того чтобы одновременно сбросить эти долговые обязательства. Это пример того, когда диспропорция есть, а триггера нет, поэтому ждать кризиса с этой стороны, на мой взгляд, безосновательно. Любопытно, что самый известный в мире прогнозист жестокого кризиса Роберт Дали, который сейчас является основателем хеджевого фонда Bridgewater

Associates, в конце прошлого месяца снизил свой прогноз вероятности кризиса в американской экономике с 70 до 35%. Такое драматическое понижение этой вероятности, конечно, говорит, скорее, о «серьезности» этого прогнозиста.

С моей точки зрения, наиболее тревожная вещь — это, конечно, торговые войны, которые сегодня существенно влияют на мировую экономику. Динамика мировой торговли уже ушла ниже роста мирового ВВП, что, в общем, достаточно редкий феномен. В основном это связано с тем, что Трамп, 45-й президент Соединенных Штатов, развернул руль регулирования экономики от открытости, которая раньше рассматривалась как залог американского лидерства. Сегодня открытость рассматривается как угроза, и поэтому мы с вами являемся свидетелями взрыва торговых войн по всем направлениям. Любопытно, что такой пересмотр американской внешнеэкономической политики отчасти напоминает ту эрозию договорной базы в системе международной безопасности, которая началась еще при предыдущих администрациях — я имею в виду выход Соединенных Штатов из Договора по противоракетной обороне 2002 года. В этом году, 2 августа, очевидно, закончит свою жизнь Договор о ракетах средней и малой дальности. Есть такой отчетливый курс на unipolarity (однополярность. — Ред.), на лидирующую и диктующую роль Соединенных Штатов. На мой взгляд, это, конечно, вызывает обоснованную тревогу.

КОММЕНТАРИИ И ДОПОЛНЕНИЯ

НИЗКОУГЛЕРОДНАЯ МОДЕЛЬ

Игорь Башмаков,
генеральный директор «Центра энергоэффективности — XXI век»

Мир уже начал переход на низкоуглеродную модель роста. Две основные черты этого перехода: ускорение повышения энергоэффективности и резкий рост безуглеродных источников энергии, а также отставание в этом движении России и угроза ее технологической безопасности. По сырьевой модели у нас роста уже нет. Здесь была речь о том, что мы потеряем какие-то проценты в случае безуглеродного развития, но пока у нас роста просто нет. Нам нужны новые драйверы. Низкоуглеродные технологии могут быть одним из таких драйверов, и поэтому нужно на это смотреть с точки зрения интересов социально-экономического развития России. Процесс низкоуглеродной трансформации и повышения энергоэффективности происходит постоянно. С 1800 года энергоёмкость глобального ВВП снизилась в четыре раза. Вдвое — в период с 1800 до 1975 года, и вдвое уже после этого, то есть темпы кардинально ускорились. Повышение энергоэффективности и темпы экономического роста связаны очень тесно. Чем выше темпы экономического роста, тем у вас динамичнее снижается энергоёмкость. Здесь прямая и обратная двусторонняя причинно-следственная связь.

НЕТ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Леонид Григорьев,
главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, научный руководитель департамента мировой экономики НИУ ВШЭ, профессор

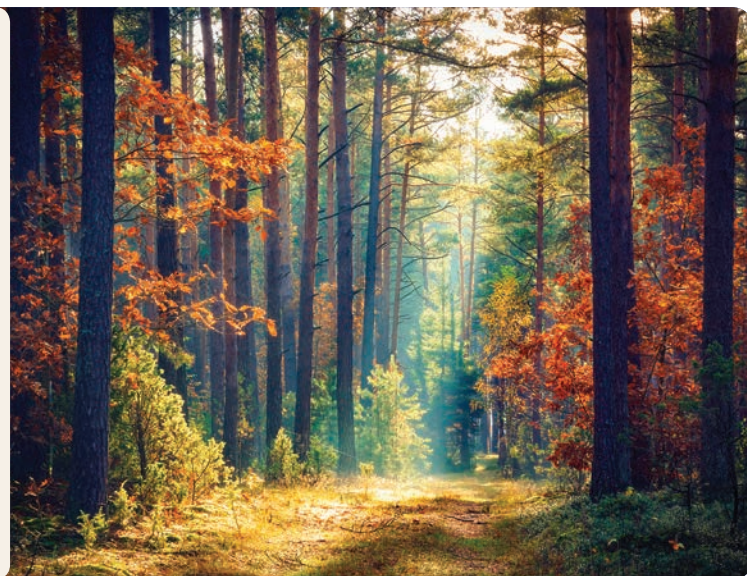
Восторг насчет изменений я разделяю, но существует огромный разрыв между оптимистами среди «зеленой» профессуры и политиков в Европе и реалиями. Мои друзья-экологи из Германии регулярно сообщают, что в воскресенье летом 95% используемого электричества — из возобновляемых источников, забывая добавить, что в феврале во вторник — всё наоборот, а в балансе всё еще есть 40% угля. Что значит победное сообщение, что они прекратили использовать каменный уголь? Они сидят на грязном лигните из Бранденбургского бассейна — он же польский уголь. Так что у нас очень много разрывов между оптимистами в заявлениях и в реалиях, и прогнозы на 2040 год пока такие же. У нас нет единой мировой энергетической стратегии, которая уязвляла бы решение проблем развития Индии, других стран и, с другой стороны, Африки, в которой более миллиарда населения прибавится, с совершенно неизвестными ресурсами.

НЕ СТОИТ ТОРОПИТЬСЯ

Сергей Рогинко,
руководитель Центра экологии и развития Института Европы РАН

Немножко скажем о ратификации, об инициативе нашего МПР ратифицировать соглашение к конференции в Сантьяго в 2020 году. Вопрос: а почему не в 2021-м? Ведь модальности соглашения еще полностью не согласованы, даже по оценкам WWF, достаточно оптимистичным, они согласованы на 80%. Остаток могут согласовать в Сантьяго, а могут перенести на потом. Вопрос ко всем присутствующим: вы бы подписали кредитный договор, напечатанный на 80%? Ответ понятен. Теперь по условиям участия России в соглашении. В свое время они были озвучены на высшем уровне. Давайте напомним, их два: участие в соглашении всех стран и адекватная оценка поглотительной способности российских лесов. «С участием всех стран» — после объявленного выхода Соединенных Штатов, после объявленного выхода Бразилии и отказа Турции от ратификации вопрос ясен.

СЕЗОННЫЙ ЛЁД В АРКТИКЕ

Владимир Семенов,
заведующий лабораторией климатологии Института географии РАН, член-корреспондент РАН

В климатической системе действительно существует цикличность на масштабах и нескольких десятилетий, и столетних циклов. Но всё-таки происходящее антропогенное воздействие, по всей видимости, не даст глобальной температуре и региональной температуре, в том числе в Арктике, в ближайшие десятилетия переломить тенденцию к потеплению, чтобы снова случился некий цикл похолодания. Уже сейчас мы совершенно достоверно знаем, что холодные зимы — это парадоксальным образом следствие потепления в Арктике. При дальнейшем сокращении льдов холодные зимы сменяются еще более, чем обычно, теплыми зимами. Арктический морской лед исчезает стремительным образом. Условно говоря, каждые три квадратных метра греет киловаттная плитка. Всё это греет атмосферу, изменяет циркуляцию. Значительная часть моделей показывает, что уже к 2040 году арктический ледяной покров может стать сезонным, то есть на наших глазах существенно меняется климатическая система, и меняется качественным образом.

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА НЕВЕЧНА

Василий Богоявленский,
заместитель директора Института проблем нефти и газа РАН, член-корреспондент РАН

Я хотел сосредоточиться на Арктическом регионе, поскольку известно, что именно в Арктике делается кухня погоды не только для Евразийского континента, но и в целом для планеты. Именно здесь происходит максимальное потепление в последние два десятилетия, и если говорить об этом регионе и о других субарктических территориях, в которых у нас примерно две трети площади страны, это районы повышенного риска с точки зрения потепления климата. Если будет потепление, то мы можем потерять, наверное, до трети площади полуострова Ямал. То есть может сильно измениться карта, и сейчас она постоянно меняется. Кое-где лед обнажается прямо у берегов, целые поселки оказываются на краю обрывов, происходит обрушение различных построек. Хочу отметить, что в замечательном в целом документе «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации», так уж сложилось, нет ни одного упоминания о многолетнемерзлых породах и мерзлоте. Это, конечно, нонсенс. Это наша стратегия, а о существовании мерзлоты забыли.

ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ВЫБРОСОВ ДО 2050 Г.

Владимир Кузнецов,
директор Информационного центра ООН в Москве

Климатическая политика и меры по смягчению антропогенного воздействия на климат должны учитывать как неоднозначность последствий изменения климата, так и императивы экономического роста. По мнению генерального секретаря ООН, нет более сложного вызова для мира, чем борьба с изменением климата. Угроза надвигается по четкой траектории: температура становится выше, а последствия серьезнее. Недавнее исследование продемонстрировало, что температура океана растет на 40% быстрее, чем предсказывали ведущие ученые мира всего пять лет назад. Антонио Гутерриш исходит из того, что в течение десятилетия мы должны преобразовать наши экономики в беспрецедентных масштабах для того, чтобы ограничить рост температуры до 1,5 градуса. К 2020 году в соответствии с Парижским соглашением государства-члены должны оценить достигнутый прогресс и принять новые обязательства, а к 2050-му мы должны полностью избавиться от выбросов газа.

CLIMATE RISKS OF economic GROWTH

Boris Porfiriev

Director of the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences; Academician of the Russian Academy of Sciences; Member of the Presidium of the VEO of Russia

Based on the materials of the «Climate risks of economic growth» seminar held by the International Union of Economists (IUE) and the VEO of Russia with support from the UNEP, the UN Information Center in Moscow. Moderator: Academician Alexander Dynkin.

We've come a long way over the last 25 years, from the Framework Convention to the Kyoto Protocol to the Paris Agreement which is currently in force. We've seen various results and consequences: a significant concern has been expressed both at the international level and by the heads of states; even actual protests have taken place, for instance, in France in connection with the measures that are being implemented to solve the climate problem.

Despite the fact that the process is really controversial and carries with it certain positive changes, I would like in this connection to consider one of its aspects which is linked to climate risks and economic development challenges. Those risks can be divided into two categories. The first category encompasses those environmental and climate-related threats to the life and health of the population and the sustainable functioning of economic systems that are well known and widely discussed in literature, including, first and foremost, the IPCC reports. Then, there's a second category, which is often downplayed or hushed up. I call it "Climate-related risks" meaning poor decision-making in relation to climate change and its consequences.

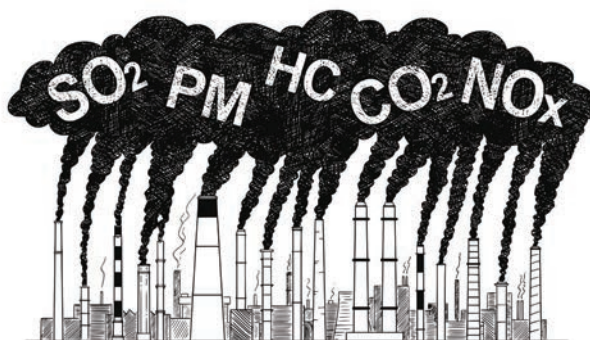
I would like to draw your attention to a line contained in the preamble of the Paris Agreement. If I am not mistaken, it's in the sixth paragraph which usually goes unnoticed. It reads as follows: "...Parties may be affected not only by climate change, but also by the impacts of the measures taken in response to it." The way I see it, those risks are the most significant, because

making wrong decisions, refraining from making a decision or making a poor decision, which is no less dangerous, can lead to much more dire consequences than what we experience today due to climate change, which I will attempt to show later on. In fact, those second-category risks include actions related to both domestic policies pursued by governments with regard to climate change and its consequences for the economy and external factors related to climate policies of foreign countries (the ones considered as centers for decision-making).

I will not be pondering the question Herzen once asked: "Who is to blame?" Our esteemed climatologists, geographers, and climate experts have a pretty good answer. I'd like to examine the question posed by Chernyshevsky: "What is to be done?"

UN SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

- No poverty.
- Zero hunger.
- Good health and well-being.
- Quality education.
- Gender equality.
- Clean water and sanitation.
- Affordable and clean energy.
- Decent work and economic growth.
- Industry, innovation and infrastructure.
- Reduced inequalities.
- Sustainable cities and communities.
- Responsible consumption and production.
- Climate action.
- Life below water.
- Life on land.
- Peace, justice and strong institutions.
- Partnership for the Goals.

For that matter, what is to be done with the consequences of climate change and, most importantly, the actions of other states and the international community? Obviously, such an approach means, firstly, the need for comprehensive solutions that would call attention to the role of climate risks against the backdrop of many other global challenges. You might recall the UN has formulated 17 sustainable development goals, which, in essence, define the very basic risks and challenges. Whether or not they are formulated correctly is another matter, but they have been formulated, and climate plays a role there.

Secondly, we must take the time factor into consideration. There are different planning horizons for economic activities. We understand that decisions can

The Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) is an organization established to assess the risks of impact of anthropogenic factors on climate change.

only be planned more or less effectively for 10, 15, or 20 years in advance. In contrast, climate risks may persist for multiple decades, and taking such a long view, even by means of computer simulation, is very complicated, it's a very serious challenge.

There is one more thing that needs to be considered — real financial, scientific, technological, and employment opportunities. That means we need to compare the cost of the climate problem with other problems and keep in mind how much it will set us back.

Today we have what I may tentatively call the climate mainstream position. It's a set of views outlined in the IPCC reports and in a lot of publications. What I mean is the so-called low-carbon development paradigm, or, in other words, the new climate economy doctrine. What does it mean?

The starting point is that the problem of climate change has indisputable priority over all other problems, practically no comparisons are possible, and the purely anthropogenic nature of climate change should be assumed.

A strategic solution to the problem has been found in declaring “a war on climate change” (a literal expression directly quoted from an international document). The main goal is stabilizing climate and keeping the global temperature rise below 1.5 degrees (previously 2 degrees) until the year 2100 compared with the pre-industrial era. Implementation method: transition to a new climate economy, to a low-carbon development path. Implementation criterion: transition rate; key indicator: maximum reduction of technogenic emissions of carbon dioxide and other greenhouse gases, a reduction in their absolute volumes. Proposed economic mechanism: the introduction of carbon fees for the abovementioned carbon emissions, primarily in the form of the so-called carbon tax. It's a general arrangement; in fact, it's not as strict as it sounds, but I wanted to highlight the main points.

The question is: will such a methodology, such an action strategy, solve two main problems? First, will the trajectory of low-carbon development itself provide a solution to the problem of stabilizing climate until the end of the 21st century? (Stabilization means keeping the global temperature rise below the 1.5 degrees). And second, will it solve the problem of reducing, mitigating risks for man, for economy? Because the main risk associated with climate is certainly not whether or not the global temperature will change, or whether or not the humidity will increase, etc. It's a matter of living standards and economic conditions. First and foremost, it's the safety of people.

The first question has an answer, it is given by the Intergovernmental Panel on Climate Change. There are corresponding calculations, the meaning of which is that a reduction of emissions will not solve the entire problem. It is also necessary to absorb greenhouse gases at a rate of approximately 10 billion tons per year, and also, as long as there are residual risks, adaptation is necessary, which I will discuss separately.

As for the safety problem, considering the main implications of climate risks, the damage associated with hydro-meteorological and climatic disasters, if compared against pollution of air with harmful and hazardous substances, results in fewer deaths than from air pollution by approximately two orders of magnitude, and the economic damage by an order of magnitude. (That's priorities for you). I do not say climatic or hydrometeorological disasters do not matter or should not be dealt with. Humanity has always been dealing

with them, we just need to understand the true magnitude of the problem.

There are other data. Recently, WHO (World Health Organization) published a list of 10 major risks to human health. Air pollution comes first. By 2018, 7 million people were dying prematurely each year from air pollution. According to other sources, while the average annual damage from climatic impacts is estimated at about 0.2% to 2% of the global gross domestic product, the cumulative average annual damage from flu pandemics which occurred multiple times in recent years (and I emphasize, cumulative damage, not only caused by morbidity, but also by mortality, loss of working hours, and so on) is nearly 4% of the global gross domestic product according to the World Bank data.

In this regard, when you look at the latest forecast, an assessment of global risks in terms proposed by the World Economic Forum (the likelihood and severity of the consequences), you notice that the top positions are occupied by extreme weather conditions and dangerous natural phenomena with natural disasters positioned just below. Pollution and related disasters are positioned much lower. As we see, the order of priorities is different, and we still need to arrange them according to the existing criteria. And when they say that climatic disasters are the most dangerous, I cannot agree with that. As a matter of fact, it's extremely detrimental to solving the climate problem, because in the event of its incorrect evaluation we will also be solving it incorrectly. This is not about underestimating the climate problem, it's about correctly assessing it. That's the point I would like to draw your attention to. The effectiveness of the one-track model, which puts all emphasis on low-carbon development, is highly questionable, to put it mildly.

Besides, I would like to draw your attention to the following question: what will happen if we follow that model based on the latest IPCC report presented in 2018, where it relates to keeping below the 1.5 degree threshold?

The calculations which we carried out at the institute by considering the application of the model's hard and soft variants (the hard variant implies 70% of renewable sources, which include only small hydro, solar and wind sources, while the soft variant includes nuclear power plants) show that by 2045 the economic growth rate will

CLIMATE MAINSTREAM POLICY IS A LONG-TERM STRATEGY FOR THE COUNTRY'S DEVELOPMENT, WHICH INCORPORATES THE GOAL OF FIGHTING CLIMATE CHANGE.

be declining by four tenths of a percentage point per year, the cumulative loss will be 8% of GDP for the hard variant, and 5% of GDP for the soft variant. Given the situation with economic growth in Russia, it's not the way to go.

What is being proposed? What are we talking about here? Again, when we refer to the effective management of climate risks, what we really mean is that we should consider those risks side by side with all other challenges and risks. Then we would be able to really understand how best to address those problems and how to effectively manage them. There should be a comprehensive solution, a holistic climate policy not limited to greenhouse gas emissions (whereas the low-carbon strategy puts all emphasis on the reduction of emissions).

Still, I urge you to consider the Paris Agreement which puts on an equal footing the problem of reducing emissions, the problem of adaptation, and the issue of greenhouse gases absorption. It seems to me it's absolutely correct, and it's extremely important, especially for Russia, given the role of forests which absorb the most carbon, and given the adaptation problem, a problem which will be of paramount importance for Russia in the foreseeable future, no matter what we do to reduce emissions, the more so as we have already spent a lot of money on it.

An important point is the integration of solutions to climate problems into the socio-economic development policy. Such an approach has been used in the climate

mainstream, experts are well aware of it, and it would seem it has been properly formulated. But it's really the other way around: it's not that the climate problem is being integrated into the socio-economic policy, it's rather that socio-economic problems are being tweaked in order to solve the climate problem. They say, "You know, if we do this, it will be very good for the climate. And if we do that, it will also be very good, it will help us solve the climate problems."

The pyramid should be turned upside down, the horse should be put in front of the cart. Still, basically, the war on climate change should be a part of solving the problems of economic development — only then will we really have a good solution. It doesn't mean postponing or denying the climate problem, it means finding effective mechanisms for solving that problem. It is possible only as part of a strategy of sustainable socio-economic development and, first and foremost, economic growth. If there is no economic growth, there are no revenues, no money to solve the climate problem or any other problems, not to mention the exacerbation of social problems.

Before moving on to the conclusion, which directly concerns Russia, I would like to mention China which I consider a good example of what we've been dealing with in recent years. China sets an example, and rightly so, as a global leader in addressing climate problems, reducing greenhouse gas emissions, increasing power generation and constructing new renewable energy facilities. It is true, no one questions it. The thing is, it is not the climate problem that China is solving. China says it's solving the environmental problems that are really important. With 900,000 people dying prematurely from air pollution every year, with 40

million males being infertile, the country is bound to start seriously looking into the problem. There is no doubt China has been brilliantly using its climate policy and climate map. But if we take a closer look, we'll see that in fact priority has been mostly given to the environmental and economic policies, because China has not been building only renewable energy power plants, it has also been actively constructing nuclear power plants. In terms of nuclear energy, China is currently ahead of all the other countries. Both of the new designs of nuclear reactors are Chinese, and it's understandable because China has been concerned with issues of strategic importance, which are no less important for Russia, to put it mildly.

So, this is not about some kind of denial but about the correct understanding of the role of the climate problem and the proper approaches to its solution because the challenge is really very, very serious.

The solution seems to be lying in two interrelated areas. First: stimulating economic growth through modernization using the best available resource-efficient technologies which, let me emphasize it, provide better performance, better use of resources in terms of cost reduction and which, therefore, are also more viable economically. According to the Ministry of Industry and Trade estimates, the demand for such technologies is over one trillion rubles a year.

On a separate note, I would like to touch upon nuclear energy development. It's not only a matter of climate and ecology. We are well aware that it's an inseparable part of the military-industrial sector. Besides, the nuclear-industrial complex is the source of leading-edge technologies that are essential for

addressing the strategic issues of our scientific and technological development.

Now for the institutional measures. Today, when the question of energy efficiency has rightly come to the fore, I would like to emphasize that, first of all, it's all about reducing energy consumption. I believe the real sector should prioritize the problem of energy productiveness, i.e. the pyramid must be turned upside down again. The most urgent task is one of increasing production per unit volume of fuel used or per unit of emission volume expressed in terms of what may be called carbon efficiency. In itself, emission reduction does very little as Russia's experience of the 1990s has shown.

As for carbon efficiency, i.e. production of GDP per kilogram of emissions, in Russia it fell from \$1.31 in 1990 to \$1.18 in 1998. It would seem the reduction was due to the crisis, but in fact the result was insignificant because all the economic indicators sharply deteriorated. And in this sense, of course, carbon efficiency should be used as the basis of our commitments.

Let me remind you that China and India have made commitments under the Paris Agreement to reduce emissions per estimated unit growth of GDP. By 65 and 35%, respectively. But Russia has made its commitments in absolute terms without tying them in with our economic growth. Yes, all the models predict we will fulfill those commitments in a timely fashion, no doubt, but the fact is that if the rate of economic growth will be going up fast, we may face certain problems after 2025-2030. We have not established a strong connection between our commitments and economic growth, but I believe we must establish such a connection.

The second area is drafting an active environmental policy to prioritize reduction of air pollution. I believe the emphasis should be placed on environmental

protection. Along with environmental protection, along with reducing pollution of air with hazardous and harmful substances, it is also necessary, as a positive externality, to ensure reduction of those emissions that affect the climate. According to calculations, such substances, which, by the way, are substantially carbon-related (of course first of all we are talking about the likes of suspended particles or methane, which is considered a pollutant), account for nearly 30% of the greenhouse effect. It means that by imposing strict limitations on them we will make a strong contribution to the solution of the climate problem.

And, of course, we need to focus on best available technologies, as I have already mentioned. Of the 4 trillion rubles that are allocated to the national project "Ecology", 60% will be allocated to best available technologies. Today they encompass 29 production and agriculture sectors, so focusing on them is extremely important. A number of calculations have been performed, particularly by the International Energy Agency, which show that up to 40% reduction in CO₂ emissions can be achieved through such energy efficiency technologies.

And, of course, institutional measures must be taken: strict limits and emission standards should be introduced.

In conclusion, I would like to emphasize once again that, in my opinion, solving the important climate problem, which really is one of the global challenges, requires properly positioning both the cart and the horse: priority should be given to economic growth subject to stringent environmental limitations, and it will provide adequate resources for solving climate problems. Based on experience, such programs can yield a serious multiplicative effect.

В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ РАЗРЕШАТ БУРИТЬ ВСЕМ

Это должно подтолкнуть рост спроса на сжиженный природный газ

Новые инвестиции, особенно в геологоразведку, Арктике необходимы, поэтому, как заявил вице-премьер и полпред президента в Дальневосточном федеральном округе Юрий Трутнев, Правительство официально предложит снять мораторий на разработку арктического шельфа. А министр природных ресурсов и экологии России Дмитрий Кобылкин подтвердил, что все возможно, если вовремя сделать соответствующие документы.

Ранее президент дал поручение министерству по развитию Дальнего Востока и Арктики представить в правительство законопроект о мерах государственной поддержки арктических проектов до 1 июля 2019 года. А до 1 сентября правительство должно обеспечить заключение долгосрочных юридически обязывающих соглашений с грузоотправителями по объемам и стоимости перевозки грузов по Северному морскому пути (СМП).

«ГАЗПРОМУ» И «РОСНЕФТИ» ПРИДЁТСЯ ПОДВИНУТЬСЯ

ПО СЛОВАМ МИНИСТРА АКИМОВА,
внимание

Правительства сейчас сосредоточено на создании благоприятных условий для развития грузовой базы, основную долю которой займет сжиженный природный газ (СПГ). Так, Россия планирует нарастить производство сжиженного природного газа к 2025 году до 73 млн тонн в год, а еще через десятилетие — к 2035 году — Минэнерго рассчитывает, что Россия будет производить 100–140 млн тонн СПГ в год. Об этом сообщил Александр Новак.

Россия намерена активизировать экономическую деятельность в Арктической зоне. В реестр перспективных проектов, которые планируется реализовать в АЗРФ, уже вошли 119. Большинство из них так или иначе связаны с добычей углеводородов.

В Арктике сосредоточена основная доля общероссийских и общемировых запасов нефти и газа — от 60% и выше, по данным Российской академии наук. Доступ частным компаниям к арктическому шельфу закрыт, разрабатывать недра могут только предприятия, не менее чем на 50% принадлежащие государству и с опытом работы на шельфе от пяти лет. Кроме того, этот узкий круг сужен еще сильнее действующим с 2016 года мораторием на выдачу новых лицензий. Сейчас имеют такие лицензии только «Газпром» и «Роснефть». Однако уже в этом году мораторий может быть снят. Как заявил на V Международном арктическом форуме

«Арктика — территория диалога» вице-премьер и полпред президента в Дальневосточном федеральном округе Юрий Трутнев, Правительство официально предложит снять мораторий на разработку арктического шельфа. А министр природных ресурсов и экологии России Дмитрий Кобылкин отметил, что все возможно, если вовремя сделать соответствующие документы.

Новые инвестиции, особенно в геологоразведку, Арктике необходимы. Уже сейчас оценка объема углеводородов на арктическом шельфе варьируется от 50–60 млрд тонн нефтяного эквивалента до 100 млрд, отметил Максим Нечаев, директор по консалтингу IHS Markit Russia. «В Арктической зоне РФ находятся сегодня запасы ресурсов общим объемом 53,4 трлн кубометров газа, — констатировал Александр Новак, министр энергетики РФ. — Сегодня Россия добывает 725 млрд кубометров газа, из них 83% — в Арктической зоне. Этот газ конкурентоспособен, несмотря на то что он добывается в Арктической зоне, потому что дешевая себестоимость добычи, очень хорошее качество природных ресурсов, залегающих газа». При этом потенциал Арктики грандиозен, как минимум еще 20% ресурсов нефти и газа неразведаны, считает Питер Стюарт, главный аналитик по вопросам энергетики Interfax Global Energy.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
«РОСАТОМА» АЛЕКСЕЙ
ЛИХАЧЕВ ПОБЕЩАЛ,
ЧТО К
2024
ГОДУ ГРУЗОБОРОТ
СЕВМОРПУТИ ДОСТИГНЕТ
92,6
МЛН ТОНН.
ИЗ НИХ НА ГАЗ ПРИДЕТСЯ
41
МЛН ТОНН,
НА УГОЛЬ —
23
МЛН ТОНН,
НА НЕФТЬ —

14,1
МЛН ТОНН,
НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ
ГРУЗЫ ДЛЯ МОРСКОГО
ЭКСПОРТА —
8
МЛН ТОНН
И Т. Д. НАЧИНАЯ С 2020
ГОДА ФЛОТИЛИЯ
ЛЕДОКОЛОВ БУДЕТ
ЕЖЕГОДНО ПОПОЛНЯТЬСЯ,
А К 2030 ГОДУ ОНА
ОБЕСПЕЧИТ
КРУГЛОГОДИЧНОЕ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
СЕВЕРНОГО МОРСКОГО
ПУТИ

ГОСПОДДЕРЖКА АРКТИЧЕСКИХ ИН- ВЕСТПРОЕКТОВ

Снятие моратория уже в этом году стало одной из главных новостей Арктического форума. Второй стал пакет мер господдержки для инвестиционных проектов, реализуемых в Арктике. Несмотря на то что окончательно преференции еще не утверждены, уже ясно, какими они будут и кто их получит.

Примечательно, что действие льгот распространят на всех инвесторов, как отечественных, так и иностранных. «Почти во всех крупных проектах участвуют и иностранные компании, — заявил Юрий Трутнев. — Мы будем работать вместе. Систему преференций мы создаем без деления на российские и иностранные. Она касается инвесторов в Арктику. Кто вкладывается, будет подпадать под систему преференций, она абсолютно универсальна».

Сама система включает в себя два варианта. Первый связан с предоставлением преференций на срок от 10 до 15 лет в зависимости от величины инвестиционного проекта и предусматривает нулевые ставки платежей по налогу на прибыль, имущество, землю, налог на добычу полезных ископаемых.

В АРКТИКЕ СОСРЕДОТОЧЕНА ОСНОВНАЯ ДОЛЯ ОБЩЕРОССИЙСКИХ И ОБЩЕМИРОВЫХ ЗАПАСОВ НЕФТИ И ГАЗА — ОТ 60 ПРОЦЕНТОВ, ПО ДАННЫМ РАН

За последние 10 лет спрос на газ вырос на 40%. или на 1477 млрд кубометров, собственная добыча выросла на 1,7 трлн кубометров, торговля — с 1134 до 1778 млрд, или 57%. Раньше СПГ составляло примерно 30%, к 2025 году вырастет до 51%, к 2040 году — до 70%. 10 лет назад странами-экспортерами СПГ являлись лишь 7–8 стран, столько же — потребителями, в 2018 году — 40, в 2019-м — 42. Дальнейший дополнительный спрос составит от 300 до 350 млн тонн в период до 2035 года. Россия может занять 30–40% этой ниши.

Второй предусматривает сниженные ставки, например, 7% от 20 возможных по налогу на прибыль и примерно такие же — в две трети величины налога — скидки по остальным налогам, но зато на весь срок действия проекта. По словам Трутнева, бизнесу второй вариант понравился больше, «он лучше и для регионов, потому что дает возможность получать средства в бюджет уже с самого начала реализации инвестпроекта».

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ В АРКТИКЕ

Действие дальневосточных институтов развития (Корпорации по развитию Дальнего Востока, Агентства по привлечению инвестиций и поддержке экспорта и других) будет распространено и на Арктическую зону, объявил Президент РФ Владимир Путин. Однако никаких отдельных территорий опережающего развития по аналогии с действующими на Дальнем Востоке в Арктике создаваться не будет. «Мы всю Арктику будем считать преференциальной территорией. Это будет действовать по всем новым проектам объемом свыше 5 млн рублей. Мы хотели бы выделить четыре группы проектов. Это добыча углеводородов на шельфе, добы-

ча углеводородов на континентальной части, производство сжиженного природного газа и все проекты, которые не вошли в первые три группы, — сказал Трутнев. — Для каждой из этих групп будут разработаны свои преференциальные оболочки, причем по первым трем, поскольку количество субъектов экономической деятельности ограничено — не многие занимаются в Арктике проектами по добыче углеводородного сырья и производства СПГ, мы постараемся учесть пожелания компаний и предложить такие условия преференций, которые обеспечат им эффективную экономическую деятельность».

Предварительно, по словам вице-преьера, Минфин поддержал эти предложения. «Значительно более сложное отношение у него по соцстраху и к налоговому вычету по геологоразведке и объектам инфраструктуры. Основное поле боя будет вокруг этих показателей», — уточнил Трутнев. Окончательные предложения будут подготовлены и представлены в Правительство в ближайшее время, сказал вице-премьер.

Автор: Елена Березина

РАЗВИТИЕ СЕВМОРПУТИ

«Арктика — это прежде всего развитие Северного морского пути как центрального проекта, — заявил вице-премьер Максим Акимов. — Мы давно перешагнули советскую отметку 6 млн тонн по СМП, мы вышли на 20 млн тонн, выйдем и на 80. Мы решим поставленную в указе президента задачу, мы будем двигаться дальше. Именно поэтому мы сейчас работаем над планом по развитию инфраструктуры до 2035 года. Мы видим СМП прежде всего как современный мультимодальный цифровой логистический коридор».

See below for the English version of the article

IN THE RUSSIAN ARCTIC, EVERYBODY WILL BE ALLOWED TO DRILL

It should push the demand for liquefied natural gas

New investments, especially in geological exploration, are necessary for the Arctic, and, therefore, as Deputy Prime Minister and Presidential Plenipotentiary in the Far Eastern Federal District Yuri Trutnev says, the Government will officially propose lifting the moratorium on the development of the Arctic shelf. And Dmitry Kobytkin, Minister of Natural Resources and Ecology of Russia, confirms everything is possible if the required documents are prepared on time.

GAZPROM AND ROSNEFT WILL HAVE TO MOVE OVER

Russia intends to intensify its economic activity in the Arctic zone. The register of prospective projects to be implemented in the Russian Arctic zone already has 119 entries. The majority of those projects are connected, one way or another, with the production of hydrocarbons.

The bulk of Russia's and the world's oil and gas reserves are concentrated in the Arctic — 60 percent or more, according to the Russian Academy of Sciences. Private companies have no access to the Arctic shelf; only those enterprises which are 50 percent or more owned by the state and have at least five-year experience of working on the shelf are allowed to exploit the subsoil there. In addition, this narrow circle has been narrowed

Earlier, the president instructed the Ministry for the Development of the Far East and the Arctic to submit a draft law to the government on measures of state support for the Arctic projects until July 1, 2019. And by September 1 the Government should ensure that long-term legally binding agreements be entered into with cargo shippers on the volume and cost of transportation of goods along the Northern Sea Route (NSR). The prospects for the development of that waterway, without exaggeration, became the main topic of the forum.

even further by the moratorium on issuing new licenses, in force since 2016. Currently, such licenses are held only by Gazprom and Rosneft. However, this year the moratorium may be lifted. At the Fifth International Arctic Forum, «The Arctic: A Territory of Dialogue», Deputy Prime Minister and Presidential Plenipotentiary in the Far Eastern Federal District Yuri Trutnev said the government would officially propose lifting the moratorium on the development of the Arctic shelf. And Minister of Natural Resources and Ecology of Russia Dmitry Kobylykin noted that everything was possible if the required documents were made on time.

The Arctic needs new investments, especially in exploration. Currently, estimates on volumes of hydrocarbons on the Arctic shelf vary from 50-60 billion tons of oil equivalent to 100 billion, says Maxim Nechaev, Director for Consulting at IHS Markit Russia. «Natural gas reserves in the Russian Arctic zone amount to 53.4 trillion cubic meters,» says Alexander Novak, Minister of Energy, «Today Russia produces 725 billion cubic meters of gas, of which 83 percent is produced in the Arctic zone. That gas is competitive, despite the fact that it is produced in the Arctic zone, because of the low cost of production, very good quality of natural resources, and their occurrence.» Besides, the Arctic potential is huge, at least another 20 percent of oil and gas resources remain undiscovered, says Peter Stewart, Chief Energy Analyst at Interfax Global Energy.

STATE SUPPORT FOR ARCTIC INVESTMENT PROJECTS

Lifting the moratorium as early as this year became one of the key news stories at the Arctic Forum. The second was the package of state support measures for investment projects to be implemented in the Arctic. Despite the fact that the final set of preferences has not yet been approved, it is already clear what kind of preferences they will be and who will get them. Notably, the benefits will extend to all investors, both domestic and foreign. «Almost all large projects involve foreign companies,» Yuri Trutnev said. «We will be working together. We will create a system of preferences without dividing them into Russian and foreign ones. It will concern any investors in the Arctic. Those who invest

will fall under the system of preferences, it will be absolutely universal.»

The system itself includes two options. The first relates to the grant of preferences for the period from 10 to 15 years depending on the size of the investment project and provides for zero tax rates for profit, property, land, and mineral extraction taxes. The second provides for reduced tax rates, for example, 7, percent profit tax, instead of 20, and similar discounts, two-thirds of the tax amount, on other taxes, for the entire duration of the project. According to Trutnev, businesses preferred the second option, «and the regions preferred it as well, because it allows them to get funds for their budgets as soon as the implementation of the investment project commences.»

ARCTIC DEVELOPMENT INSTITUTIONS

The influence of the Far Eastern development institutions (Far East Development Corporation, Far East Investments and Export Agency and others) will be extended to the Arctic zone, said Russian President Vladimir Putin. However, no separate priority development areas will be created in the Arctic, by analogy with those operating in the Far East. «We will regard the entire Arctic as a preferential territory. It will apply to all brand-new projects worth in excess of five million rubles. We would like to highlight four groups of projects: the production of hydrocarbons on the shelf, the production of hydrocarbons on the continental part, the production of liquefied natural gas, and all the projects that are not included in the first three groups,» said Trutnev. «For each of these groups, preference packages will be developed, and for the first three groups, because the number of economic actors is limited — few are engaged in hydrocarbon extraction and LNG production projects in the Arctic, we will try to take into account the companies' wishes and offer them preferences on such terms as to ensure their effective operation.»

According to Deputy Prime Minister, the Ministry of Finance has tentatively supported those proposals; «it has a more complex attitude towards social insurance and tax deduction on exploration and infrastructure, the main battle will be raging around those indicators,» Trutnev said. The final proposals will be prepared and submitted to the government in the nearest future, Deputy Prime Minister said.

Author: Elena Berezina

DEVELOPMENT OF THE NORTHERN SEA ROUTE

«The Arctic is, above all, the development of the Northern Sea Route as a central project,» said Deputy Prime Minister Maxim Akimov. «We have long surpassed the Soviet record cargo traffic of six million tons transported via the NSR, we have reached 20 million tons, we will reach 80. We will solve the task set by the presidential decree, we will be moving forward. That is why we are now working on a plan for the development of the infrastructure until 2035. We see the NSR mainly as a modern multimodal digital logistics corridor.»

ВИТТЕ.

ГЕНИЙ ВОЗМОЖНОГО

170 лет назад, 17 июня 1849 года в Тифлисе родился Сергей Юльевич Витте, выдающийся государственный деятель России, экономист, член Императорского вольного экономического общества. Характеризуя деятельность Витте, еще один выдающийся член ВЭО П. Б. Струве писал: «Экономический гений Витте следует искать не в плохих трактатах по политической экономии, написанных чужими руками, а в государственном творчестве, свободном от пут доктрин и с какой-то державной легкостью разрешавшем трудности, перед которыми останавливались мудрецы и знатоки».

УЛЬТРАРУССКИЙ, УЛЬТРАДВОРЯНСКИЙ И УЛЬТРАМОНАРХИЧЕСКИЙ

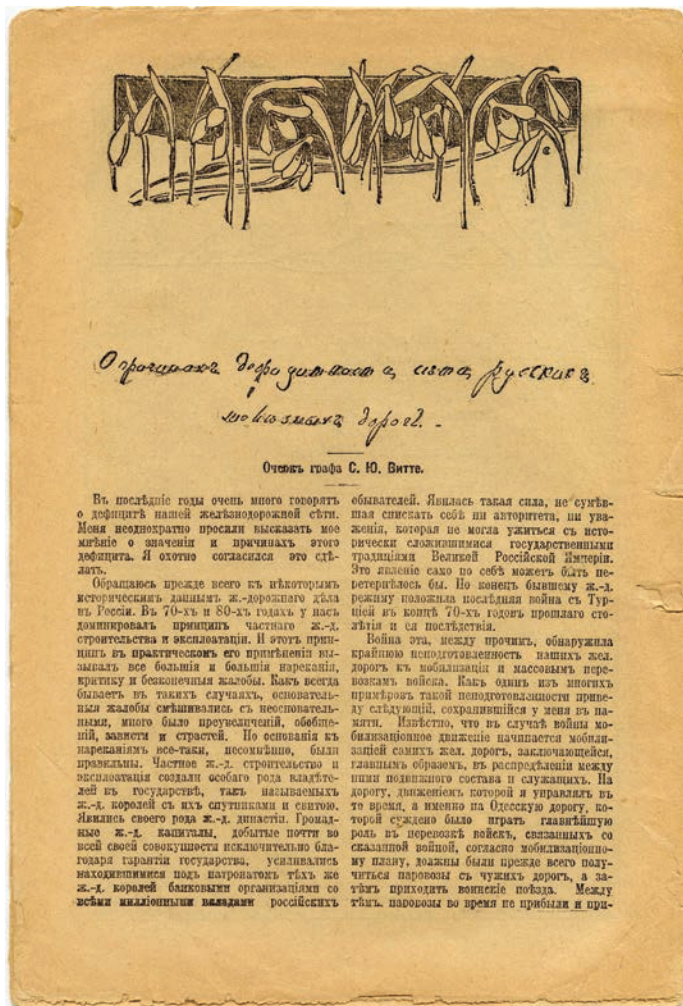
Приведенное в начале суждение Петра Бернгардовича Струве тем более ценно, что либеральный экономист, представитель легального марксизма писал так о человеке, которого характеризовали как ультрарусского, ультрадворянского и ультрамонархического. И все эти ультра, несомненно, прилагались к Витте, по обстоятельствам рождения.

Вот что писал об этих обстоятельствах сам Витте в «Воспоминаниях»: «Отец мой, Юлий Федорович Витте, был директором департамента государственных имуществ на Кавказе. Мать, Екатерина Андреевна Фадеева, — дочь члена главного управления наместника кавказского Фадеева. Фадеев был женат на княжне Елене Павловне Долгорукой, последней из старшей отрасли князей Долгоруких, происходящей от Григория Федоровича Долгорукова, сенатора при Петре I, брата знаменитого Якова Федоровича Долгорукова».

В 1866 году Сергей поступил в Новороссийский университет в Одессе на физико-математический факультет. Учился с завидной прилежностью,

«МЫ, РУССКИЕ, В ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ, КОНЕЧНО, ШЛИ НА БУКСИРЕ ЗАПАДА, А ПОТОМУ У НАС ЗНАЧЕНИЕ ЕЁ ЗАКОНОВ ПРИНЯЛО НЕЛЕПОЕ НАПРАВЛЕНИЕ»

было всего 50 лет. При жизни они неудачно поместили деньги в компанию Чиатурских копей, потерявшую крах, так что семья осталась без средств к существованию. Сергею надлежало взять на себя часть забот о матери и двух сестрах. А хорошую стартовую зарплату молодой специалист мог получить и в то время только в высокотехнологическом секторе — на железной дороге. Помогла протекция министра путей сообщений графа В. А. Бобринского, хорошего знакомого деда Фадеева; он как раз хотел набрать на службу в свое ведомство группу математиков — выпускников университетов, рассчитывая сделать из них специалистов по финансовой части железнодорожного дела.

ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ К НАУКЕ

За 15 лет работы на железной дороге Витте поднялся по служебной лестнице от билетного кассира (он сам решил начать с этой незначительной должности для приобретения опыта) до управляющего Юго-Западными железными дорогами. Его коньком стали железнодорожные тарифы: кандидат математики, он помнил наизусть целые таблицы цифр и впоследствии написал исследование об основных принципах формирования тарифов.

В это же время Витте задумывается над теоретическими проблемами, обращается к трудам классиков политической экономии и наконец в 1889 году публикует книгу «Национальная экономия и Фридрих Лист». Витте считал, что России уготован самобытный путь в экономике. В теории Листа как раз уделялось внимание национальным особенностям экономических систем. Пропагандируя учение Листа, Витте подчеркивал, что не отрицает выводов Адама Смита и Давида Рикардо. Однако, по его мнению, творцы классической политической экономии создали науку, которую было бы правильнее назвать не политической, а космополитической экономией. Между тем сама жизнь ежедневно опровергает универсальность их аксиом, факты доказывают, что у каждой национальной экономики есть свой, во многом уникальный путь.

Витте изумлялся доктринам, намеревавшимся

ВИТТЕ ИМЕЛ ДЕРЗОСТЬ ОГРАНИЧИТЬ

скорость царского поезда. «Государю sloмают голову», — сказал он. Больше никто не решился сделать этого, и близ станции Борки царский поезд потерпел крушение.

выделяясь среди товарищей и поражая успехами профессоров. «...Я занимался и днем и ночью, — вспоминал он, — и поэтому всё время пребывания моего в университете я действительно был в смысле знаний самым лучшим студентом». Он думал о научно-преподавательской карьере и, оканчивая университетский курс, подготовил диссертацию по высшей математике «Выяснение понятий о пределах».

В семье неприязненно относились к планам Сергея насчет профессуры, считая ее недворянским делом в отличие от государственной службы, которая может дать прочное положение в обществе. Да тут еще и семейные обстоятельства. В годы его учения в университете умерли дед Фадеев и отец, которому

В последние годы очень много говорят о достоинстве нашей железнодорожной сети. Меня неоднократно просили высказать мое мнение о значении и причинах этого дефицита. Я охотно согласился это сделать.

Обратился прежде всего к историческим источникам: историю ж.-д. транспорта в России. В 70-х и 80-х годах у нас доминировал принцип частного ж.-д. строительства и эксплуатации. И этот принцип в практическом его применении вызывал все большие и большие нарекания, критику и бесконечные жалобы. Бывало всякая блажь в том же случае, основательными жалобами сталкивались с некомпетентными, много было преувеличений, обещаний, заветов и страстей. Но основания их нареканий все-таки, несомненно, были правдивы. Частное ж.-д. строительство и эксплуатация создали особого рода владычество в государстве, так называемых ж.-д. баронов с их спутниками и слугами. Являясь своего рода ж.-д. династия. Грандиозные ж.-д. капиталы, добытые почти во всей своей совокупности исключительно благодаря гарантии государства, усиливались накопившимися под прикрытием тех же ж.-д. баронов банковскими организациями со всеми миллионными выгодами российских

обывателей. Являлся такая сила, не сумевшая смириться с собой ни авторитета, ни уверенности, которая не могла ужиться с исторически сложившимися государственными традициями Великой Российской Империи. Это явление само по себе может быть перестерялось бы. Но концы бышему ж.-д. режиму положила последняя война с Турцией в конце 70-х годов прошлого столетия и ее последствия.

Война эта, между прочим, обнаружила крайнюю неподготовленность наших ж.-д. дорог к мобилизации и массовым перевозкам войск. Какъ один из многих примеров такой неподготовленности приведу случайный, сохранившийся у меня в памяти. Известно, что в случае войны мобилизация движением начинается мобилизация самих ж.-д. дорог, заключающейся, главным образом, в распределении между ними подвижного состава и служащих. На дороге, движением которой и управлял в это время, а именно на Одесскую дорогу, которой суждено было играть главную роль в перевозке войск, связанная со сказанной войной, согласно мобилизационному плану, должны были прежде всего получиться паровозы с чужих дорог, а затем приходило во внимание прибавить и при-

проводить реформы с помощью учебников политической экономики. «Мы, русские, — с сарказмом писал он, — в области политической экономии, конечно, шли на буксире Запада, а потому при царствовавшем в России в последние десятилетия беспочвенном космополитизме нет ничего удивительного, что у нас значение законов политической экономии и житейское их понимание приняли нелепое направление. Наши экономисты возымели мысль кроить экономическую жизнь Российской империи по рецептам космополитической экономики. Результаты этой кройки налицо». Главный вывод Витте: общие экономические принципы непременно должны «получить видоизменение, соответствующее различным национальным условиям».

Экономические воззрения управляющего частной железной дорогой не имели бы никакого значения, если бы не одно обстоятельство. Буквально через несколько месяцев после того, как Витте счел необходимым систематизировать свои взгляды, он начал свою государственную деятельность, и его экономическое кредо вскоре легло в основу правительственной политики.

ГОСУДАРЮ СЛОМАЮТ ГОЛОВУ

Резкий поворот в карьере Витте во многом произошел благодаря случайности. В качестве управляющего Юго-Западных железных дорог он имел дерзость ограничить скорость движения царского поезда, вызвав возмущение придворных. «Государю непременно сломают голову», — бросил он своим оппонентам в присутствии царя. На других дорогах управляющие были менее строптивыми и поезд гоняли на двух локомотивах с бешеной скоростью до тех пор, пока близ станции Борки не произошло крушение. Семья императора Александра III спаслась чудом. Тогда-то и вспомнили о предупреждении Витте.

В марте 1889 года Витте был назначен директором Департамента железнодорожных дел и вопреки всем канонам Табели о рангах сразу произведен в «генеральский» чин действительного статского советника.

При назначении на эту должность Витте имел личную беседу с государем. Александр III, осведомленный, что при переходе на государственную службу Витте второе потеряет в зарплате, распорядился выплачивать ему помимо штатного казенного оклада еще один, такой же, из средств императорской фамилии.

1 января 1893 года Александр III назначил его министром финансов с одновременным производством в тайные советники. Карьера 43-летнего Витте достигла своей вершины.

Это сегодня в России за сельское хозяйство отвечает одно министерство, за промышленность — дру-

гое, за экономику — третье. А Витте, заняв кресло министра финансов, получил власть над всем: ему теперь, кроме финансов, были подчинены Департамент железнодорожных дел, торговля, промышленность, сельское хозяйство; он мог оказывать влияние на решение самых важных вопросов. Вчерашний панславист, славянофил, убежденный сторонник самобытного пути развития России в короткий срок превратился в индустриализатора европейского образца и заявил о своей готовности в течение короткого срока вывести Россию в разряд передовых промышленных держав.

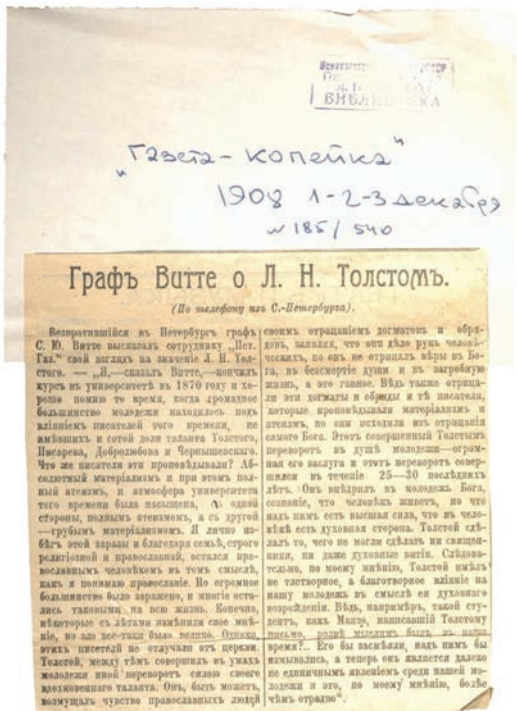
Постом министра финансов политическая биография Витте не закончилась, покинув его в 1903 году, Сергей Юльевич сделал еще немало для России, но в этом очерке мы ставим себе целью рассмотреть экономические воззрения Витте, поэтому и перейдем к ним, оставив в стороне дальнейшую хронологию его жизни.

ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА ВИТТЕ:

- десятирублевая золотая монета новой чеканки представляла собой основную монету России и законное средство платежа, золотые монеты чеканки по закону 1885 года были обязательны к приему по всем платежам до изъятия их из обращения по соотношению 1 руб. = 1 руб. 50 коп. в золотой монете новой чеканки;
- государственные кредитные билеты имели силу законного средства платежа и включались в пассив банка, их обмен на золото осуществлялся по курсу 1 руб. 50 коп. кредитных за 1 руб. золотом, или 66 копеек золотом за кредитный рубль, что соответствовало среднему курсу рубля и соотношению расчетного баланса, сложившегося в годы перед реформой;
- эмиссия кредитных билетов осуществлялась Государственным банком только для коммерческих операций банка, до 1 млрд руб. кредитные билеты обеспечивались золотом на 50%, свыше 1 млрд руб. — полностью;
- все обязательства по правительственным и частным займам, заключенные в металлических рублях до этого закона, остались неизменными, то есть подлежали оплате новыми рублями в полуторном размере.

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА

Среди реформ Витте наиболее эффектен и завершен опыт стабилизации российского рубля. Денежная реформа в России готовилась достаточно долго и заняла в целом примерно 15–17 лет. Значительный вклад в ее проведение внесли три предшествующих министра финансов — М. Рейтерн, Н. Бунге и И. Вышнеградский. Витте продолжил и завершил их дело. Обстоятельства благоприятствовали новому министру: на подъеме была промышленность; шел бурный процесс железнодорожного строительства;

ГРАФ ПОЛУСАХАЛИНСКИЙ

После унижительного поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. Витте был назначен первым уполномоченным на переговорах с японцами, проходивших в американском городке Портсмут в августе 1906 года. Витте пришлось проявить большое дипломатическое искусство, чтобы свести к минимуму потери России. В сущности, за столом переговоров Витте даже вернул часть потерянного на полях сражений. И тем не менее ему пришлось согласиться на уступку южной части Сахалина, уже захваченной японцами. После подписания мира Сергею Юльевичу был дарован графский титул, но недоброжелатели тут же окрестили его «графом Полусахалинским». Сам же Витте в своих мемуарах писал: «Единственную существенную уступку в смысле инструкции Государя, мне данной, которая была сделана, это уступка южного Сахалина, и ее сделал сам Государь. Эта честь принадлежит лично Его Величеству...»

торговый баланс имел устойчивое положительное сальдо; золотой запас государства к началу денежной реформы увеличился вдвое, до 645,7 млн руб.

В ответ на высокие пошлины на русский хлебный экспорт Витте провел через Государственный совет закон, в соответствии с которым тарифные ставки были признаны минимальными лишь для тех стран, которые придерживались режима наибольшего благоприятствования в отношениях с Россией. Германия, главный потребитель русского хлеба, такого режима не придерживалась, и ее экспорт в Россию облагался пошлиной по повышенной ставке. Германия была вынуждена пойти на уступки. В 1894 году был заключен новый торговый договор.

В марте 1896-го Витте вошел с окончательным проектом денежной реформы в Финансовый комитет, а в апреле — в Государственный совет.

Если в Комитете финансов основные положения проекта были одобрены, то в Государственном совете они встретили почти единодушное неприятие. В такой ситуации Витте решил обойти Госсовет и обратился непосредственно к царю. Это сработало.

Первый закон «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет» был подписан Николаем II на следующий день после совещания, 3 января 1897 года. Были выпущены 10-рублевые золотые монеты — имперiales, равнявшиеся 15 рублям кредитными билетами, и 5-рублевые — полуимперiales, равнявшиеся 7,5 рубля кредитными билетами. Следующим актом стал указ от 29 августа 1897 года об основах эмиссии кредитных билетов. По сравнению с ранее планировавшейся суммой выпуска кредитных билетов, обеспеченных золотом на 50%, в размере 1 млрд руб., она была уменьшена до 600 млн руб. Наконец, 27 августа 1898 года был подписан указ об основах обращения серебряной монеты. Ей была

отведена роль вспомогательных денег, что явилось и определенной уступкой сторонникам биметаллизма.

Реформа не носила конфискационный характер, как это часто бывало в истории России, и была комфортна для людей: фактически сложившийся на рынке курс между казначейскими билетами и их золотым содержанием сохранялся. Не было и замены денежных знаков, пересчета цен и обязательств.

Денежная реформа проходила в условиях острой полемики между ее сторонниками и противниками. За реформу выступали представители промышленности и торговли. Меры по стабилизации рубля и система покрытия банкнот совпадали с завершением формирования российского национального рынка и зарождением финансового капитала. Начался процесс сращивания промышленного и банковского капитала.

Против денежной реформы выступало дворянство и кулачество. Реформа лишала их дешевых русских денег, которыми оно расплачивалось со своими рабочими, получая цену своего хлеба за границей дорогим европейским золотом.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

За время промышленного подъема 90-х годов, с которым совпала деятельность Витте, промышленное производство фактически удвоилось, в строй вступило около 40% всех действовавших к началу XX века предприятий и было построено столько же железных дорог, в том числе великая Транссибирская магистраль, в сооружении которой Витте внес немалый личный вклад.

Железнодорожное строительство велось казной, взявшей на себя проведение линий стратегической

важности, и частными компаниями. За 10 лет работы Витте на посту министра финансов протяженность железнодорожных магистралей возросла почти вдвое — с 29,4 тыс. до 54,2 тыс. верст. Железнодорожное хозяйство стало эффективным инструментом экономического роста. Оно значительно усилило подвижность населения, что облегчало обрабатывающей промышленности приобретение рабочих рук, содействовало росту городов за счет деревни.

К достижениям Витте нужно отнести упорядочение тарифного дела, в котором он был выдающимся специалистом. Политика устойчивости тарифных ставок свидетельствовала о том, что их определение производилось правильно. Снижение пассажирских тарифов, особенно на значительные расстояния, способствовало развитию пассажирского транспорта, снизив его убыточность.

В итоге Россия по важнейшим экономическим показателям приблизилась к ведущим капиталистическим странам, заняв пятое место в мировом промышленном производстве, почти сравнявшись с Францией. Но все же отставание от Запада и в абсолютных показателях, и особенно по потреблению на душу населения, оставалось еще весьма значительным.

Много внимания Витте уделял подготовке кадров для промышленности и торговли. К 1900 году были учреждены три политехнических института, 73 коммерческих училища, учреждены или реорганизованы несколько промышленно-художественных заведений, в том числе знаменитое Строгановское училище технического рисования, открыты 35 училищ торгового мореплавания.

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Возглавив в 1902 году Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, Витте смог глубже разобраться в крестьянском вопросе и наметить возможности его решения. Царь утвердил сеть созданных при особом совещании губернских и уездных комитетов. Всего было создано 82 губернских и областных комитета и 536 уездных и окружных комитетов, в которые вошли около 12 тысяч человек. Преобладающую долю в них занимали дворяне: в губернских комитетах их было 66% (крестьян 2%), в уездных 52% принадлежало дворянам и чиновникам при доле крестьян 17%.

Подводя итоги работы Особого совещания, Витте признает, что «преуспевание сельскохозяйственной промышленности ближайшим образом зависит от такого правового положения нашего крестьянства, которое содействовало бы развитию в нем духа хозяйственной предприимчивости и самостоятельности; вне этого, а также просвещения крестьянской среды, всевозможные меры в области экономики и техники сельского хозяйства принесут, по мнению комитетов, лишь ничтожную пользу».

Главное препятствие подобным преобразованиям заключалось в сохранении общины. При этом Витте, лавируя между традицией и необходимостью преобразований, деликатно подчеркивает, что «принцип неприкосновенности общины должен быть совмещен с возможностью выхода из нее отдельных крестьян».

Обобщая предложения созданных при Особом совещании комитетов, Витте подчеркивает, что община не предупреждает развитие пролетаризации, а, напротив, ускоряет ее. Временное землепользование воспитывает самые хищнические приемы эксплуатации земли и сводится к тому, чтобы «спахать побольше, хотя и как-нибудь», кормовые угодья уничтожаются, а то, что остается, лишено всякого ухода. Призывая к свободному выделению крестьян из общины, Витте говорит о том, что целесообразно содействие выделяющим-

ТРУДОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Нарастание стачечного движения побудило правительство заняться усовершенствованием фабричного законодательства. При активном участии Витте были разработаны и приняты законы об ограничении рабочего времени на предприятиях (2 июня 1897 года), о вознаграждении рабочих, потерявших трудоспособность в результате несчастного случая на производстве (2 июня 1903 года), о введении на фабриках и заводах института фабричных старост (10 июня 1903 года). При Витте заработал институт фабричных инспекторов, которые контролировали и техническое состояние производства, и исполнение законов о нормах и охране труда.

ся из общины со стороны правительства и общества.

Однако изложенные им, хотя и в достаточно деликатной форме, меры по новому обустройству крестьянского быта вызвали сопротивление дворянского сословия. Витте отстранили от руководства работой Особого совещания. В том же 1903 году Витте был смещен с поста министра финансов. Прошло всего полтора года, и Петр Столыпин приступил к реализации заложенных и обоснованных Витте предложений. Поэтому Витте всегда считал, что Столыпин «обокрал» его и не мог писать о нем без личной неприязни.

WITTE, THE GENIUS OF THE POSSIBLE

Sergei Yulievich Witte, the eminent Russian statesman, economist and a member of the Imperial Free Economic Society, was born in Tiflis on June 17, 1849, 170 years ago. Describing Witte's activities another prominent member of the VEO, P.B. Struve, wrote: "The economic genius of Witte should be sought not in poor treatises on political economy, written by someone else's hands, but in a statesman's creativity, free from the fetters of doctrines and solving with a tremendous ease the difficulties that baffled sages and scholars."

COUNT HALF-SAKHALIN

After the humiliating defeat of Russia in the Russian-Japanese war of 1904-1905 Witte was appointed the first authorized representative for negotiating with the Japanese. The negotiations took place in Portsmouth, United States of America, in August 1906. Witte had to display considerable diplomatic skill to minimize Russia's losses. In fact, at the negotiating table Witte even managed to return part of what had been lost in battle. And still, he had to agree to the concession of South Sakhalin, already captured by the Japanese. After the signing of peace, Sergei Yulievich was granted the title of count, but his enemies immediately dubbed him "Count Half-Sakhalin". Witte himself wrote in his memoirs: "The only significant concession that was made, in the sense of the Sovereign's instructions given to me, was the concession of South Sakhalin, and the Sovereign himself made it. That honor belongs personally to His Majesty..."

They had unsuccessfully invested money in the Chiatura Mining Company which went belly-up, and the family was left without means of livelihood. Sergei was supposed to take on a share of responsibility for his mother and two sisters. At that time, a young specialist could get a good starting salary only in the high-tech sector, railroading. Sergei had help from the Minister of Ways of Communication V.A. Bobrinsky, a good friend of grandfather Fadeyev; he was just looking to recruit a group of mathematicians — university graduates to serve in his ministry, hoping to make them specialists in railway finance.

ULTRA-RUSSIAN, ULTRA-NOBLE AND ULTRA-MONARCHISTIC

Pyotr Bergardovich Struve's words quoted above are all the more valuable because the liberal economist and legal Marxist gave such a characteristic to a person who had been described as ultra-Russian, ultra-noble and ultra-monarchistic. Of course, Witte was entitled to all those "ultras" by birthright.

Here is what Witte himself wrote about those circumstances in his memoirs: "My father, Yuli Fyodorovich Witte, was the Director of the Department of State Property in the Caucasus. Mother, Ekaterina Andreevna Fadeyeva, was the daughter of a member of the Main Board of the Viceroy of the Caucasus, Fadeyev. Fadeyev was married to Princess Yelena Pavlovna Dolgoruky, the last representative of the older branch of the Princes Dolgoruky descended from Grigori Fyodorovich Dolgorukov, a Senator under Peter I, brother of the famous Yakov Fyodorovich Dolgorukov."

In 1866, Sergei enrolled at the Novorossiysk University in Odessa, the Faculty of Physics and Mathematics. He studied with enviable diligence, standing out among his comrades and commanding respect among the faculty for his numerous successes. "... I worked day and night," he recalled, "and therefore all my time at the university I was really the best student in the sense of knowledge." He contemplated a career in research and teaching and, having completed the university course, he prepared a thesis in higher math entitled "On Infinitesimal Quantities".

The family disliked Sergei's plans regarding his academic career, considering it to be an occupation unfit for a nobleman, unlike the public service which could win him a firm position in society. Family matters interfered as well. While he studied at the university, both of the Fadeyevs, grandfather and father who was only 50 years old, died.

BY RAIL TO SCIENCE

During his fifteen years in railroading, Witte rose through the ranks from a ticket teller (he himself decided to start from this minor position to gain experience) to the manager of the Southwestern Railroads. The railway tariffs became his specialty: a candidate of mathematics, he remembered by heart whole tables of numbers and subsequently wrote a study on the basic principles of tariff formation.

At the same time, Witte pondered theoretical problems, read the classics of political economy, and finally, in 1889, published the book National Economy and Friedrich List. Witte believed that Russia had its own way in terms of economy. In List's theory, attention was paid to national peculiarities of economic systems. Promoting List's teachings, Witte emphasized he did not deny the conclusions of Adam Smith and David Ricardo. However, in his opinion, the creators of classical political economy had created a science that was in fact cosmopolitan, rather than political, economy. Meanwhile, life itself was refuting the universality of their axioms on the daily basis, and facts proved every national economy had its own way, unique in many aspects.

Witte marveled at doctrinaires who intended to carry out reforms relying on political economy textbooks. "We, Russians," he wrote sarcastically, "went in tow of the West in the field of political economy, of course, and therefore given the groundless cosmopolitanism that reigned in Russia in recent decades, it is not surprising that the meaning of the laws of political economy and their everyday understanding took a ridiculous twist in this country. Our economists conceived of the idea of cutting the economic life of the Russian Empire to the recipes of cosmopolitan economy. The results of this cutting are obvious." Witte's main conclusion: the general economic principles

must necessarily be “modified according to differing national conditions”.

The economic views of the manager of a privately owned railroad would be of no importance if it were not for one circumstance. Just a few months after Witte found it necessary to systematize his views, he began his career as a statesman, and his economic credo soon became the basis of the government policy.

“THEY WILL GET THE SOVEREIGN’S NECK BROKEN...”

A sharp turn in Witte’s career was largely due to chance. As the manager of the Southwestern Railroad he had the audacity to limit the speed of the royal train, causing outrage among the courtiers. “They will surely get the sovereign’s neck broken,” he replied to his opponents in the presence of the tsar. On the other railroads, the managers were less obstinate, and the train was usually driven by two locomotives at a breakneck speed until a disaster occurred near Borki train station. The emperor Alexander III’s family was saved by a miracle. That was when he remembered Witte’s warning.

In March 1889 Witte was appointed director of the department of railway affairs and, contrary to all the canons of the Table of Ranks, he was immediately promoted to the rank of actual state councilor equated to a general’s rank.

When appointed to that position, Witte had a personal conversation with the sovereign. Alexander III, knowing that because of his transition to the civil service Witte would lose two thirds of his salary, ordered that in addition to the official government salary he be paid another one of the same size from the coffers of the imperial family.

On January 1, 1893, Alexander III appointed him Minister of Finance with simultaneous promotion to the rank of secret councilor. Witte’s 43 year long career reached its peak.

In today’s Russia, one ministry is responsible for agriculture, another for industry, and a third for economy. In contrast, Witte, being the Minister of Finance, was in charge of everything: besides finance, he was put in charge of the department of railway affairs, trade, industry, and agriculture; He was able to influence the resolution of the most important issues. Yesterday’s Panslavist, Slavophile, and a staunch supporter of Russia’s own way of development was rapidly turning into a European-style industrializer and proclaiming his willingness to bring Russia into the fold of advanced industrial powers in a short time.

The post of the Minister of Finance was not the end of Witte’s political biography; having stepped down in 1903, Sergei Yulievich did quite a lot of good for Russia, but in this essay our intent is to examine Witte’s economic views, so we will look into them leaving aside the further chronology of his life.

MONETARY REFORM

Among Witte’s reforms, the most effective and complete was the experience of stabilizing the Russian ruble. It took a long time, approximately 15-17 years, to prepare a monetary reform in Russia. A significant contribution to its implementation was made by the previous finance ministers, M. Reiter, N. Bunge and I.

Vyshnegradsky. Witte continued and completed their work. Circumstances favored the new minister: industry was on the rise; the process of railway construction proceeded at a rapid pace; the trade balance had a steady surplus. By the time the monetary reform began, the government’s gold reserves had doubled to 645.7 million rubles.

In response to the high import duties imposed on Russia’s grain exports, Witte passed a law through the State Council, according to which minimal tariff rates were applied only to those countries which adhered to the most favored regime in relations with Russia. Germany, the main consumer of Russian grain, did not adhere to such a regime, and its exports to Russia were subject to an increased state duty. Germany was forced to make concessions. In 1894, a new trade agreement was made.

In March 1896, Witte presented the final draft of the monetary reform to the Finance Committee, and in April to the State Council.

Although the main provisions of the project were approved by the

WITTE’S MONETARY SYSTEM:

- The newly minted gold coin was to become Russia’s main coin and legal tender; gold coins minted according to the 1885 law were accepted for all payments until their withdrawal from circulation at the rate of 1 ruble = 1 ruble 50 kopecks of the new coinage;
- State credit notes represented legal tender and were included in bank’s liabilities; they could be exchanged for gold at the rate of 1 ruble 50 kopecks in credit notes per 1 ruble in gold, or 66 gold kopecks per one-ruble credit note, which corresponded to the average exchange rate of the ruble and the liability balance ratio established in the years before the reform;
- The emission of credit notes was carried out by the State Bank only for the bank’s commercial operations, credit notes were 50% gold-backed up to 1 billion rubles, and 100% gold-backed in excess of 1 billion rubles;
- All obligations under government and private loans in metal rubles which arose prior to the enactment of the law remained unchanged, i.e. were subject to repayment in new rubles at the rate of one and a half times their previous value.

Finance Committee, they were met with almost unanimous disagreement in the State Council. In such a situation, Witte decided to bypass the State Council and appeal directly to the tsar. It worked.

The first law “On Minting and Putting Gold Coins into Circulation” was signed by Nicholas II the day after the meeting, on January 3, 1897. Released were ten-ruble gold coins, dubbed Imperials, equaling 15 rubles in credit notes, and 5-rubles, Half-Imperials, equaling 7.5 rubles in credit notes. The next act was the August 29, 1897 decree on the fundamentals of issuing credit notes. Compared with the previously proposed 1 billion-ruble issue of 50% gold-backed credit notes, the amount was reduced to 600 million rubles. Finally, on August 27, 1898, a decree was signed on the fundamentals of silver coin circulation. The silver coin was assigned the role of ancillary money, which was a kind of concession to the adherents of bimetalism.

The reform was not confiscatory in character, as it often happened in the history of Russia, and was as comfortable as possible for the people: in fact the market exchange rate between the treasury bills and their gold content remained the same. There was no replacement of currency, recalculation of prices and obligations.

The monetary reform was being implemented amidst strong controversy between its supporters and opponents. The reform was supported by representatives of industry and commerce. The ruble stabilization measures and the banknote coverage system coincided with the completion of the formation of the Russian national marketplace and the emergence of financial capital. The process of the merging of industrial and banking capital began.

Gentry and kulaks opposed the monetary reform. The reform deprived them of cheap Russian money which they used to pay off their workers while selling their grain abroad for expensive European gold.

INDUSTRIAL POLICY

During the industrial rise of the 1890s, which coincided with Witte's active period, industrial production practically doubled, about 40% of the enterprises active at the beginning of the 20th century were put into operation, and as many railways were built including the great Trans-Siberian Railway, to the construction of which Witte made a considerable personal contribution.

Railway construction was carried out both by the government, which took upon itself the construction of lines of strategic importance, and private companies. Over the 10 years of Witte's stint as the Minister of Finance, the length of railway lines almost

behind the West in absolute terms, especially per capita consumption.

Witte paid much attention to training specialists for industry and commerce. By 1900, three polytechnic institutes and 73 commercial schools were established, several industrial art institutions were established or reorganized, including the famous Stroganov School of Technical Drawing, 35 merchant shipping schools were opened.

AGRICULTURAL TRANSFORMATION

Having become the head of the Special Council on the Needs of Agriculture in 1902, Witte was able to gain a deeper understanding of the peasant question and to outline the possibilities for its solution. The tsar approved the network of provincial and district committees established under the Special Council. A total of 82 provincial and regional committees and 536 district and circuit committees were created, with the membership of nearly 12,000 people. The committees were dominated by gentry: their share was 66% in the provincial committees (with the share of peasants being 2%), 52% of members of the district committees were gentry and government officials, with the share of peasants being 17%.

Summing up the work of the Special Council, Witte admitted that "the prosperity of the agricultural sector depends in the closest way on whether our peasantry's legal status is capable of promoting the spirit of economic enterprise and initiative within its ranks; without that, as well as without the education of the peasantry, any sorts of measures in the field of agricultural economy and technology will bring, in the opinion of the committees, only an insignificant benefit."

The main obstacle to such a transformation was the preservation of the peasant community. At the same time, Witte, maneuvering between tradition and the need for transformation, delicately emphasized that "the principle of the inviolability of the peasant community must be combined with the possibility for individual peasants to leave it."

Summarizing the proposals of the committees created under the Special Council, Witte emphasized that instead of preventing the development of proletarianization, the community accelerated it. Temporary land use brought up the most destructive methods of farming (they boiled

down to the "plow as much as possible, and come what may" principle), the forage lands were being destroyed, and what remained was deprived of any care. Calling for the free separation of peasants from the community, Witte argued it was advisable for the government and society to support peasants who were leaving the community.

However, the measures for a new arrangement of peasant life outlined by Witte, albeit in a rather delicate manner, were opposed by gentry. Witte was removed from directing the work of the Special Council. In 1903, that same year, Witte was dismissed from the post of Minister of Finance. Eighteen months later Pyotr Stolypin set about implementing the proposals that had been laid down and substantiated by Witte. Therefore, Witte always believed that Stolypin had "robbed him" and could not write about him without personal dislike.

LABOR LAW

The growth of the workers' strike movement prompted the government to improve the factory legislation. With the active participation of Witte, laws were written and adopted on limiting the working hours in enterprises (June 2, 1897), on remunerating workers who lost their ability to work as a result of an industrial accident (June 2, 1903), on introducing factory supervisors (June 10, 1903). Witte introduced the institution of factory inspectors, who supervised both the technical condition of production facilities and the implementation of the labor regulations and the health and safety laws.

doubled — from 29.4 thousand to 54.2 thousand miles. The railway industry became an effective instrument of economic growth. It greatly reinforced the mobility of the population, which made it easier for the manufacturing industry to hire workers and contributed to the growth of cities at the expense of the countryside.

Witte's achievements included the streamlining of the tariff policy, in which he was an outstanding specialist. The ability to pursue a policy of sustainability of tariff rates indicated that the rates were being correctly determined. The lowering of passenger tariffs, especially over considerable distances, contributed to the development of passenger transport by reducing its losses.

As a result, Russia, in terms of its most important economic indicators, closed the gap separating it from the leading capitalist countries, taking fifth place in global industrial production, almost equaling France. But nevertheless, it still significantly lagged

АПРЕЛЬ, 300 ЛЕТ НАЗАД

В апреле 1719 вышла книга с длинным названием: «Жизнь и необычайные удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, который прожил двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устья реки Ориноко, куда был он выброшен после кораблекрушения, а вся остальная команда погибла. С добавлением рассказа о том, как он в конце концов удивительно был спасен пиратами. Написано им самим».

можно добиться трудолюбием и силой разума в экстремальных условиях. Эта идея привлекала к книге многие умы в истории.

Например, выдающийся французский мыслитель Руссо, один из тех, кто своими идеями подготовил Великую французскую буржуазную революцию, совершившуюся на исходе XVIII столетия под лозунгами свободы, равенства, братства. Роман Дефо сыграл роль в этой подготовке. Идея добротности человека, его воли к труду и преобразованию мира была подкреплена Руссо как примером книгой о человеке на острове.

От этого названия в памяти человечества осталось короткое название книги «Робинзон Крузо», да и то по объему и содержанию сокращенной до детского варианта. Дефо, вероятно, и не подозревал, что описал в книге основные принципы экономики индивида.

АКАДЕМИК НЕКИПЕЛОВ

использовал модель Робинзона для разьяснения основ экономического поведения индивида.

Даниэль Дефо хорошо знал историю Александра Селькирка, шотландского моряка, который провел 4 года и 4 месяца (в 1704–1709 годах) на необитаемом острове Мас-а-Тьерра (ныне — Робинзон-Крузо в составе архипелага Хуан-Фернандес) в Тихом океане, в 640 километрах от побережья Чили. Селкирк был необразован, буен и груб, ему не удалось обустроить свою жизнь на острове, спасший его экипаж встретил вполне одичавшее существо. Дефо поставил перед собой другую творческую задачу: посмотреть, чего в подобных условиях может достичь джентльмен, человек образованный и хорошо происхождения. Дефо надеялся своего героя необходимыми ресурсами и показал, чего

В середине прошлого века американский философ и публицист Генри Торо, сделавшись робинзоном по собственной воле, правда, не в океане, а в лесу, описал свой опыт в книге «Жизнь в лесу». В споре с торгашеским преуспеянием, страсть к которому охватила его соотечественников, Торо развернул критику буржуазной цивилизации. Оспаривая блага, даваемые богатством и комфортом, он доказывал, что человек способен во имя своей же пользы обойтись очень немногим.

Ситуация Робинзона привлекает исследователей и в наши дни.

Александр Некипелов, академик РАН, в своем труде «Общая теория рыночной экономики» сделал начальным пунктом исследования для чистой экономической теории модель «робинзонады». Ее анализу целиком посвящен первый раздел книги — «Основы экономического поведения индивида». На этом уровне анализа в качестве подлинных издержек, которые несет «робинзон», рассматривается само время его жизни, расходуемое на производственную деятельность и досуг. Соответственно стоящая перед изолированным индивидом задача сводится к максимизации уровня благосостояния при помощи оптимального распределения времени между различными видами производственной деятельности и досуга. Опираясь на известные из микроэкономики аксиомы в отношении человеческих предпочтений и производственной деятельности, автор показывает, как решается эта задача, в том числе с учетом возможной ограниченности ресурсов, фактора времени, а также условий неопределенности.

А вы говорите — детская книжка.

24

Мая, 200 лет назад

24 мая 1819 года в семье Эдуарда, герцога Кентского, четвертого сына британского короля Георга III, родилась дочь Александрина Виктория. Ничто не предвещало, что ей предстоит стать королевой Соединенного королевства Великобритании и Ирландии и императрицей Индии. После рождения Виктория была пятой в линии наследования после ее отца и трех его старших братьев. Но вмешался случай — все умерли. Сначала в 1820 году ее отец Эдуард и король Георг III. Потом умерли три старших брата ее отца, не оставив легитимных детей. 20 июня 1837 года умер ее последний дядя, Вильгельм IV, и Виктория стала королевой Великобритании. За месяц до этого ей исполнилось 18 лет, и регента при ней не было. Ее правление продлилось 63 года, семь месяцев и два дня.

Дольше нее царствует только нынешняя британская королева Елизавета II.

Викторианская эпоха стала периодом промышленного, культурного, политического, научного и военного развития Великобритании и временем наибольшего расцвета Британской империи. Причиной такого успеха не в последнюю очередь стало отсутствие у Виктории амбиций управлять государством и экономикой, назначать премьера вопреки воле парламента, начинать войны.

В правление Виктории продолжился постепенный переход правительства к современной системе конституционной монархии. Реформы избирательной системы увеличили

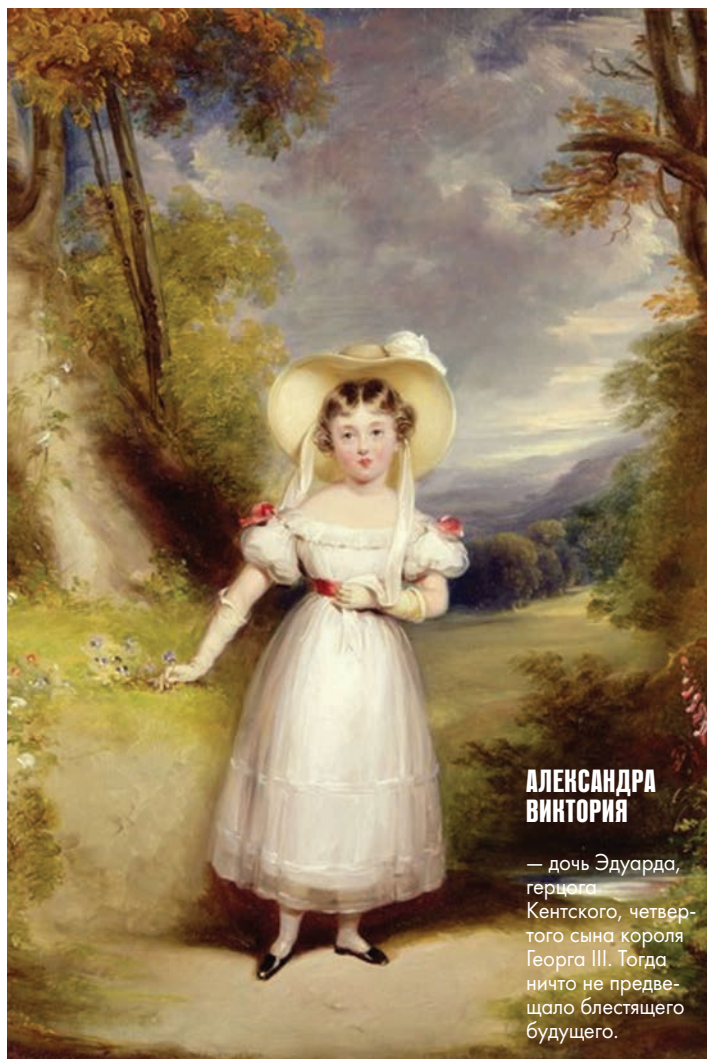
влияние Палаты общин и, напротив, уменьшили силу Палаты лордов и монарха. В 1867 году Уолтер Бэджет написал, что монарх сохранил только «право советовать, право воодушевлять и право предостерегать». При Виктории монархия стала играть более символическую, нежели политическую роль, Виктория уделяла большое внимание морали и семейным ценностям, в отличие от предыдущих членов Ганноверской династии, сексуальные, финансовые и личные скандалы вокруг которых дискредитировали монархию. Установилась идея «семейной монархии», за которой пошел средний класс.

В 40-х годах XIX века в основных отраслях английской промышленности окончательно победило фабричное производство, еще в 1830 году даже в наиболее развитой отрасли

производства — хлопчатобумажной промышленности — число ручных станков в три раза превышало число механических. В последующие два десятилетия ручное ткачество почти совершенно исчезло. Такой же процесс происходил и в других отраслях производства. Ширилось применение паровых машин. В текстильной промышленности мощность паровых двигателей возросла с 1834 по 1850 год в 3,5 раза. Быстрыми темпами шла концентрация производства, увеличивались размеры фабричных предприятий.

Для промышленного развития Англии этих лет характерным был быстрый рост машиностроения и станкостроения. Создание точных и высокопроизводительных строгальных, токарных, фрезерных, штамповальных станков облегчало труд и улучшало качество продукции. Английские станки и машины по своему качеству и дешевизне не имели себе равных. Англия стала поставщиком машин для всех стран мира. Огромное значение для английской экономики имело разви-

АЛЕКСАНДРА ВИКТОРИЯ

— дочь Эдуарда, герцога Кентского, четвертого сына короля Георга III. Тогда ничто не предвещало блестящего будущего.

время как в крупных городах Франции жило в эти годы только 10,5% населения.

Процесс индустриализации находил отражение и в постепенном сокращении удельного веса сельского хозяйства в экономике страны. Вместе с тем быстрое развитие промышленности и городов стимулировало спрос на продукты сельского хозяйства и ускоряло перестройку сельского хозяйства на капиталистических началах. В результате огораживаний вся общинная пахотная земля к 30 годам XIX века перешла в собственность крупных землевладельцев; в последующие десятилетия были огорожены и перешли в собственность лендлордов также и общинные пустоши. Концентрация земельной собственности достигла огромных масштабов в середине 30-х годов в руках 35 тысяч крупных землевладельцев сосредоточилось около половины всего земельного фонда страны.

АНГЛИЙСКИЙ ЭКСПОРТ УВЕЛИЧИЛСЯ С 1830 ДО 1849 Г. В ЧЕТЫРЕ РАЗА, ПОЧТИ ЦЕЛИКОМ — ИЗ ФАБРИЧНЫХ ТОВАРОВ

тие транспорта, в особенности железных дорог. К 1850 году длина железнодорожной сети достигала почти 10 тысяч км. Железные дороги ускорили превращение английской экономики в единое целое и облегчили включение отдельных районов страны в мировую торговлю.

Завершение промышленного переворота выдвинуло Англию на первое место в мировом промышленном производстве и торговле. Английский вывоз

увеличился с 1830 до 1849 года более чем в четыре раза. Он почти целиком складывался из фабричных товаров. Напротив, ввоз состоял в основном из промышленного сырья для фабрик и продуктов продовольствия для населения. Англия превращалась в промышленную «мастерскую мира». Промышленное развитие вело к росту городского населения. В 1851-м более трети населения Англии проживало в крупных городах, в то

10 ИЮНЯ,

160 ЛЕТ НАЗАД

10 июня 1859 года родился Эммануил Нобель, выдающийся российский инженер и нефтепромышленник. Да-да, мы не оговорились, российский, хотя и был Эммануил Людвигович этническим шведом. Судите сами: родился в Санкт-Петербурге в семье купца первой гильдии Людвиг Нобеля, в Петербурге получил среднее образование в школе Святой Анны, в 1889 году принят в российское подданство, а в 1909-м удостоен чина действительного статского советника. Вся его деятельность была связана с Россией и на благо России.

Назван он был в честь деда, основателя династии Нобелей, талантливого инженера, кото-

Эммануиловича Нобеля, Эммануил возглавил механический завод «Людвиг Нобель», известный после 1917 года как «Русский дизель». Это было самое современное и передовое машиностроительное предприятие России. Одновременно Эммануил Нобель возглавил предприятия товарищества нефтяного производства «Братья Нобель» в России.

Автором идеи начать нефтяной бизнес был Роберт Нобель, дядя Эммануила, впервые увидевший нефтепромыслы Баку в 1873 году во время поездок по югу Российской империи в поис-

До Эммануила Нобеля нефть в Баку добывали ведрами на веревках и возили в бочках на ишаках. А вот что он ввел на нефтяных промыслах в 90-е годы XIX века:

- первый российский нефтепровод;
- первые в мире цилиндрические резервуары-нефтехранилища (некоторые из них используются до сих пор);
- первые российские нефтеналивные суда (пароход «Зороастр»);
- первый в мире теплоход (танкер «Вандал»), причем это был и первый дизель-электроход;
- самостоятельную разработку и внедрение в России ранее отсутствующих вагонов-цистерн;
- первую в России собственную сбытовую сеть для нефтепродуктов с собственным транспортом, нефтебазами, с собственной фирменной упаковкой;
- первую в России электростанцию для силовых, а не только осветительных, нужд.

Для решения всех этих задач Нобель привлекал лучших российских ученых и инженеров. Техническая инфраструктура была поручена выдающемуся инженеру Владимиру Григорьевичу Шухову. Его разработки в области добычи, транспортировки и переработ-

ки нефти совершили революцию в отрасли, а многие изобретения используются по сию пору. Идеологию полного использования сырой нефти разработал для Нобелей Дмитрий Иванович Менделеев. Он всегда жаловался, что Нобели не оценивают возможности нефти до конца; они выбрасывали много остаточных продуктов, так как их интересовал только керосин. Но именно Эммануила Нобеля Менделееву удалось убедить, что в составе нефти нет непригодного вещества и можно использовать все компоненты.

Важнейшим коммерческим успехом было вытеснение с рынка американского керосина («фотогена»), ранее на нем господствующего, и превращение керосина в недорогой общедоступный продукт. Сильное снижение себестоимости было достигнуто в числе прочего за счет развитого транспорта, перевозившего нефтепродукты наливом, а не в деревянных бочках, как было общепринято ранее. В 1909 году хорошо налаженная логистика позволяла компании продавать половину всего керосина бакинского производства при собственной доле в производстве только 20%. В торговле керосином компания делала ставку на массовых небогатых потребителей, и керосином начали пользоваться, хотя и не сразу, даже в крестьянской среде.

рый перебрался в Санкт-Петербург в 1842 году и создал здесь свою промышленную империю на оборонных заказах русского правительства. В Крымскую войну скорострельные пушки Нобеля защищали бастионы Севастополя, а мины Нобеля блокировали подходы вражеских кораблей к Кронштадту и Свеаборгу.

С 1888 года, после смерти своего отца Людвиг

как ореховой древесины для ружейных прикладов винтовок системы Бердана, которые братья производили на заводах в Ижевске. Нефтяная компания была убыточна, пережила близость к банкротству несколько раз. Спасителем выступал третий брат, Альфред, поддерживая компанию средствами из собственных источников. Тот самый, изобретатель динамита и основатель Нобелевской премии.

APRIL, 300 YEARS AGO

In April 1719, a book with a long title was published: “The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe, of York, Mariner: Who lived Eight and Twenty Years all alone in an uninhabited Island on the Coast of America, near the Mouth of the Great River of Oroonoke; Having been cast on Shore by Shipwreck, wherein all the Men perished but himself. With an Account how he was at last as strangely delivered by Pyrates. Written by Himself.”

Of this lengthy title readers remember but a brief version, “Robinson Crusoe”, and the version of book they’d read is often an abbreviated one, intended for children. Defoe, probably, did not even suspect that what he had described in the book was the basic principles of the economy of the individual.

Daniel Defoe knew very well the story of Alexander Selkirk, a Scottish sailor who spent 4 years and 4 months (in 1704-1709) on the uninhabited island of Mas a Tierra (now Robinson Crusoe, part of the Juan Fernandez Archipelago) in the Pacific Ocean, 640 kilometers off the coast of Chile. Selkirk was an uneducated, wild and rude person, he was not able to find a proper way to live on the island, and the crew that saved him had to deal with a completely feral creature. Defoe set himself another creative task: to find out what an educated gentleman of good descent can achieve under such conditions. Defoe supplied his hero with the necessary resources and demonstrated what can be achieved by diligence and strength of intellect in extreme conditions. Historically, that idea compelled many thinking people to read the book.

For example, the famous French thinker Rousseau, a man whose ideas ushered in the great French bourgeois revolution which took place at the end of the 18th century under the motto

“Freedom, Equality, Fraternity”. Defoe’s novel played a role in the preparation of the revolution. The idea of the natural goodness of man, his will to work and transform the world was supported by Rousseau who cited the book about a man on an island as an example.

In the middle of the last century, the American philosopher and publicist Henry Thoreau, having become a Robinson of his own free will, although not in the ocean but in the woods, described his experience in the book entitled Life in the Woods. Questioning the need for materialistic success, which his compatriots seemed to crave, Thoreau launched a criticism of bourgeois civilization. Challenging the benefits of wealth and comfort, he argued that man in fact needed very little, and must rely only on himself for his own good.

The Robinson case continues to attract researchers even now. Alexander Nekipelov, Academician of the Russian Academy of Sciences, in his work The General Theory of Market Economy made the Robinson model a starting point of research for a pure economic theory. The whole first section of the book The Basics of the Economic Behavior of the Individual is devoted to the analysis of the model. At such level of analysis, the time of life spend on production and leisure activities is considered as the true costs incurred by Robinson. Accordingly, the task facing an isolated individual is to maximize the level of well-being with the help of an optimal distribution of time among different types of production and leisure activities. Relying on the axioms known from microeconomics with regard to human preferences and production activities, the author shows how this problem is solved, particularly given the possible scarcity of resources, the time factor, and the overall uncertainty.

And you call it a children’s book!

June 10, 160 YEARS AGO

Emmanuel Nobel, an outstanding Russian engineer and oilman, was born on June 10, 1859. Yes, we said Russian, although Emmanuel Lyudvigovich was an ethnic Swede. Judge for yourself: he was born in St. Petersburg to the family of the first guild merchant Ludvig Nobel. He received secondary education in St. Petersburg at St. Anne’s school. In 1889 he was accepted into Russian citizenship, and in 1909 he was awarded the rank of state councilor. All his activities were connected with Russia and were for the benefit of Russia.

He was named in honor of his grandfather, the founder of the Nobel dynasty, a talented engineer who moved to St. Petersburg in 1842 and built his industrial empire by fulfilling defense orders of the Russian government. During the Crimean War, Nobel’s quick-firing guns were used to defend the bastions of Sevastopol, and Nobel’s mines blocked the approaches of enemy ships to Kronstadt and Sveaborg.

In 1888, after the death of his father Ludvig Emmanuilovich Nobel, Emmanuel headed the Ludvig Nobel Mechanical Factory, known as Russian Diesel after 1917. It was the most modern and advanced machine-building enterprise in Russia. At the same time, Emmanuel Nobel headed the enterprises of the Nobel Brothers Petroleum Production Association in Russia.

It was Robert Nobel, Emmanuel’s uncle, who came up with the idea of starting oil business. He first saw the oil fields of Baku in 1873 during his trips across the south of the Russian Empire in search of walnut timber for Berdan rifle butts, which the brothers produced at the factories in Izhevsk. The petroleum company was unprofitable; it was close to bankruptcy several times. It was the third brother, Alfred Nobel, who saved the day by supporting the company with funds from his own sources. The inventor of dynamite and the founder of the Nobel Prize.

Before Emanuel Nobel, oil in Baku was extracted with buckets on ropes and transported in barrels by donkeys. In the 1890s he was responsible for the

following innovations:

- Russia's first oil pipeline;
- The world's first cylindrical storage tanks (some of them are still in use);
- Russia's first oil tankers (the steamer Zoroaster);
- The world's first motor ship (the tanker ship Vandal), and it was also the world's first diesel-electric vessel;
- Independent development and introduction of tank cars previously nonexistent in Russia;
- Russia's first sales network for petroleum products with its own transport, tank farms, and with its own branded packaging;
- Russia's first power plant for power machinery, not just for lighting needs.

To solve all these problems, Nobel hired Russia's top scientists and engineers. The technical infrastructure was entrusted to the outstanding engineer, Vladimir Grigorievich Shukhov. His work in the field of oil production, transportation and refining revolutionized the industry, and many of his inventions are used to this day. The ideology of complete use of crude oil was developed by Dmitry Ivanovich Mendeleev for the Nobels. He often complained that the Nobels failed to fully appreciate the potential of oil; they threw away a lot of residual products since they were only interested in kerosene. But it was Emanuel Nobel whom Mendeleev was able to convince there were no unwanted substances in the composition of oil, so all the components could be used.

The most important commercial success was achieved when American kerosene ("photogen") was driven from the market which it had previously dominated. Kerosene was transformed into an inexpensive and affordable product. A strong cost reduction was achieved, among other things, due to the development of bulk oil transportation facilities (tankers, tank cars, kerosene pipelines) to replace wooden barrels that were commonly used. In 1909, a streamlined logistics system allowed the company to sell half of the kerosene produced in Baku, with its own share in production being merely 20%

In its kerosene trade, the company relied on low-income consumers. Even peasants eventually began using kerosene. To increase demand, the company actively distributed cheap kerosene lamps. The company's presence in the provinces allowed the company in the 1910s to start meeting the growing demand for motor gasoline outside the major cities. In addition, the company was known for its staffing police which was quite advanced for its time: it created its own system of vocational education, built comfortable housing. It operated its own medical service led by Martha, one of Emmanuel's sisters, a medical doctor by training.

Emmanuel Nobel left Russia in the summer of 1918 after the nationalization of his enterprises. Having left Russia, Nobel gradually distanced himself from the family business. He died in Sweden on May 31, 1932.

MAY 24, 200 YEARS AGO

On May 24, 1819, a daughter was born in the family of Prince Edward, Duke of Kent, the fourth son of the British monarch George III. Her name was Alexandrine Victoria. Nothing foretold that she was to become Queen of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the empress of India. After her birth, Victoria was fifth in the line of succession after her father and his three older brothers. But the chance intervened: they all died. First, her father Edward and King George III in 1820. Then her father's three older brothers died, leaving no legitimate heirs. On June 20, 1837, her last uncle, Wilhelm IV, died and Victoria became Queen of Great Britain. A month before, she turned 18, so she needed no regent. Her reign lasted 63 years, seven months and two days. Only the current British Queen, Elizabeth II, reigns longer.

The Victorian era was a period of industrial, cultural, political, scientific and military development of Great Britain and the time of the greatest prosperity of the British Empire. This success could be explained, not least of all, by Victoria's lack of ambition to manage the state and the economy, to appoint the prime minister against the will of the parliament, or to start wars.

During the reign of Victoria the government continued its gradual transition to the modern system of constitutional monarchy. Electoral reforms increased the influence of the House of Commons and, on the contrary, reduced the power of the House of Lords and the monarch. In 1867, Walter

Bagehot wrote that the monarch retained only "the right to be consulted, the right to encourage, and the right to warn." Under Victoria, the monarchy began to play a role which was more symbolic than political. Victoria paid great attention to moral and family values, unlike the previous members of the Hanover dynasty riddled with sexual, financial and personal scandals which discredited the monarchy. The idea of a "family monarchy" took shape and was accepted by the middle class.

In the 1840s, factory production became dominant in England's major industries, yet in 1830 in the cotton industry, which was the most developed, the number of hand-operated cotton-spinning machines exceeded the number of mechanical machines by a factor of three. In two subsequent decades almost all hand-operated cotton spinning machinery became obsolete. The same process went on in other industries. Steam engines became widespread. In the textile industry the capacity of steam engines increased 3.5 times between 1834 and 1850. The concentration of production proceeded at a fast pace, and the sizes of factories kept increasing.

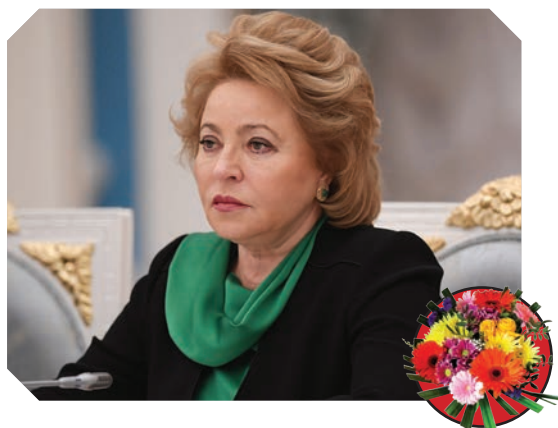
At that point, fast growth of mechanical engineering and the machine tool industry was characteristic of the industrial development of England. Invention of precise and high performance planing, turning, milling, and stamping machine tools made work easier and improved the quality of products. English tools and machinery were unequalled in terms of price and quality. England began supplying machinery to all countries of the world.

Development of transport, especially railways, was essential for English economy. By 1850 the length of the railway network was nearly ten thousand kilometers. Railways sped up the further transformation of English economy into a single whole and eased the involvement of the country's regions in global trade.

The completion of the industrial revolution thrust England into the leading position in global industrial production and trade. Between 1830 and 1849, English exports increased more than four times. They almost entirely consisted of factory goods. In contrast, the imports consisted mainly of industrial raw materials for factories and food products for the population. England was turning into a "global workshop".

ДНИ РОЖДЕНИЯ

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА МАТВИЕНКО

**РОДИЛАСЬ 7 АПРЕЛЯ
В ШЕПЕТОВКЕ, УКРАИНСКАЯ ССР**

Валентина Ивановна Матвиенко — одна из самых ярких личностей в современной российской политике. Дипломат, первая женщина — губернатор Петербурга, первая женщина в кресле председателя Совета Федерации, единственная женщина — постоянный член Совета безопасности РФ, ее по праву можно назвать выдающимся хозяйственным руководителем и государственным деятелем.

Окончив в 1972 году Ленинградский химико-фармацевтический институт, Валентина Ивановна мечтала поступить в аспирантуру, стать ученым, но карьеру в науке пришлось отложить ради партийной линии, где она хорошо зарекомендовала себя.

Начинала карьеру в Ленинградском областном комитете комсомола, в котором в 1981 году стала первым секретарем. В 1986 году Валентина Ивановна заняла должность зампредела исполкома городского Совета народных депутатов Ленинграда — курировала вопросы образования и культуры, а в 1989 году стала народным депутатом СССР. В 1991–1994 годах занимала пост чрезвычайного и полномочного посла СССР (а затем России) в Республике Мальта, а по возвращении возглавила отдел по связям с регионами при МИДе. С 1998 года в течение пяти лет оставалась заместителем председателя правительства.

Среди достижений Валентины Ивановны на посту губернатора Петербурга, который она занимала в 2003–2011 годах, отмечают пятикратный рост бюджета и объема промышленного производства, увеличение иностранных инвестиций в 7,5 раза и строительство 21 млн кв. м жилья, что позволило на треть сократить очередь нуждающихся в улучшении жилищных условий, а также реализацию масштабных инфраструктурных проектов. Свидетельство ее заслуг в должности губернатора города — почетный знак «За особый вклад в развитие Санкт-Петербурга».

В 2011 году Валентина Ивановна была избрана председателем Совета Федерации, став первой женщиной на этой государственной должности. Газета «Коммерсант» отмечает, что «на посту председателя СФ Валентина Матвиенко неустанно вела борьбу за повышение статуса палаты, была одним из немногих высокопоставленных политиков, кто критиковал правительственных чиновников публично, например, заявляла, что органам исполнительной власти «не хватает воли и умения оперативно реагировать на ситуацию», критиковала работу Минэкономки и систему, при которой у регионов забирают деньги, «а потом в ручном режиме делают красивые жесты».

«Если взялись, занимайтесь, а не можете — займитесь другим делом. Каждый должен нести свой чемодан», — ее слова, обращенные в январе этого года к главе Рослесхоза, который, по мнению спикера Совета Федерации, за восемь лет работы в ведомстве не смог решить проблемы, связанные с незаконной вырубкой лесов, характеризуют подход Валентины Ивановны к работе.

«Она всегда нацелена на конкретный результат» и «не боится отстаивать свое мнение, даже если оно отличается от мнения коллег», и это выделяет ее среди российских политиков, отметил в марте Президент Владимир Путин, который высоко ценит профессиональные качества и бескомпромиссность Валентины Ивановны.

В марте председатель Совета Федерации была удостоена высшей государственной награды РФ — ордена Святого апостола Андрея Первозванного.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ, редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Валентину Ивановну с юбилеем.

50
лет

АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ГРОМЫКО

Директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, член Президиума ВЭО России, член Координационного совета Международного союза экономистов, д. полит. н., профессор

**РОДИЛСЯ 20 АПРЕЛЯ
1969 ГОДА В МОСКВЕ, СССР**

Для Алексея Анатольевича, внука одного из самых известных дипломатов в истории страны, сына еще одного выдающегося дипломата, казалось, двери были открыты в самый престижный в то время МГИМО, а дорога проложена в самые престижные посольства, но он выбирает научную карьеру — поступает на истфак МГУ им. М. В. Ломоносова, занимается новейшей историей Великобритании и в 1997 году защищает диссертацию «Политический реформизм в Великобритании» в Институте сравнительной политологии РАН. В начале 2000-х переходит в Институт Европы РАН, где возглавляет Центр британских исследований, в 2005-м защищает докторскую — «Модернизация партийно-политической системы Великобритании», а с 2014-го — директор Института.

Одновременно с напряженной работой на должности директора и другой административной деятельностью в РАН Алексей Анатольевич находит время на активную экспертную и научную деятельность, регулярно публикуя новые исследования и выступая на российских и зарубежных площадках. Алексей Анатольевич известен не только как один из ведущих отечественных специалистов по Великобритании, но и как ученый, много сделавший для становления отечественного сообщества европейцев.

С 2010 года Алексей Анатольевич возглавляет российскую Ассоциацию европейских исследований — крупнейшее профессиональное объединение, в рамках которого работают более 400 исследователей-европейцев, а это больше, чем в американской ассоциации, с гордостью отмечает ученый.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ, редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Алексея Анатольевича с юбилеем.

70
лет

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ СОСКОВЕЦ

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов, президент Российского союза товаропроизводителей, президент Ассоциации финансово-промышленных групп России, д. т. н., профессор

**РОДИЛСЯ 11 МАЯ 1949 ГОДА
В ТАЛДЫ-КУРГАНЕ, КАЗАХСКАЯ ССР**

Олег Николаевич окончил в 1971 году завод-втуз при Карагандинском металлургическом комбинате по специальности инженер-металлург и в том же году пришел на комбинат вальцовщиком листопркатного цеха, где проработал следующие 20 лет. Олег Николаевич прошел все ступени от простого мастера до генерального директора комбината.

Благодаря выдающимся управленческим навыкам Олег Николаевич занимал руководящие посты в правительстве трех крупных государств: Советского Союза, Казахстана и России. В 1991 году Олег Николаевич был назначен министром металлургии СССР, в 1992-м — министром промышленности Республики Казахстан, а в 1993-м — первым заместителем председателя Совета Министров России.

Энергичный и целеустремленный политик, он отдал многие годы возрождению экономического роста страны. В успехах, которые достигнуты сегодня в развитии промышленного сектора экономики, без сомнения, есть немалая заслуга Олега Николаевича.

Оставив государственную службу, Олег Николаевич занимается общественной деятельностью, представляя интересы отечественных промышленников и предпринимателей в качестве главы Российского союза товаропроизводителей и Ассоциации финансово-промышленных групп России.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ, редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Олега Николаевича с юбилеем.

85
лет

ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ЯСИН

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), директор Экспертного института при Российском союзе промышленников и предпринимателей, д. э. н., профессор

РОДИЛСЯ 7 МАЯ 1934 ГОДА В ОДЕССЕ, УКРАИНСКАЯ ССР

Известный экономист и государственный деятель, в прошлом — министр экономики Российской Федерации, Евгений Григорьевич окончил Одесский государственный гидротехнический институт в 1957 году, получив профессию инженера по строительству мостов. Начинил карьеру мастером на мостопоезде, работал инженером в Проектном институте № 3 Госстроя УССР.

В 1963 году Евгений Григорьевич получил второй диплом — экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, а в 1968-м — окончил аспирантуру.

В течение 16 лет Евгений Григорьевич заведовал лабораторией Центрального экономико-математического института Академии наук СССР и много сделал для экономической науки.

Евгений Григорьевич внес большой вклад не только в экономическую науку, но и экономическое развитие страны. В 1989 году был назначен завотделом Государственной комиссии по экономической реформе при Совете министров СССР, в 1992-м — представлял интересы президента Бориса Ельцина в Верховном Совете РФ, в 1994-м — занял пост главы аналитического центра при президенте России и в том же году возглавил Министерство экономики РФ.

Дмитрий Медведев высоко оценил заслуги Евгения Григорьевича перед страной. «Вы один из тех, кто

стоял у истоков формирования рыночной экономики современной России. Принимая участие в создании целого ряда стратегических программ, Вы смогли привести в них эффективные экономические модели и самый передовой мировой опыт», — отметил премьер-министр.

Профессиональные достижения Евгения Григорьевича были признаны не только на родине, но и за границей. Ученый — член Европейской академии наук, профессор Цзилиньского университета и почетный доктор Университета Бирмингема.

Уже более 20 лет Евгений Ясин занимает пост научного руководителя НИУ «Высшая школа экономики». Студенты знают и любят его как талантливого педагога, вырастившего не одно поколение экономистов.

Кроме научной работы, Евгений Григорьевич ведет активную общественную деятельность, являясь президентом фонда «Либеральная миссия», задача которого — развитие и распространение либеральных ценностей и идей в России. «Символ настоящего глубинного либерализма в его лучшем смысле» — так отзываются о Евгении Григорьевиче коллеги-ученые.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ и редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Евгения Григорьевича Ясина с юбилеем.

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ НИКОЛАЕВИЧА ЦАГОЛОВА (11.09.1940 — 08.04.2019)

8 апреля 2019 года в Москве на 79 году жизни скончался Георгий Николаевич Цаголов, доктор экономических наук, действительный член Сената Вольного экономического общества России, член Координационного совета Международного союза экономистов, профессор Международного университета в Москве, член Союза писателей России, академик РАЕН.

Георгий Николаевич избрал карьеру экономиста, продолжая дело отца, Николая Александровича Цаголова, видного советского экономиста, который развивал экономическую теорию социализма, создал теоретическую систему производственных отношений социализма, где ключевую роль отдавал планомерности. Георгий Николаевич до последних дней отстаивал, в том числе и на собраниях Вольного экономического общества, те же идеи, ставшие в последнее время вновь актуальными.

Окончив с отличием экономический факультет МГУ, в 1965 году Цаголов защитил кандидатскую под руководством профессора Станислава Меньшикова, изучавшего государственно-монополистический капитализм США. Георгий Николаевич читает лекции в МГУ, обладая литературным талантом, много пишет и в научные, и в центральные издания как международник, выступает с докладами на международных конференциях в разных странах. В начале 1970-х консультирует ректора Высшей административной школы в Браззавиле, Конго.

В Институте общественных наук при ЦК КПСС защитил докторскую диссертацию и получил профессорское звание, одновременно исследуя военно-промышленный комплекс США в качестве старшего научного сотрудника в Институте США и Канады АН СССР.

По результатам научной работы пишет несколько книг об американском милитаризме, которые вызвали большой интерес и были переведены за рубежом. В 1987 году в Праге заведовал отделом в журнале «Проблемы мира и социализма».

С 1990-х годов успешно и активно занимался бизнесом и общественной деятельностью, а с 2000-х возвращается в науку и публицистику: как профессор и ученый-публицист критикует нерегулируемую рыночную систему экономики России, выступает за совмещение механизмов рыночной и плановой экономики — выдвинул концепцию нового интегрального общества. Энергии Цаголова могли бы позавидовать многие молодые ученые: до последних дней он работал профессором Международного университета в Москве, был доктором Азербайджанского государственного экономического университета, постоянно выступал в докладах в ВЭО России, Институте экономики РАН, Институте Европы РАН, Финансовом университете при Правительстве РФ, много пишет, публикуется.

ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ — АВТОР 15 МОНОГРАФИЙ, КНИГ И СОТЕН СТАТЕЙ.

Будем с большой теплотой вспоминать Георгия Николаевича и постараемся, вместе с его учениками и родными, сохранить его научное наследие и продолжить важное направление его исследований — о возможности создания интегрального общества в современном мире.

Президиум ВЭО, президиум МСЭ, редакция журнала «Вольная экономика»

BIRTHDAYS

Valentina Ivanovna Matvienko

**BORN ON APRIL 7 IN SHEPETOVKA,
UKRAINIAN SSR**

Valentina Ivanovna Matvienko is one of the most prominent figures in modern Russian politics. A diplomat, the first female governor of St. Petersburg, the first woman to assume office as Chair of the Federation Council, the only woman who is a permanent member of the Security Council of the Russian Federation, she can rightly be called an outstanding economic leader and statesman.

Having graduated from the Leningrad Chemical and Pharmaceutical Institute in 1972, Valentina Ivanovna dreamed of enrolling in graduate school and becoming a scientist, but her career in science had to be postponed for the sake of the party line, where she proved herself a strong leader.

She began her career in the Leningrad Regional Committee of the Komsomol, where she became first secretary in 1981. In 1986, Valentina Ivanovna became deputy chairman of the executive committee of the city council of people's deputies of Leningrad — she oversaw education and culture, and in 1989 she became people's deputy of the USSR. In 1991–1994 she served as Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the USSR (and then Russia) to the Republic of Malta, and upon her return she headed the Department for Regional Relations at the Foreign Ministry. From 1998, she held the

office of Deputy Chairman of the Government for five years.

Among the achievements of Valentina Ivanovna as governor of St. Petersburg, the office she held from 2003 till 2011, are a fivefold increase in the sizes of the budget and industrial output, a 7.5 time increase in foreign investment, and the construction of 21 million square meters of housing, which made it possible to reduce the waiting list of people in need of better housing conditions, as well as the implementation of large-scale infrastructure projects. She was awarded a badge of honor, “for special contribution to the development of St. Petersburg”, for her achievements as governor.

In 2011, Valentina Ivanovna was elected Chairman of the Federation Council, becoming the first woman to assume that public office. The newspaper *Kommersant* notes that “as Chairman of the Federation Council, Valentina Matvienko tirelessly fought to raise the status of the chamber, was one of the few high-ranking politicians who criticized government officials publicly, for example, she said the executive branch “lacked the will and ability to promptly respond to the situation,” she criticized the work of the Ministry of Economy and the system whereby the government took money from the regions, “and then, on a case by case basis, made nice gestures”.

“If you have started doing something, then do it, but if you can't, you should do something else. Everyone should carry their load,” she said this January addressing the head of Rosleskhoz, who, according to the Federation Council speaker, was unable to solve the problems associated with illegal deforestation during his 8-year stint. Those words characterize Valentina Ivanovna's approach to work.

“She is always focused on a specific result” and “is not afraid to defend her opinion, even if it differs from her colleagues’,” and it makes her stand out among the other Russian politicians, said President Vladimir Putin in March; he highly appreciates the professional qualities and uncompromising character of Valentina Ivanovna.

In March, the Chairman of the Federation Council was awarded the highest state award of the Russian Federation — the Order of St. Andrew the Apostle the First-Called.

The Presidium of the VEO of Russia, the Presidium of the ITU, and the editors of the Free Economy magazine are honored to congratulate Valentina Ivanovna on her anniversary.

50

ALEXEY ANATOLYEVICH GROMYKO

Director of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the VEO of Russia, Member of the Coordination Council of the International Union of Economists, Doctor of Political Sciences, Professor

**BORN ON APRIL 20,
1969 IN MOSCOW, USSR**

For Alexei Anatolyevich, a grandson of one of the most famous diplomats in the history of the country and the son of another prominent diplomat, it would have been easy to enter MGIMO, the most prestigious university at that time, and to serve in the most prestigious embassies, but he chose a career in science — he enrolled at the history faculty of the Lomonosov Moscow State University where he studied modern history of Great Britain; in 1997 he defended his thesis “Political reformism in Great Britain” at the Institute of Comparative Political Science of the Russian Academy of Sciences. In the early 2000s, he transferred to the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, where he headed the Center for British Studies; in 2005 he defended his doctoral thesis, “Modernization of the Party-Political System of Great Britain.” In 2014 he became Director of the Institute.

While engaged in hard work as Director and in other administrative activities at the Russian Academy of Sciences, Alexey Anatolyevich still finds time for active expert and scientific work, regularly publishing new research and speaking at Russian and foreign venues. Alexey Anatolyevich is known not only as one of the leading domestic experts on Great Britain but also as a scientist who has done a lot for the development of the Russian community of European scholars.

Since 2010, Alexey Anatolyevich has headed the Russian Association for European Studies — the largest professional association which encompasses over 400 Europeanist researchers, more than the American association has, as the scholar notes proudly.

The Presidium of the VEO of Russia, the Presidium of the ITU, the editors of the Free Economy magazine are honored to congratulate Alexey Anatolyevich on his anniversary.

70

OLEG NIKOLAEVICH SOSKOVETS,

Vice-President of the VEO of Russia, Vice-President of the International Union of Economists, President of the Russian Union of Commodity Producers, President of the Association of Financial and Industrial Groups of Russia, Doctor of Technical Sciences, Professor

**BORN ON MAY 11,
1949 IN TALDY-KURGAN, KAZAKH SSR**

Oleg Nikolaevich graduated from a technical college at the Karaganda Metallurgical Industrial Complex as an engineer-metallurgist in 1971, joined the complex that same year as a rolling mill operator, and worked there for the next 20 years. Oleg Nikolayevich rose through the ranks from a foreman to general director of the industrial complex.

Thanks to his outstanding managerial skills, Oleg Nikolayevich held senior positions in the governments of three major states: the Soviet Union, Kazakhstan, and Russia. In 1991, Oleg Nikolayevich was appointed Minister of Metallurgy of the USSR, in 1992, Minister of Industry of the Republic of Kazakhstan, and in 1993, First Deputy Chairman of the Council of Ministers of Russia.

An energetic and goal-oriented politician, he devoted many years of his life to the revival of the country's economic growth. Oleg Nikolayevich is undoubtedly responsible for the successes that have been achieved in the development of the industrial sector of the economy.

Having left public service, Oleg Nikolaevich has been engaged in social activities, representing the interests of domestic industrialists and entrepreneurs as head of the Russian Union of Commodity Producers and the Association of Financial and Industrial Groups of Russia.

The Presidium of the VEO of Russia, the Presidium of the ITU, the editors of the Free Economy magazine are honored to congratulate Oleg Nikolaevich on his anniversary.

YEVGENY GRIGORIEVICH YASIN

Full member of the Senate of the VEO of Russia, Research Director of the National Research University of the Higher School of Economics (HSE), Director of the Expert Institute under the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Doctor of Economics, Professor

BORN ON MAY 7, 1934 IN ODESSA, UKRAINIAN SSR

A well-known economist and statesman, ex-Minister of Economy of the Russian Federation, Yevgeny Grigorievich graduated from the Odessa State Hydrotechnical Institute in 1957 as a professional engineer specializing in the construction of bridges. He started his career as a foreman at a bridge-building train, worked as an engineer at the Design Institute No. 3 of the Ukrainian Gosstro.

In 1963, Evgeny Grigorievich received a second diploma from the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University, and in 1968 he completed his post-graduate education.

For 16 years, Evgeny Grigorievich headed a laboratory at the Central Economics and Mathematics Institute of the USSR Academy of Sciences and left a lasting mark in the field of economics.

Evgeny Grigorievich made a great contribution not only to economics but also to the country's economic development. In 1989, he was appointed head of the State Commission for Economic Reform under the Council of Ministers of the USSR, in 1992 he represented President Boris Yeltsin in the Supreme Soviet of the Russian Federation, in 1994 he became head of the analytical center under the President of Russia, and in the same year he headed the Ministry of Economy of the Russian Federation.

Dmitry Medvedev praised Yevgeny Grigorievich's service to the country. "You are one of those who stood at the origins of the formation of market economy in modern Russia. Taking part in the creation of a series of strategic programs, you were able to bring into them effective economic models and the most advanced international experience," Prime Minister said.

The professional achievements of Evgeny Grigorievich were recognized not only at home but also abroad. The scholar is a member of the European Academy of Sciences, a professor at the Jilin University and an honorary doctor of the University of Birmingham.

For over 20 years Yevgeny Yasin has held the post of research director of the National Research University of the Higher School of Economics. Students know and love him as a talented educator who has raised several generations of economists.

In addition to his scientific work, Evgeny Grigorievich has been engaging in social activities as president of the Liberal Mission Foundation who is tasked with the development and dissemination of liberal values and ideas in Russia. Evgeny Grigorievich's colleagues describe him as "a symbol of the real deep liberalism in its truest sense".

The Presidium of the VEO of Russia and the editorial board of the Free Economy magazine are honored to congratulate Yevgeny Grigorievich Yasin on his anniversary.

IN MEMORY OF GEORGY NIKOLAEVICH **TSAGOLOV** (09/11/1940 — 04/08/2019)

George Nikolaevich Tsagolov, doctor of economics, full member of the Senate of the Free Economic Society of Russia, member of the Coordination Council of the International Union of Economists, professor of the International University in Moscow, a member of the Writers' Union of Russia, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences died on April 8, 2019, at the age of 78.

Georgy Nikolayevich chose a career as an economist to continue the work of his father, Nikolai Aleksandrovich Tsagolov, a prominent Soviet economist who had been developing the economic theory of socialism and had created a theoretical system of production relations of socialism with the key role given to planning. To his last days, Georgy Nikolaevich defended similar ideas that have recently become relevant again, particularly at Free Economic Society gatherings.

After graduating with honors from the economics faculty of Moscow State University, in 1965 Tsagolov defended his candidate's thesis under the guidance of Professor Stanislav Menshikov who studied US state-monopoly capitalism. Georgy Nikolayevich gave lectures at the Moscow State University using his literary talent, published numerous papers in scientific and popular journals; as a foreign affairs expert he spoke at international conferences in different countries. In the early 1970s, he advised the Rector of the Higher Administrative School in Brazzaville, Congo.

At the Institute of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU, he defended his doctoral thesis and received a professorship, while researching the US military-industrial complex as a senior researcher at the Institute of the USA and Canada of the Academy of Sciences of the USSR. Based on the results of his scientific

work he wrote several books about American militarism which aroused great interest and were translated into foreign languages. In 1987, in Prague, he headed a department at the editorial office of the Problems of Peace and Socialism magazine.

In the 1990s, he successfully and actively engaged in business and social activities, and in the 2000s he returned to science and journalism: as a professor and a publicist he criticized the unregulated market system of the Russian economy, and called for combining the mechanisms of market and planned economy by offering the concept of a new integral society. Tsagolov's vigor could be envied by many young scientists: until his last days he worked as a professor at the International University in Moscow, held a doctorate at the Azerbaijan State Economic University, made frequent reports at the VEO of Russia, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, and the Financial University under the Government of the Russian Federation. He also wrote and published many papers.

GEORGY NIKOLAEVICH WROTE 15 MONOGRAPHS AND BOOKS, AND HUNDREDS OF PAPERS.

George Nikolaevich will be remembered with great warmth, and we, together with his students and relatives, will do our best to preserve his scientific heritage and continue his important research on the possibility of creating an integral society in the modern world.

Presidium of the VEO, Presidium of the ITU, and the editorial board of the Free Economy magazine.

ДОМ «Э»

Программа Вольного экономического общества России

На телеканале ОТР

ВЕДУЩИЙ ПРОГРАММЫ — СЕРГЕЙ БОДРУНОВ — Президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор ИНИР им. С.Ю.Витте, эксперт РАН, д.э.н., профессор:

«Когда мы говорим о каких-то сложных вопросах, мы часто, задумываясь, произносим непроизвольно «э-э», имея в виду, что это непростой вопрос. Когда речь идет об экономике, тем более российской, часто возникает ощущение, что незря это слово начинается с буквы «э», потому что вопросов там, требующих осмысления, иногда больше, чем ответов. Поэтому, начиная цикл передач о российской экономике, мы не мудрствуя лукаво решили назвать его просто «Дом "Э"».

в числе тем программы:

- «Экономическое будущее России: на что делать ставку?»
- «Россия и Китай: партнерство или конкуренция?»
- «Страхование: что ждать от услуг отрасли?»
- «Четвертая промышленная революция: что у России в перспективе?»
- «Экономика и урбанистика»

ГОСТИ И ЭКСПЕРТЫ:

- **Александр Широв** — заместитель директора, заведующий лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, д. э. н., профессор.
- **Сергей Глазьев** — вице-президент ВЭО России, советник Президента РФ, академик РАН.
- **Борис Титов** — член правления ВЭО России, уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, председатель президиума Столыпинского клуба.
- **Дмитрий Сорокин** — вице-президент ВЭО России, научный руководитель ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», член-корреспондент РАН.
- **Александр Некипелов** — вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН.
- **Василий Богоявленский** — член-корреспондент РАН, заместитель директора Института проблем нефти и газа РАН.
- **Виктор Ивантер** — директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН.
- **Александр Петриков** — член Президиума ВЭО России, врио директора Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени В.П. Никонова, академик РАН.
- **Елена Чугуевская** — директор департамента стратегического и территориального планирования Министерства экономического развития Российской Федерации.
- **Евгений Ясин** — действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики, д. э. н.
- **Руслан Гринберг** — научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН.

И многие другие.

Смотрите «Дом "Э"»
на ОТР каждую субботу в 17:00

ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С.Ю. ВИТТЕ

ВХОДИТ В СИСТЕМУ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН

Сергей Юльевич Витте (1849-1915)

ИНСТИТУТ
НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С.Ю. ВИТТЕ

Исследования в области
индустриального развития,
формирование концепций и
программ развития
промышленности, ведущих
отраслей, регионов.

Методическое руководство
Отделения общественных
наук РАН.

Кооперация с ведущими
российскими и
зарубежными научными и
аналитическими центрами.

Проведение научных,
научно-практических,
методических конференций
и семинаров.

Адрес: 197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, д.16. Тел.: 8 (812) 313-82-68.

Адрес московского отделения: 125009, Москва, ул. Тверская, 22 В.

Директор - Сергей Бодрунов, Президент Вольного экономического общества России, д.э.н.